

Вопросы

аграрной истории Латвии

Latvijas

agrārās vēstures jautājumi

P. Stučkas LVU

PSRS vēstures

katedra

ЛГУ им. П. Стучки

Кафедра

истории

СССР

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра истории СССР

ВСПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЛАТВИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

(межвузовский)

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1984

LATVIJAS AGRĀRĀS VĒSTURES JAUTĀJUMI

Latvijas agrārās vēstures jautājumi: Zinātnisko rakstu krājums (starpauugstskolu) /V.Kanāles red. - Rīga: P.Stučkas LVU, 1984. - 167 lpp.

Starpauugstskolu zinātnisko rakstu krājumā ietverti LVU un RPI mācību spēku un aspirantu jaunākie pētījumi par Latvijas agrārās vēstures problēmām XIX un XX gs. Autori savos rakstos galvenokārt aplūko zemnieku šķiras kustības jautājumus - pāreju pareizticībā, zemnieku-zvejnieku pārcelšanu uz citām Krievijas guberņām 19.gs., raksta par LSD lauku organizāciju darbību zemniecības vidū, kā arī par lauku sociālekonomisko attīstību IPSR un agrārās vēstures historiogrāfiju.

Latvijas zemniecības vēstures problemātika kapitālisma un sociālisma periodā ir joprojām aktuāla. Rakstu krājums var būt noderīgs zinātniski pētnieciskā darba darītājiem, pazinātājiem, studentiem un plašam lasītāju lokam.

В межвузовский сборник включены новейшие исследования преподавателей и аспирантов ЛГУ и РПИ по аграрной истории Латвии XIX - XX вв. Авторы сборника рассматривают вопросы крестьянского движения - переход в православие, переселение крестьян-рыбаков в другие губернии России в XIX в., деятельность сельских организаций ЛСДП, проблемы социально-экономического развития села и историографии.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей: студентов, преподавателей, научных работников, пропагандистов.

REDAKCIJAS KOLEĢIJA:

V.Kanāle (atb.ređ.), I.Greitjānis, H.Strods

Publicēts saskaņā ar P.Stučkas LVU
Izdevniecības padomes lēmumu.

I 10604-103u 16-papild.84.0505040000
M812(11)-84

© P.Stučkas
Latvijas Valsts
universitāte,
1984

LATVIJAS LAUKU SOCIĀLEKONOMISKĀ ATTĪSTĪBA (1970.g.-1980.g.)

PSRS Pārtikas programmas laika posmam līdz 1990. gadam akceptēšana maija (1982.g.) PSKP CK Plēnumā iezīmē kvalitatīvi jaunu lauksaimniecības attīstības posmu. Pārtikas programmai ir komplekss raksturs. Tā aptver leuksaimniecisko ražošanu, lauku ekonomiskās un sociālās attīstības jautājumus.

Nepieciešamība nodrošināt šo lielo un atbildīgo partijas noteikto uzdevumu izpildi objektīvi izvirza prasību izziņāt un apkopot lauksaimniecības attīstības svarīgākās tendences iepriekšējā periodā. Uzkrātās vēsturiskās pieredzes apkopošana, kā zināms, ir viens no svarīgākajiem sabiedrības zinātniskās pārvaldīšanas efektivitātes paaugstināšanas rīcīnāsociālajiem.

Lauku attīstības dažādi aspekti laika posmā no 1970. līdz 1980.g. ir samērā plaši izpētīti un jau atspoguļoti literatūrā¹. Taču darbu, kurā kompleksi būtu aplūkotas svarīgākās sociālekonomiskās pārvērtības laukos laika posmā pirms Pārtikas programmas akceptēšanas, vēl nav. Aizpildīt zināmā mērā šo "balto plankumu" Latvijas lauku izpētes materiālos par savu galveno uzdevumu izvirza šo rindu autors. Autors apzinās, ka vienā un epjomā ierobežotā rakstā pilnībā šo uzdevumu veikt nav iespējams, tāpēc tiek aplūkoti svarīgākie, būtiskākie Latvijas lauku sociālekonomiskie attīstības procesi nobrieduša sociālisma sākuma posmā.

Sociālekonomiskās attīstības procesus Latvijas laukos periodā pirms Pārtikas programmas izstrādēšanas iespējams analizēt, izdalot trīs svarīgākās šo procesu grupas:

- 1) lauksaimniecības materiāli tehniskās bāzes nostiprināšana, industrializācija, ekonomiskā attīstība;
- 2) kvantitatīvas un kvalitatīvas izmaiņas lauku iedzīvotāju sociālajā struktūrā;
- 3) kultūras un sadzīves sfēras attīstība laukos.

Lauksaimniecības materiāli tehniskās bāzes nostiprināšana ir tas reālais pamats, kas nosaka svarīgāko sociālekonomisko procesu norises ievirzi un attīstības tempus. Materiāli tehniskās bāzes līmenis tieši ietekmē ražošanu, tās atkarību

¹ sk.: Головчик А. А. Изучение проблем развития сельского хозяйства. - В кн.: Историческая наука Советской Латвии на современном этапе. Рига: Зинатне, 1983, с. 171-191.

no laika apstākļiem.

Lauksaimniecības materiāli tehniskās bāzes attīstības līmenis determinē pastāvošās atšķirības starp industriālo un agrāro darbu, pilsētu un laukiem. Materiāli tehniskās bāzes nozīme noteica to uzmanību, kas bija veltīta tās attīstībai Latvijas PSR 9. un 10. piec gadē.

Svarīgākie rādītāji, kas raksturo izmaiņas Latvijas lauksaimniecības materiāli tehniskajā bāzē, ir apkopoti l. tabulā.

Kā izriet no šiem datiem aplūkojamā laika posmā, lauksaimniecības materiāli tehniskajā bāzē notikušas būtiskas izmaiņas. It sevišķi jāatzīmē, ka 10. piec gades laikā reizē ar tehnikas skaita palielināšanos lauksaimniecībā kļuva arvien jūtāmākas kvalitatīvās izmaiņas tajā. Tā, no 1975. līdz 1980. gadam ieskaitot, traktoru azinēju jauda republikas laukos palielinājās aptuveni par 25 %, bet kopīgais traktoru skaits auga šajā pašā laikā sprīdī tikai par 600¹.

Traktoru jaudas izaugsme pozitīvi ietekmē darba ražīgumu, nepalielinot mehanizatoru skaitu. Tam ir liela nozīme apstākļos, kad trūkst darba resursu.

Zinīgi, ka aplūkojamā periodā laukos strauji augusi elektroapgādātība, tā palielinējusies 3,64 reizes, augusi arī elektroenerģijas izmantošana ražošanas vajadzībām. Plaša elektroenerģijas izmantošana lauksaimnieciskā ražošanā ir viens no priekšnosacījumiem, lai pārveidotu darbu, ieviestu mehānizāciju un perspektīvā darbu laukos arī automatizētu.

Lauksaimniecības materiāli tehniskās bāzes nostiprināšana ir nodrošinājusi ievērojamu lauksaimniecības produkcijas ražošanas palielināšanu, cēlies darba ražīgums. Atzīmēsim, ka 1976.-1980.g. darba ražīgums Latvijas lauksaimniecībā bija 2,46 lielāks nekā 1961.-65.g.²

Lauksaimniecības materiāli tehniskās bāzes nostiprināšana nav lokāls, tikai Latvijas laukiem raksturīgs process, tas risinās visā PSRS teritorijā, jo tas ir viens no svarīgākajiem PSKP agrārās politikas uzdevumiem.

Pozitīvi vērtējot Latvijas kolhozu un padomju saimniecību, visas lauksaimnieciskās ražošanas materiāli tehniskās bā-

¹ Aprēķināts: Latvijas PSR tautas saimniecība 1970.gadā. - Rīga: Avots, 1981, 130. lpp.

² См. : Трей Б. Ленинская аграрная политика КПСС на современном этапе. - Коммунист Советской Латвии, 1983, № 8, с.33.

1. tabula

Latvijas PSR lauksaimniecības materiāli tehniskās
bāzes attīstības pamatrādītāji (1970.-1980.g.)^x

Rādītāji	1970.g.	1980.g.	1980.g. pret 1970. g. %
Valsts saimniecību un kolhozu ražošanas pamatfondi (mljrd.rbl.)	1607	3540,7	220
Fondapgādātība: (tūkst. rbl.)			
- uz 100 ha lauks. izmantoja- mās zemes	62,9	149,0	237
- uz 1 darbinieku	5,8	17,0	293
Traktori (tūkst. g b.)	29,1	32,8	113
Kravas automašīnas (tūkst. gab.)	15,4	20,9	136
Visas enerģētiskās jaudas (tūkst. ZS)	4229	8248	195
t.sk. elektrodzinēji un iekār- tas (tūkst. ZS)	841	2156	256
Energoapgādātība un energo- nodrošinātība			
- uz 1 darbinieku (ZS)	15,6	37,3	239
- uz 100 ha sējumu platību (ZS)	251	476	186
Darba elektroapgādātība (kWh)	1383	5039	364
Nosusināto zemju platības (tūkst. ha)	831	1475	177
Minerālmēsļu piegāde (tūkst.t)	1205	1476	122

^x Tabula sastādīta pēc:

Сельское хозяйство Латвийской ССР.-Рига, 1979, с.51;
Latvijas PSR tautas saimniecība 1980. gadā, 57., 58., 61.,
127., 129., 130., 142., 143. lpp.

zes attīstību aplūkojamā periodā, tomēr jāuzsver, ka sasniegtais nedrīkst radīt pašapmierinājumu, perspektīvē saskaņā ar Pārtikas programmas uzdevumiem jēveic vēl ļoti liels un nozīmīgs darbs. Daudz kas jādarā, lai nodrošinātu labāku jau esošās tehnikas izmantošanu, kompleksās mehanizācijas ieviešanu visos svarīgākajos lauksaimniecības darba iecirkņos utt.

Kolhozu un padomju saimniecību materiāli tehniskās bāzes pilnveidošanās ietekmē sabiedrisko attiecību attīstību laukos. Notiek kolhozu un padomju saimniecību tuvošanās, arvien mazākas atšķirības ir arī valsts un kolhozu kooperatīvajam īpašumam. Sociālistiskā īpašuma divu formu tuvināšanās savukārt iezīmē padomju sabiedrības šķiru - strādnieku un kolhozu zemniecības tuvināšanos. Tas ir zināms solis uz priekšu bezšķiru sabiedrības veidošanā. Protams, šie procesi ir visai sarežģīti, daudzšķautņaini, tos nedrīkst vienkāršot, taču to attīstības galvenā tendence ir skaidri saskatāma. Tā, pēc mūsu domām, pietiekoši uzskatāmi redzama arī 2. tabulas materiāls.

Tabulas dati rāda padomju saimniecību lomas palielināšanos leuksaimnieciskā ražošanā, kā arī kolhozu izaugsmi. Sevišķi zīmīgi ir tas, ka aplūkojamā periodā kolhozos ievērojami (1,8 reizes) auguši nedalāmie fondi, kas raksturo sabiedrisko procesa attīstību. Aplūkojamā perioda beigās starp kolhoziem un padomju saimniecībām bija nelielas atšķirības fondu apgādātībā un fondu nodrošinājumā¹. Kolhozu un padomju saimniecību atšķirības pēc svarīgākajiem ekonomiskajiem rādītājiem ir kļuvušas nenozīmīgas, taču tas vēl nebūt neliecina par pilnīgu šķiru atšķirību izzušanu.

Atšķirības kolhozos un sovhozos vēl ir darba organizācijā, pārvaldes, finansēšanas sistēmās un daudzos citos jautājumos. Vēl ir priekšlaicīgi secināt par divu sociālistiskā īpašuma formu saplūšanu, taču to tuvināšanās noris arvien straujāk. Vēsturiski jaunu posmu šajos procesos sāk rajonu agrāri rūpniecisko apvienību izveidošana, kas realizēta saskaņā ar PSKP CK 1982.gada maija Plēnuma lēmumiem.

Reizē ar lauksaimniecības materiāli tehniskās bāzes no-

¹ Sk.: Сельское хозяйство Латвийской ССР, с.193, 207.

Latvijas PSR kolhozu un padomju saimniecību
attīstības svarīgākie rādītāji (1970.-1980.g.)^x

Rādītāji	1970.g.	1980.g.	1980.g. % pret 1970.
Kolhozu skaits (bez zvejnieku kolhoziem)	655	320	49
Padomju saimniecību skaits	230	243	106
Gada vidējais darbinieku skaits (tūkst.)			
- kolhozos	155,3	122,1	79
- pad. saimniecībās	95,4	107,4	113
Ražots lauks. bruto produk- cijas uz 1 darbinieku (rbļ.)			
- kolhozos	3573	4689	131
- padomju saimniecībās	3860	5009	130
Kolhozu nedalāmie fondi (mlj. rbļ.)	1166,6	2113,7	181
Izniegts darba samaksai vidēji par vienu nostrādāto cilvēku dienu (rbļ.)			
- kolhozos	4,74	7,21	152
- padomju saimniecībās	5,07	7,33	144

^x Tabula sast. pēc: Latvijas PSR tautas saimniecība 1980. ga-
dā, 156., 157., 158., 163., 164.lpp.

stiprināšanos, padomju saimniecību un kolhozu ekonomisko at-
tīstību un tuvināšanos notika arī lauksaimniecībā nodarbinā-
to ienākumu palielināšanās un strādnieku šķiras un kalpotāju,
no vienas puses, un kolhozu zemniecības, no otras puses, tuvoša-
nās pēc ienākumu apjoma no sabiedriskās saimniecības. Atzīmē-
sim, piemēram, ka no 1970.g. līdz 1980.g. kolhozieku ienāku-
mi (no sabiedriskās saimniecības) republikā ir auguši no 91,3
rbļ. mēnesī līdz 151,9 rbļ. vai par 66,3 %, tajā pašā laikā
padomju saimniecībās strādājošiem no 104,3 rbļ. līdz 156,2 rbļ.

vai par 49,8 %, bet rūpniecībā strādājošo strādnieku un kalpotāju alga augusi no 135,7 rbļ. līdz 186,3 rbļ. (37,2 %) ¹. Tērad atšķirības ienākumu apjoma ziņā starp kolhoziekiem, sovhozu darbiniekiem un rūpniecībā strādājošiem pakāpeniski samazinās. Ja 1970.g. kolhozieku ienākumi bija 67,3 % no rūpniecībā strādājošo algas, tad 1980.g. - jau 81,1 %. Šie procesi jāvērtē visai pozitīvi. Tomēr, risinot algas izaugsmes jautājumus, ne vienmēr tika konsekventi ievērota prasība par darba algas un darba ražīguma samēru. Darba ražīgumam vienmēr jāaug ātrāk nekā darba algai.

Būtiskas izmaiņas lauksaimniecības materiāli tehniskajā bāzē, plaša industriālo metožu ieviešana praksē jūtami ietekmē lauku iedzīvotāju sociālo struktūru. Lauku iedzīvotāju skaits samazinās, bet reizē ar šo procesu mainās to sociālišķiriskais sastāvs, pilnveidojas profesionālais un izglītības līmenis.

Par lauku iedzīvotāju skaitliskē sastāva izmaiņām urbanizācijas procesā rezultātā iespējams zināmu priekšstatu gūt no 3. tabulas materiāliem.

3. tabula

Izmaiņas pilsētu un lauku iedzīvotāju skaitē
Latvijas PSR^x (abs. un % no visiem iedzīvotājiem)

Gads	Iedzīvotāju skaits tūkst. cilv.	Pilsētas iedzīv.		Lauku iedzīvotāji	
		tūkst.	Ipatsvars (%)	tūkst.	Ipatsvars (%)
1970	2364	1477	62	887	38
1975	2465	1624	65	841	35
1979	2521	1724	68	795	32
1980	2529	1745	69	784	31

1980.g.% pret 1970.	106,9	118,1	-	88,4	-

^x Tabula sast. pēc: Latvijas PSR tautas saimniecība 1980.gadā, 14. lpp.

Aplūkojamā periodā kopīgais iedzīvotāju skaits Latvijas PSR palielinājās par 6,9 %, pilsētās par 18,1 %, bet laukos

¹ Aprēķināts pēc: Latvijas PSR tautas saimniecība 1980. gadā, 235., 236. lpp.

tajā pašā laikā samazinājās par 11,6 % vai 103 tūkst. cilvēkiem.

Šajā laikā posmā aptuveni par 25 tūkst. cilvēku samazinājās arī tieši lauksaimniecībā nodarbināto skaits.¹

Šo samazināšanos visumā kompensēja darba ražīguma un lauksaimniecībā nodarbināto kvalifikācijas izaugsme. Taču šī kompensācija bija vērojama tikai kopā ar visas republikas mērogā, atsevišķās saimniecībās tas radīja saspringtu situāciju darba spēka jautājumā.

Objektīvi tika radīta nepieciešamība veikt papildu pasākumus lauku iedzīvotāju migrācijas procesā uz pilsētu samazināšanai. Šie pasākumi tagad ir ietverti Pārtikas programmā, ir tās neatdalāma organiska sastāvdaļa. Īpaša uzmanība tiek pievērsta ekonomiski vājām saimniecībām, kurās šīs parādības bija izteiktas visspilgtāk².

Reizē ar urbanizācijas procesu (lauku iedzīvotāju skaita samazināšanos) būtiski mainījās lauku iedzīvotāju sociālā struktūra. Šo procesu dinamika apkopota 4. tabulā.

Kā izriet no 4. tabulas materiāliem, laukos strauji ir augusi strādnieku šķira, kalpotāju grupa, tajā pašā laikā ir samazinājies kolhozieku īpatsvars. Dominējošā vieta Latvijas lauku sociālajā struktūrā septiņdesmito gadu beigās piederēja strādnieku šķirai. Tā ir kvalitatīvi jauna parādība. Pēc 1970. gada tautas skaitīšanas rezultātiem strādnieki laukos bija lielākā sociālā grupa, 1979. g. - tās īpatsvars sociālajā struktūrā jau ievērojami pārsniedza 50 % robežu.

Šīs parādības ir izskaidrojamas ar rūpniecības, celtniecības, sakaru, agroservisa uzņēmumu un organizāciju skaita palielināšanos laukos, ar padomju saimniecību izaugsmi, kas daļēji notikusi atsevišķu kolhozu pievienošanas padomju saimniecībām, vai to pārveidošanas rezultātā.

Šajā laikā posmā mainījās arī pilsētas iedzīvotāju sociālā struktūra. Pastiprinoties sinātriski tehniskās revolūcijas ietekmei, šeit relatīvi nedaudz samazinājās strādnieku

¹ См.: Народное хозяйство Латвийской ССР в 1979 г. Рига: Авотс, 1980, с. 136.

² Sk.: PSRS pārtikas programma laika posmā līdz 1990. gadam un tās realizēšanas pasākumi. - Rīga: Avots, 1982, 99.-101. lpp.

4. tabula

Latvijas PSR visu nodarbināto iedzīvotāju sociālā struktūra (pēc 1970. un 1979. g. tautas skaitīšanas datiem)^x (% pret iedzīvotāju daudzuma grupām)

	Strādnieki		+ % punkti 1979. pret 1970.	Kalpotāji		+ % punkti 1979. pret 1970.
	1970.	1979.		1970.	1979.	
Visi iedzīvotāji, nestrādājošos ieskaitot,	56,6	58,6	+ 2,0	25,5	27,8	+ 2,3
t.sk.:						
pilsētu lauku	63,6 45,2	62,7 50,1	- 0,9 + 4,9	34,3 11,0	35,0 12,6	+ 0,7 + 1,6
Nodarbinātie iedzīvotāji,	58,0	59,3	+ 1,3	28,9	31,1	+ 2,2
t.sk.:						
pilsētu lauku	63,3 47,0	62,2 51,7	- 1,1 + 4,7	36,0 14,2	36,7 16,5	+ 0,7 + 2,3

4. tabulas turpinājums

	Kolhoznieki		+ % punkti 1979. pret 1970.
	1970.	1979.	
Visi iedzīvotāji, nestrādājošos ieskaitot,	17,6	13,5	- 4,1
t.sk.:			
pilsētu lauku	1,9 43,4	2,2 37,2	+ 0,3 - 6,2
Nodarbinātie iedzīvotāji,	12,7	9,6	- 3,1
t.sk.:			
pilsētu lauku	0,5 38,1	1,1 31,7	+ 0,6 - 6,4

^x Tabula veid. pēc: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.-М.: Статистика, 1973, т.5, с.12,30; Источники средств существования и общественные группы. - Вестник статистики, 1981, VI, с.66-67.

šķiras Ipatsvars, absolūti tas turpināja augt. Samērā strauji pilsētās palielinājās kalpotāju skaits (inženiertehniskie darbinieki, speciālisti, garīgā darba veicēji - praktiķi).

Sociālās struktūras attīstības tendences pilsētās un laukos rāda šo divu sabiedrības apakšsistēmu (pilsēta, lauki) pakāpenisku tuvošanos šajā jomā. Tāda tendence septiņdesmitajos gados ir bijusi jūtāmāka nekā iepriekšējā periodā¹.

Vienlaikus ar izmaiņām lauku sociāli šķiriskajā struktūrā nozīmīgas izmaiņas aplūkojamā laika posmā risinājās arī kolhozu un padomju saimniecību darbinieku struktūrā. Šīm izmaiņām, kā zināms, ir nozīmīga vieta sabiedrības bezšķiru struktūras veidošanās procesos².

Kolhozos un padomju saimniecībās strādājošos mēs sadalām divās lielās daļās - garīgā un fiziskā darba veicējos. Garīgā darba veicēju grupā, savukārt, tiek izdalītas divas apakšgrupas:

- 1) kvalificētā garīgā darba veicēji (vadītāji, speciālisti, inženiertehniskie darbinieki, brigadierī, fermu pārziņi u. tml.);
 - 2) mazāk kvalificētā garīgā un apkalpošanas darba veicēji (uzskaitītāji, pastnieki, ekspeditori, mašīnrakstītājas, kultūras sadzīves iestāžu darbinieki utt.).
- Fiziskā darba veicējus sadalījām trijās grupās:
- 1) kvalificētā fiziskā darba veicēji (mehанизаторi, šoferi, elektriķi, darbnīcu un palīguzņēmumu darbinieki);
 - 2) vidējās kvalifikācijas fiziskā darba veicēji (kolhozu un padomju saimniecību celtnieki un lopkopji);
 - 3) nekvalificētā fiziskā darba veicēji (statistikā uzskaitītie kā roku darba veicēji).

Šāds dalījums, protams, nav pilnīgs, bet, izmantojot esošās statistiskās atskaites formas, grūti gūt precīzākas ziņas par kolhozu un padomju saimniecību darbinieku sociālās struktūras izmaiņām. Taču arī tēds zināmā mērā nosacīts dalījums

¹ Sk. Итоги сезонной переписи населения 1959 г. - М.: Госстатиздат, 1962, с. 30-31, 36-41.

² Sīkāk kolhozu zemniecības struktūras izmaiņas autors aplūkojis darbē: Mūrnieks E. Latvijas kolhozu zemniecība. - Rīga: Liesma, 1975, 181. lpp.

dod iespēju ielūkoties sociālās pārvērtībās, kas notiek laukos attīstīta sociālisma sākuma periodā.

Latvijas kolhozu un padomju saimniecību darbinieku sociālās struktūras pamatizmaiņas atspoguļotas 5. tabulā.

Pirmkārt, padomju saimniecību kolektīvos ir ievērojama visumā augstāka darbinieku kvalifikācija nekā kolhozos. Tas attiecas gan uz fiziskā, gan garīgā darba veicēju grupām. Otrkārt, lauksaimniecības industrializācijā visu to pasākumu rezultātā, kuri tiek veikti saskaņā ar partijas agrārās politikas īstenošanu, notiek pastāvīga kvalificētā darba izmantošanas sfēras paplašināšanās. Zīmīgi, ka, neskatoties uz kopīgā kolhoznieku skaita samazināšanos, kolhoznieku skaits, kas veic kvalificētu darbu (gan fizisko, gan garīgo), aug absolūtos un relatīvos rādītājos.

Treškārt, pastāvīga kvalificēta darba veicēju palielināšanās kolhoznieku sastāvā iezīmē tālāku kolhozu zemniecības un strādnieku šķiras tuvošanos, bezšķiru sabiedrības veidošanās tendences.

Laukos notiekošās pārmaiņas izraisa ne tikai kvantitatīvas pārvērtības kolhozu un padomju saimniecību darbinieku sastāvā, bet mainās arī sociālo grupu kvalitatīvie rādītāji.

Aplūkojamā periodā, piemēram, augusi lauksaimniecības uzņēmumu vadītāju un speciālistu (izņemot agronomus un zootehnikus) izglītība¹.

Ja 1970.g. kolhozos inženieru un tehniķu amatos strādāja tikai 45 % darbinieku ar speciālo (augstāko un vidējo) izglītību, tad 1980.g. - 61 %, padomju saimniecībās attiecīgi - 35% un 59 %, brigadiera amatos - kolhozos 35 % un 55 %, padomju saimniecībās - 40 % un 65 %.

Šīs izmaiņas ir būtiskas, taču sasniegumi nedrīkst aizsegēt esošās problēmas. Vadošos amatos republiku kolhozos un padomju saimniecībās tomēr vēl daudz ir cilvēku bez speciālās izglītības, tā saucami praktiķi. Tas ietekmē lauksaimniecības attīstību un šī ietekme ne vienmēr ir pozitīva. Perspektīvā jāveic liels darbs, lai visus kolhozus un padomju saimniecības nodrošinātu ar kvalificētiem mūsdienu prasībām atbilstoši

¹ Sk.: Сельское хозяйство Латвийской ССР. Рига, 1971, с.63; Народное хозяйство Латвийской ССР в 1979 году, с.137.

5. tabula

LPSR kolhoznieku un padomju saimniecību darbinieku sociālās struktūras izmaiņas (1970.-1980.g.)^x

	Darbinieku skaits tajā (uz 1. janv.)							
	kolhozi		pad.saimn.		kolhozi		pad.s.	
	tūkst.	%	tūkst.	%	tūkst.	%	tūkst.	%
	cilv.		cilv.		cilv.		cilv.	
	1970.g.				1975.g.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Garīgā darba veicēji, (pavisam) t.sk.:	19,0	11,1	10,9	13,7	19,2	12,2	19,6	13,7
Kvalif. garīgā darba veicēji	11,3	6,6	6,2	7,8	11,4	7,3	7,5	8,0
Mazāk kvalif. garīga darba un apkalp.darba veicēji	7,7	4,5	4,7	5,9	7,8	4,9	6,2	6,7
Fiziskā darba veicēji (pavisam)	153,0	88,9	68,7	86,3	138	87,8	79,8	85,3
Kvalif. fiziskā darba veicēji	30,2	17,5	16,2	20,4	34,5	22,0	24,5	26,2
Vid. kvalif.fiziskā darba veicēji	47,8	27,8	20,9	26,3	44,0	28,0	24,1	25,8
Nekvalif. fiziskā darba veicēji	75,0	43,6	31,5	39,6	59,5	37,8	31,2	33,3
Pavisam	172,0	100	79,5	100	157,2	100	93,5	100

5. tabulas turpinājums

Darbinieku skaits tajā (uz 1. janv.)

	1980.g.				1980.g. % pret 1970.	
	kolhozi	pad.saimn.	kolhozi	pad.saimn.		
	tūkst.	%	tūkst.	%	%	%
	cilv.		cilv.			
1.	19,6	13,7	18,6	17,3	103,2	170,6
2.	11,3	7,9	9,4	8,7	100,0	151,6
3.	8,3	5,8	9,2	8,6	107,8	195,7
4.	123,4	86,3	89,0	82,7	80,6	129,5
5.	39,5	27,6	34,1	31,7	130,8	210,5
6.	38,8	27,1	25,4	23,6	81,2	121,5
7.	4,1	31,6	29,5	27,4	60,1	93,7
8.	143,0	100,0	107,6	100,0	83,7	135,3

^x Tabula sast. pēc: Сводные годовые отчеты колхозов и совхозов Латвийской ССР за 1969, 1974, 1979 гг.

kadriem.

Reizē ar garīga darba veicēju kvalifikācijas izaugsmi aplūkojamā periodā augusi arī fiziskā darba darītāju profesionālā meistarība un kvalifikācija.

Tā, piemēram, ja 1965.g. Lātvijas PSR pēc CSP datiem 12,7 % lauku mehanizatoriem bija I un II klase, tad 1979.g. dā tēdu jau bija 55,9 %. 1980.g. sākumā republikas kolhozos strādāja 7,8 tūkstoši I un II klases lopkopju (t.i., aptuveni 50 %).

Šie skaitļi rāda, ka turpmāk mehanizatoru un lopkopju kvalifikācijas celšanas jomā jāveic vēl liels un atbildīgs darbs. Jaunā lauksaimniecības tehnika, plaša industriālo darba metožu ieviešana objektīvi rada nepieciešamību pastiprināt darbu šajā virzienā.

Vienlaicīgi ar profesionālo izaugsmi palielinās arī lauku iedzīvotāju vispārīgās izglītības līmenis. Tam ir liela nozīme gan sabiedrības bezšķiru sociālās struktūras, gan arī vispusīgi attīstītas personības veidošanās procesos.

LPSR lauku un pilsētas iedzīvotāju izglītības līmeņa izmaiņas apkopotas 6. tabulā.

Analizējot šos materiālus, uzmanību saista tas, ka aplūkojamā periodā ievērojami audzis gan lauku, gan pilsētas iedzīvotāju izglītības līmenis, taču laukos šī izaugsme ir bijusi nedaudz straujāka nekā pilsētā un tāpēc notikusi tālāka pilsētas un lauku tuvošanās, tālāka būtisko atšķirību samazināšana starp šīm sabiedrības sociālajām apakšsistēmām.

1970.g. republikas pilsētās no 1000 iedzīvotāju 440 bija augstākā, nepabeigta augstākā, vidējā speciālā un vispārējā vidējā izglītība. 1980.g. - 608, laukos attiecīgi - 183 un 344. Tas nozīmē, ka 1970.g. republikas pilsētās cilvēku ar vidējo un augstāko izglītību bija 2,4 reizes vairāk, nekā laukos, bet 1980.g. šī starpība bija samazinājusies līdz 1,7 reizēm. Laukos audzis arī to cilvēku skaits, kam ir nepabeigta vidusskolas izglītība. Reizē ir arī ievērojami samazinājies to lauku iedzīvotāju skaits, kam ir tikai pamatskolas izglītība. Jūtami mazinājusies arī diference izglītības līmenī starp strādnieku šķiru un kolhozniekiem, no vienas puses, un strādnieku šķiru, kolhozniekiem un kalpotājiem, no otras pu-

Latvijas PSR lauku un pilsētu iedzīvotāju
izglītības līmeņa izmaiņas 1970.-1980.g.

(uz 1000 cilv. nodarbināto)^x

	Augstākā, n/augst., vid. spec. izgl.			Vid. visp.		
	1970	1979	± pret 1970	1970	1979	± pret 1970
Pilsētu un lauku iedzīvotāji	210	300	+ 90	147	234	+ 87
strādnieki	63	116	+ 53	138	265	+ 127
kalpotāji	592	696	+104	212	215	+ 3
kolhoznieki	67	149	+ 82	35	109	+ 74
Pilsētu iedzīvo- tāji	256	340	+ 84	184	268	+ 84
strādnieki	72	128	+ 56	164	298	+ 134
kalpotāji	601	703	+102	219	217	- 2
Lauku iedzīvo- tāji	114	195	+ 81	69	149	+ 80
strādnieki	40	82	+ 42	66	162	+ 96
kalpotāji	545	660	+115	177	201	+ 24
kolhoznieki	63	137	+ 74	33	100	+ 67

^x Tabula sast. pēc: Уровень образования занятого населения
СССР и союзных республик по общественным группам. - Вестник
статистики, 1981, № 2, с.73.

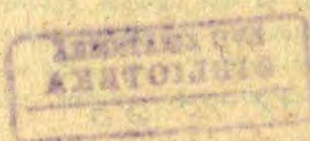
Sk.: tabulas turpinājumu 16. lpp.

6. tabulas turpinājums

Latvijas PSR lauku un pilsētu iedzīvotāju
izglītības līmeņa izmaiņas 1970.--1980.g.
(uz 1000 cilv. nodarbināto)

	Nep. vidējā			Pamatskolas		
	1970	1979	1979 ± pret 1970	1970	1979	1979 + pret 1970
Pilsētu un lauku iedzīvotāji	304	261	- 43	251	182	- 69
strādnieki	381	344	- 37	318	244	- 74
kalpotāji	150	71	- 79	41	17	- 24
kolhoznieki	305	364	+ 59	404	331	- 73
Pilsētu iedzīvotā- ji	297	230	- 67	205	145	- 60
strādnieki	387	327	- 60	294	220	- 74
kalpotāji	137	63	- 74	38	16	- 22
Lauku iedzīvotāji	319	340	+ 21	347	277	- 70
strādnieki	362	394	+ 32	385	317	- 68
kalpotāji	217	115	- 102	56	23	- 33
kolhoznieki	303	370	+ 67	409	343	- 66

ses. Šī tendence raksturo sociālistiskās sabiedrības šķiru un sociālo grupu (garīgā darba un fiziskā darba veicēju) tēlāku tuvošanos, bezšķiru sabiedrības veidošanos procesu pastiprināšanos.

Septiņpadsmitajos gados republikas laukos risinājās vēraņemamas pārmaiņas arī kultūras un sadzīves sfērā. Kultūras un sadzīves sfēras attīstība, pēc mūsu domām, ir svarīga lauku sociālekonomiskas attīstības procesu sastāvdaļa, jo tā raksturo dzīves apstākļu atšķirības pilsētā un laukos, tās līmenis bieži ir būtiskākais faktors, kas nosaka lauku iedzīvotāju migrācijas apmērus un tempus¹.

Tirdzniecības, sabiedriskās ēdināšanas un sadzīves pakalpojumu sfēras attīstību Latvijas PSR laukos 1970.-1980.g. atspoguļo 7. tabulas dati.

Pirmkārt, sadzīves pakalpojumi un sabiedriskā ēdināšana pārlūkojamā periodā laukos attīstījās straujāk nekā pilsētā un tas sekmēja dzīves apstākļu laukos tuvināšanos dzīves apstākļiem pilsētās.

Otrkārt, šajā periodā tirdzniecības tīkls laukos kvantitatīvi mainījās tikai nedaudz, toties notika ievērojamas tā kvalitatīvās izmaiņas, auga preču apgrozījuma apjoms. Taču arī 1980.g. lauki vēl stipri atpalika no pilsētas šajā jomā. Lauku iedzīvotāji bieži iepērkas pilsētā, jo tirdzniecības tīkls laukos neapmierina pilnībā to vajadzības.

Sociāloloģiskie pētījumi, kas veikti Latvijas PSR laukos ar šī raksta autora tiešo līdzdalību, rāda, ka tirdzniecības, sadzīves pakalpojumi un sabiedriskās ēdināšanas attīstības līmenis, to darbības kvalitāte vēl neapmierina daudzus lauku iedzīvotājus. Piemēram, 50% aptaujāto nav apmierināti ar sadzīves pakalpojumu veidiem, to izpildes termiņiem un kvalitāti. Daudzi no aptaujātajiem ir neapmierināti ar sabiedriskās ēdināšanas uzņēmumu kultūru, viena trešā daļa to pakalpojumus vispār neizmanto. Puse no aptaujātajiem nav apmierināti ar preču izvēles iespējām un to piegādi lauku veikalos.

¹ Поршетиц Я.П. Миграция сельского населения и ее взаимосвязь с процессом преодоления существенных различий между городом и деревней.-Рига, 1973, с.21.

7. tabula

Mazumtirdzniecības, sabiedriskās ēdināšanas un
sadzīves pakalpojumu attīstība Latvijas PSR
(1970.--1980.g.)^x

	1970	1980	1980.g. pret 1970.g. %
Mazumtirdzniecības uzņēmumu skaits,	6846	7074	103
t.sk.:			
pilsētas tipa apdzīvotās vietās	4514	4785	106
lauku apvidos	2332	2289	98
Sabiedriskās ēdināšanas uzņēmumu skaits,	2531	3199	126
t.sk.:			
pilsētas tipa apdzīvotās vietās	1847	2323	126
lauku apvidos	684	976	128
Kopīgais mazumtirdzniecības apjoms (sabiedr. ēd. ieskaitot) (milj. rbļ.) ,	2241	3795	166
t.sk.:			
pilsētas tipa apdzīvotās vietās	1922	3250	169
lauku apvidos	319	475	149
Sadzīves pakalpojumu uzņēmumu skaits ^{xx} ,	2838	2523	89
t.sk.:			
lauku apvidos	1782	1430	80
reāl. apjoms salīdz. cenās (milj. rbļ.),	70,7	128,3	181
t.sk.:			
lauku apvidos	28,9	56,7	196

^x Tabula sast. pēc: Latvijas PSR tautas saimniecība 1980. gadā, 274., 289., 290., 301. lpp.

^{xx} Sadzīves pakalpojumu uzņēmumu skaita samazināšana notikusi sakarā ar to darbības reorganizāciju, kas paredz labāku ledzīvotāju apkalpošanu.

Sabiedriskās sadzīves sfēras attīstība laukos, pēc autora domām, mūsdienās izvirza divus savstarpēji saistītus svarīgākos uzdevumus:

1) tālāk pilnveidot tirdzniecības, sabiedriskās ēdināšanas un sadzīves pakalpojumu uzņēmumu darbību laukos;

2) tā organizēt darbu laukos, lai sekmētu lauku iedzīvotāju vajadzību pilnīgošanu. Jāpanāk lai labāk tiktu izmantots tas, kas laukos jau ir izveidots.

Plašumā Latvijas laukos aplūkojamā periodā vērsās dzīvokļu, sadzīves un kultūras objektu celtniecība. Atzīmēsim, ka piecos gados (1976.-1980.) laukos tika uzcelti 25 tūkst. dzīvokļu, skolas ar 22 tūkst. vietām, pirmsskolas bērnu iestādes ar 9 tūkst. vietām¹. Celtniecības jomā padarīts daudz. Tācu sasniegtais nedrīkst aizsegt problēmas, kas ir jārisina turpmāk. 1979.g. tikai 30% no lauku iedzīvotājiem dzīvoja ciematos², pārējie - viensētās, kas, kā zināms, stipri apgrūtina lauku sociāli kulturālās attīstības procesu norisi. Protams, viensētu pilnīga likvidācija īsā laika sprīdī nav iespējama, bet pakāpeniski šī problēma ir jāatrisina.

Moderno lauku ciematu veidošanās process tieši ietekmē kultūras un izglītības iestāžu tīkla attīstību un to izmantošanas pakāpi. Socioloģisko pētījumu materiāli rāda, ka cilvēki, kuri dzīvo viensētās, daudz retāk apmeklē vietējos kultūras pasākumus.

Zināmu priekšstatu par kultūras izglītības iestāžu tīkla attīstību Latvijas laukos var gūt, iepazīstoties ar 8. tabulas materiāliem.

Kultūras un izglītības tīkla attīstībai laukos raksturīga ir klubu, bibliotēku, kinolektūrtu skaita samazināšanās, vienlaicīgi pilnveidojas to darbības kvalitatīvie rādītāji. Šos procesus ietekmē jaunu lauku ciematu veidošanās un lauksaimnieciskās ražošanas koncentrācija. Visumā tas ir pozitīvs process. Tomēr daļkārt šī kultūras iestāžu skaita samazinā-

¹ Voss A. Par pasākumiem lauku celtniecības tālākai pastiprināšanai atbilstoši PSKP XVI kongresa prasībām: Referāts LKP CK Plēnumē 1971.g. 2. jūnijā. - Cēņa, 1981, 3. jūn.

² Sk.: Сельское хозяйство Латвийской ССР. - Рига, 1979, с.13.

Kultūras un izglītības iestāžu tīkls
Latvijas laukos 1970.-1980.g.^x

	1970.g.	1975.g.	1980.g.
Masu bibliotēku skaits	957	907	876
grāmatu un žurnālu skaits tajās (milj. eks.)	5,9	6,4	7,6
Klumbu iestāžu skaits	808	766	714
Kinolekārtas,	1067	989	947
t.sk.: pārvietojamās	123	95	64
Kinoseansu apmeklējumu skaits,	16	14	14
t.sk.: pilsētu tipa apdzīvotās vietās	22	17	17
lauku apvidos	8	8	8

^x Tabula sast. pēc: Latvijas PSR tautas saimniecība 1980.gadā, 331., 332., 335. lpp.

šanās ir nevēlama, jo apsteidz jaunu ciematu veidošanās norisi un pasliktina lauku iedzīvotāju apkalpošanu kultūras sfērā. Lai tas nenotiktu, visi pārkārtojumi laukos jārisina kompleksi, ņemot vērā visus iespējamās attīstības aspektus.

Lielā nozīme lauku sociālekonomiskās attīstības procesos ir pirmsskolas bērnu iestādēm un skolām.

1980.g. beigās Latvijas laukos darbojās 281 pirmsskolas bērnu iestāde (bērnu dārzi, apvienotās bērnu iestādes, mazbērnu novietnes), kurās bija 19,2 tūkst. vietu vai aptuveni 2,5 reizes vairāk nekā 1970.g.¹ Tomēr pirmsskolas bērnu iestāžu laukos vēl trūkst. Plaša šo iestāžu celtniecība laukos tiek izvērstā, īstenojot Pārtikas programmu.

Aplūkojamā periodā republikā daudz kas izdarīts lauku skolu attīstībā. 1971.-1980. gados uzbūvēta 61 jauna skola ar 37,5 tūkst. vietām². Tomēr, pilnveidojot lauku skolu darbu, reizē ar pozitīviem pārkārtojumiem jāatzīmē arī pieļautās ne-

¹ Aprēķināts pēc: Latvijas PSR tautas saimniecība 1980.g., 261.lpp.

² Sk.: Latvijas PSR tautas saimniecība 1980.g., 249.lpp.

pilnības un kļūdas. Viena no tādām kļūdām ir tā saukto "bezperspektīvo" mazo skolu likvidācija. Šis pasākums, kura galvenais mērķis bija celt skolu darbības kvalitāti laukos, no otras puses, radīja ļoti negatīvu parādību - ģimeņu ar mazgadīgiem bērniem aizplūšanu no tiem apvidiem, kur tika slēgtas mazās skolas. Šis bēdīgais piemērs vēlreiz parāda, ka lauku attīstība prasa pieņemt vispusīgi paratotus lēmumus. Steīga un vienpusība rada smagas sekas, kuras labot ir grūti.

Rezumējot sociālekonomiskās pārvērtības Latvijas laukos 1970.-1980.g., jāsecina, ka šajā periodā laukos ir notikušas būtiskas pārmaiņas. Atšķirības starp pilsētu un laukiem ir krietni samazinājušās, notikusi tālāka bezšķiru sabiedrības veidošanās procesu attīstība. Taču šie procesi ne vienmēr risinājušies gludi. To attīstībā ir bijušas grūtības un pretrunas. Pieredze, kas gūta Latvijas lauku sociālekonomisko problēmu risināšanā pirms Pārtikas programmas pieņemšanas, mūsu prāt, lieti var noderēt, pildot partijas noteiktos uzdevumus. Tā plaši jāizmanto praksē.

Spruģe L.

LSD LAUKU ORGANIZĀCIJU DARBĪBA PIRMĀ
IMPERIĀLISTISKĀ PASAULES KARA LAIKĀ
(1914.g. VII līdz 1917.g. II)

Pēc 1905.-1907. gada revolūcijas sakāves Latvijas sociāldemokrātija prata organizēti atkāpties un smagajos reakcijas gados atkal saliedēt savus spēkus. Jauno revolucionāro uzplūdu gados (1910.-1914.g.) LSD apkopoja un izvērtēja pirmajā revolūcijā gūto pieredzi, lai vadītu pilsētu un lauku proletariātu revolucionārajā Iņā jaunos apstākļos. Šajā laikā praktiski visu Vidzemes un Kurzemes guberņu teritoriju aptvēra aktīvi darbojošos LSD lauku organizāciju tīkls. Par LSD lauku organizācijām sauca visas LSD organizācijas (Liepājas, Ventspils, Jelgavas, Dzintara, Vidienas, Malienas, Mallienas-Gaismas), izņemot Rīgas organizāciju. Uz 1914.gada vidu Krievijā nolieda revolucionārā situācija. Be. 1914. gada 19. jū-

lijā (1. augustā) sākās pirmais pasaules karš, kas, lai gan faktiski vēl vairāk saasināja šķiru pretrunas, sākuma posmā izkļiedēja revolucionāros spēkus.

LSD darbība pirajā pasaules kara gados atzinīgi tika novērtēta starptautiskajā konferencē Cimmervaldē 1915. gada septembrī¹. Zināmu ieguldījumu kopējā darbā deva arī LSD lauku organizācijas, kuru darbība šajā posmā nav speciāli pētīta. Minētā perioda LSD lauku organizāciju skaitliskais sastāvs un atsevišķi darbības virzieni, piemēram, LSD darbs armijā un aktīvākie šī darba veicēji ir atspoguļoti vēsturnieka O. Niedres pētījumos². Šī raksta mērķis ir, balstoties uz esošajiem pētījumiem, izmantojot nepublicētos arhīvu materiālus, salīdzinot tos ar cīnītāju publicētajām atmiņām, parādīt LSD lauku organizāciju struktūru un galvenos darbības virzienus pirajā pasaules kara gados.

Sākoties karam, Latvijas sociāldemokrātijai vajadzēja izstrādāt darbības taktiku atbilstoši konkrētajiem apstākļiem. Kara pirmajā posmā LSD CK nesapņēma KSDSP lēmumus, kas parādītu Krievijas bolševiku un V. I. Leņina nostāju kara jautājumā. Latvijā revolucionāru vidū trūka arī teorētiski izglītoto LSD darbinieku. Tomēr jau pirmie LSD lēmumi šajā jautājumā (LSD X konference notika 1914. g. VIII) atbilda leņinisma principiem³. LSD lauku organizācijas savā darbā vadījās pēc LSD X, XI un XII konferenču lēmumiem, kuros kā galvenais uzdevums tika izvirzīts: "atsegt visiem tagadējā kara cēloņus un censties to pārvērst revolūcijā"⁴.

1 Latvijas Komunistiskās partijas apcerējumi. - R., 1961., 1. d., 263.-164. lpp.

2 Niedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki un zemnieki pirmajā pasaules kara laikā. - R., 1972, 182. lpp.; Niedre O. Организационная структура Социал-демократии Латышского края (СДЛК) во время первой мировой войны (до февраля 1917 г.) - В кн.: Организационная структура коммунистической партии Латвии (1904-1941). Р., 1978, с. 122-131.

3 Ziemeļis S. Leņinisma uzvara Latvijas strādnieku kustībā. - R., 1977, 150.-161. lpp.

4 Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi. - R., 1958, 1. d., 106. lpp.

Konferenču rezolūcijās bija izvirzīti arī konkrēti uzdevumi. LSD X konference, apspriežot jautājumu par pašreizējo stāvokli, atzina par nepieciešamu - "nostiprināt un paplašināt mūsu organizācijas rindas", organizatoriski saistīties ar visām sociāldemokrātiskām partejiskām organizācijām, stāties sakaros ar pārējām revolucionārām organizācijām Krievijā¹. Kā šos uzdevumus izdevās realizēt LSD lauku organizācijām?

LSD lauku organizācijas pirmā pasaules kara gados nevarēja saglabāt tādu organizāciju struktūru, kāda bija nostiprinājusies jauno revolucionāro uzplūdu gados. Jau pašā kara sākumā cara valdība izsludināja Baltijā karstāvokli, bet kopš 1915.g. vasaras šeit izveidojās okupācijas režīms. Kara laikā, kā visā pirmsoktobra posmā, cara varas iestāžu uzmanības centrā atradās cīņa pret sociāldemokrātisko kustību. Daugavpils kara apgabala priekšnieka palīgs Kurlovs 1914.g. beigās atzina, ka "latviešu vidū ir ievērojams daudzums sociāldemokrātu, kas vienmēr ir gatavi virzīt masas uz revolucionāru uzstāšanos. Šīs partijas pretvalstiskā darbība, kas kara sākumā norima, pēdējā laikā spēcīgi atdzimst"². 1915.gada sākumā no Kurzemes guberņas žandarmērijas priekšnieka tika prasīta stingra kontrole pār "nelabvēlīgiem elementiem" un uzdots veikt pašus enerģiskākos pasākumus cīņai pret revolucionārajām organizācijām un komitejām, kas esot kā pilsētās, tā to apkārtnē un pat armijā. Līdzīgus norādījumus 1916.g. janvārī saņēma Vidzemes žandarmērija³.

LSD lauku organizāciju darbību traucēja nemitīgās vajāšanas, mobilizācijas, došanās bēgļu gaitās no okupētās teritorijas, rūpniecības uzņēmumu evakuācija uz Krievijas iekšieni un sakarā ar karstāvokļa noteikšanu ierobežotā pārvietošanās. Tādēļ bez būtiskām izmaiņām visā kara laikā saglabājās tikai Vidienes organizācija, kas darbojās Latvijas neokupētajā teritorijā.

Vidienes organizācijā biedru skaits ar nelielām svārstībām visus kara gadus caurmērā bija 160⁴. Tas bija vairāk nekā

1 Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, l.d., 106. l.p.

2 LKP MK PVI PA 35.l., 3.apr., 9.l., 102.lp.

3 LKP CVVA, 4568.f., 8.apr., 487.l., 44.lp.

4 Ние ре О. Организационная структура..., с.123.

pirms kara, kad 1914. gada janvārī bija 150 biedri¹. Organizācija nemitīgi atjaunojās. Jauni biedri tika uzņemti Valmieras skolotāju seminārā esošajā pulciņā "Lācplēsis". To noteica šī pulciņa specifika - katru gadu semināra beidzēju vidū bija arī pulciņa biedri². Jauni biedri tika iesaistīti arī Mārsnēnu pulciņā³. Vidienas organizācija papildinājās arī ar bēgļiem no vācu okupētās teritorijās esošajām organizācijām. Piemēram, Mazsalacas rajonā darbā iekļāvās Tiesnieku ģimene no Rīgas un Bušu ģimene no Kurzemes⁴.

Organizācijas darbība stingri balstījās uz konspirācijas principu ievērošanu, tādēļ bija maz iekrišanas gadījumu. K. Briedis savās atmiņās raksta, ka par jauno, nepārbaudīto biedru uzaicināšanu uz pulciņa sapulci tika izteikts partijas rājiers⁵. Jaunos biedrus vispirms aicināja uz masu sapulcēm, pārbaudīja praktiskajā revolucionārā darbā. Kā atceras K. Ratnieks, ja kara sākuma posmā partijā stājās tikai atsevišķi biedri, tad nākamajos gados (1915.-1916.) organizācijas biedru skaitliskais pieaugums kļuva par vispārēju tendenci. Iemesls tam bija kara un tā seku ietekme - dzīves dārdzība, bezdarbs, ekspluatācija, kas pamodināja šķiru cīņai plašākus slāņus.

Pēc sociālā sastāva Vidienas organizācijā apvienojās galvenokārt lauku un pilsētu proletariāts. Protams, bija atšķirības dažādo pulciņu sociālajā sastāvā, piemēram, Mazsalacas pulciņu maz skāra iedzīvotāju migrācija, tāpēc no 1914. līdz 1917. gada februārim šeit vērojama strādnieku skaita pieaugšana - 1916. gadā - 10 no 22 biedriem. Zināma ietekme šeit bija arī kalpotājiem - 5 biedri un tikpat daudz bija amatnieki⁶. Līdzīgs stāvoklis bija arī Bērziņu rajonā, pulciņā "Darbs". 1914. un 1915. gadu mijā no 23 biedriem strādnieki bija 9, laukstrādnieki 2, amatnieki 5, kalpotāji 6, skolotājs 1. Tātad šeit arī apmēram puse partijas biedru bija uzņemumu strādnieki un laukstrādnieki. 1914./15. gada ziemā Siguldā radās

1 Cīņa, 1914, 3. jūlijs.

2 LKP CK PVI PA, 35.f., 12.apr., 14.l., 29.lp.

3 Vīgants J. Brāzmainos vējos.-R., 1971, 141.lpp.

4 Vilks J. Kā nāca pie varas Latvijas strādnieki. - Grām.: Grūst vecā pasaule. R., 1957, 7. lpp.

5 LKP CK PVI PA 35.f., 14.apr., 62.l., 2. lp.

6 Turpat, 12. apr., 48.l., 3.lp.; 23.l., 5.lp.; 14.apr., 62. l., 1. lp.

Jauns pulciņš, tā sastāvā, izņemot vienu biedru, bija tikai laukstrādnieki. Jūtami organizāciju nostiprināja arī pulciņa "Pelēkie" pievienošanās. Šis pulciņš izveidojās XII armijā un tā pamatkodolu veidoja bijušie pulciņa "Lāčplēsis" biedri.

1. tabula

Vidienes organizācijas uzbūve pasaules kara gados¹

Rajona nosaukums	Darbības vieta	Pulciņi	Darbības laiks
Bērziņu	Valmiera, apkārtnē	"Darbs" siev. ģimn.	1916, sept.
		Valkas "Lāčplēsis"	1915.-1916. apr.
		"Pelēkie" XII armijā	no 1916.sept.
Silenieku (jeb V raj.)	Ranka, ap. ģirtne	Jaurpiebalgas draudzes skola	līdz 1914.
		Atvase	līdz 1915. rudenim
		Skuja vai Pumpurs	1915.-1916. sept.
Mežinieku	Vecpiebalga	Vecpiebalgas	līdz 1916.dec.
Celmāju	Rūjiena, Mazsalacas, Vecātes pag.	Rūjienas Mazsalacas	līdz 1917.febr. visu kara laiku
Cēsu (agrāk Strautīši)	Cēsis, apkārtnē	Reālskolas	1915.g.
		Sieviešu ģimn. Tranšeju strādņ. Priekuļu lauks.skolas	1916. jūl.
Kalniešu	Rauna Mārsnēni Lode Smiltene	Raunas	līdz 1916.
		Mārsnēnu	
		Smiltenes	līdz 1917.febr.
Ziemeļnieki	Īgatne	Īgatnes papīra f-kas	1914. aug., 1916.
Vidzemes Svecas apakšrajons	Sigulda	Siguldas	1914./15.

1 Sast. pēc: biedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki un zemnieki pirmā pasaules kara laikā, 25.-28.lpp.; Vīgants J. Brāzmainos vējos, 141.-144. lpp.; Vilks J. Kā nāca pie varas Latvijas strādnieki, 5.-45.lpp.; LKP CK FVI DA 12.f., 14.1., 30.1.; 48.1., 3.lp.; 31.1., 5.lp.; LPSR OVVA 4568.f., 10.apr., 41.1, 8.lp.

LSD M a l i e n a s organizācijā biedru skaits pasaules kara gados samazinājās. Ja pirms kara bija 180, tad uz 1916. gada septembri tikai 100¹. Lai gan organizācija darbojās līdz 1917. gada februārim, tās iekšējie sakari un sakari ar LSD CK kara laikā bija neregulāri. Organizācijā bija divi rajoni un atsevišķi pulciņi, kas uzturēja sakarus ar Maskavas un Petrogradas latviešu sociāldemokrātiskajām organizācijām. No 1915. gada septembra līdz 1916. g. septembrim organizācijai nebija sakaru ar LSD CK. Kara laikā notika partijas biedru pārorganizēšanās. Vairāki rajoni (piem., III rajons - starp Madonu un Pļaviņām, VI - Beļavas pagastē u.c.) izbeidza savu darbību un arī otrādi - izveidojās Māilupes-Liepnas rajons ar samērā plašu darbības teritoriju.

2. tabula
Maliēnas organizācija kara laikā²

Rajons	Darbības vieta	Pulciņi	Darbības laiks
8.rajons	Lubāna	Upmales	1916.
(Lubānas)	Meirānu pag.Saikavā	Dienvidu	1915.dec.
	Jaungulbenē	"Vētra"	
	Dzelzavā		
Vāilupes-Liepnas	Māilupes apkārtnē		1914.rud.
	Beļavas pag.		
	Viļakas pag.		

1 Ниедре О. Организационная структура социал-демократии Латвийского края, с.123.

2 Sast. pēc: Niedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki un zemnieki pirmā pasaules kara laikā, 28.-29.lpp.; Krēsliņa L. Revolūcijas ierindā. - Grām.: Grūst vecā pasaule, 80.-144.lpp.; LKP CK PVI PA 35.f., 4.apr., 45.l., 25.lp.; 12.apr., 14.l., 8.lp.; 177.l., 30.lp.; LPSR CVVA 4568.f., 8.apr., 510.l., 18.lp.

Bez tam līdz 1916.g. rudenim savrup, nespējot organizatoriski saistīties rajonos, darbojās pulciņš Tīrzā un 1914.g. beigās Grostonā. Atsevišķi darbojās partijas biedri arī citās apdzīvotās vietās¹.

Zināmu darbu kara laikā veica arī V e n t s p i l s organizācija, kaut arī tās biedru skaits no 110 - 1914.g. vasarā² samazinājās līdz 80 - 1914.g. decembrī un 64 - 1915.g. martā³. Ventspils organizācijā pamatā saglabājās 2 rajoni - pilsetas un lauku, tomēr pulciņi darbojās neregulāri, Islaicīgi un bez stingri noteiktiem savstarpējiem sakariem.

3. tabula

Ventspils organizācija kara laikā⁴

Rajoni	Darbības vieta	Pulciņi	Darbības laiks
Ventspils		Vētra	
		Viesulis	Atjauno darb.1914. nov.
		Atauga	
		Tīrums	
Kuldīgas	Kuldīgas apriņķis	Alsungas	1914.g.b.-1915. jūl.
		Celms	
		Dundaga	
		K.Lībknehta jeb Centrālais	1914. jūl., aug. 1915.-1918.
		Ēdoles	1915.g.b.-1916. g. sāk.
		Prometejs	1914.g.b.-1915.g.jūl., līdz 1917.rud.

Pulciņi Islaicīgi darbojās arī Kuldīgas sērķociņu fabrikā, tūka fabrikā, Baltijas skolotāju seminārā, arī Vānē, Ren-

1 Biezais J. Liesmainie gadi. - R., 1973, 74.lpp.

2 LKP CK FVI PA 733.f. 1.apr., 1.l., 85.lp.

3 Ниелдре О. Организационная структура социал-демократии Латвийского края, с.123.

4 Sast. pēc: Niedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki un zemnieki pirmā pasaules kara laikā, 32.lpp. ; LKP CK FVI PA, 35.f., 12.apr., 26.l., 14.lp.; 318.l., 6.-7.lf; 14.apr., 17.l., 10.-13.lp.; LPSR CVVA 600.f., 2.apr., 619.l., 6.lp.

dē, Ivandē, Alsungā¹. Ventspils organizācijai bija sakari ar Talsu sociāldemokrātisko pulciņu, sevišķi cieši 1914.g. jūlijā, augustā, novembrī un 1915.g. jūnijā². Okupācijas apstākļos pulciņu darbības nodrošināšana prasīja lielu enerģiju. Biezinācās mainīt darbības vietas. Ventspilī darbojošos pulciņu pamatsastāvu veidoja strādnieki³.

Ļoti novājināta kara laikā bija Madlienas - Gaismas organizācija gan sakarā ar lielāko rūpniecības uzņēmumu evakuāciju, gan ar biežajām iekrišanām. Biedru skaits šeit bija samazinājies no 105 - 1914.g. decembrī līdz 30 - 1916.g. septembrī⁴.

Liepāja organizācijā, kas pēc iekrišanām ļoti samazinājās jau pirms kara (92 biedri), 1915.g. martā bija tikai 20 biedri⁵. Organizācijai nebija regulāru sakaru ar LSD CK.

4. tabula

Liepājas organizācija kara laikā⁶

Rajoni	Darbības vieta	Pulciņi	Darbības laiks
Krastralas (Augsta)	Liepāja		1915.febr.
Vocais Jaunais	Liepāja		1915.janv.
1. lauku	ap Aizputi	Jumis, Zalktis	līdz 1915. 2.febr.

1 Niedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki..., 32.lpp.

2 LPSR CVVA, 4569.f., 1.apr., 1209.l., 227.-307.lp.

3 LKP CK PVI PA 35.f., 14.apr., 17.l., 5.-21.lp.

4 Niedre O. Организационная структура социал-демократии Латвийского края, с.123.

5 Turpat.

6 Niedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki..., 33.-34.lpp.; LPSR CVVA 4569.f., 1.apr., 920.l., 8.-46.lp.; 600.f., 2.apr., 616.l., 1.ap.

Nelielu laika periodu ar LSD CK sakarus uzpēma arī Daugavpils organizācija (1914.g. rudens līdz 1915.g. jūnijs), kas agrāk organizatoriski nesaistījās ar LSD. Arī šajā posmā plašāka kopēja darbība netika izvērstā¹.

Par Jelgavas organizācijas skaitlisko sastāvu ir ziņas par 1915.g. martu - 40 biedri². Neraugoties uz nelielo biedru skaitu, kas bija galvenokārt me. strādnieki un laukstrādnieki³, organizācijā ar pārtraukumiem darbojās četri rajoni. Arī Saldus un Tukums skaitījās Jelgavas organizācijā.

5. tabula

Jelgavas organizācija kara laikā⁴

Rajons	Darbības vieta	Pulciņi	Darbības laiks
Jelgavas	Mežotne, Embūte	Alfa 2	1908.g. līdz 1915.g.
	Jelgava	Strādnieku	
Dzirkstele (Nākotne)	Dobele, apkārtne	Plēsums	līdz 1915.g.
		Skribenieki	līdz 1915.g.
		Atvases	1914. rud. līdz 1916.g.
Vētra	Tukuma apr. Blīdene		1915.g. I-IV
Upes raj.	Saldus, apkārtne		1914.g. IV, VIII.
Vairākus pulciņus kara laikā ⁵ apvienoja "Dzintara" organizācija			
Leišmales	Iecavas-Bauskas apkārtne	Liesma Svitenieki Bārbeles Baldones Bauskas	aktiv. līdz 1915.g. VII

1 Niedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki..., 30.lpp.

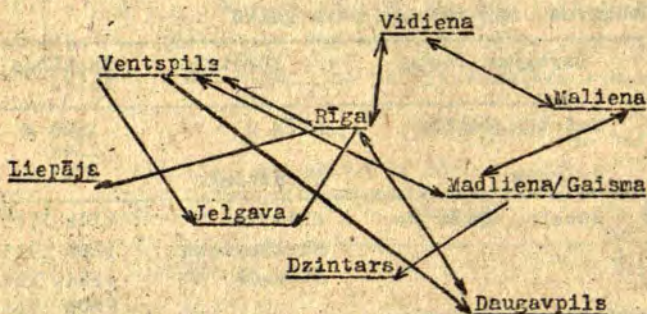
2 Niedre O. Организационная структура..., с.123

3 LKP CK PVI PA 35.f., 14.apr., 18.l., 34.-54.lp.

4 Niedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki..., 31.lpp.; Vitte Ž. Cīnītāju pulkā. - R., 1957., 47.lpp.; LKP JK PVI PA 35.f., 14. apr. 18.l., 34.-51.lp.; LPSK CVVA 4562.f., 3.apr., 294.l., 6.lp. 56.l., 31.lp., 4569.f., 1.apr., 901.l., 1.lp.; 911.l., 6.lp.

Sakarā ar to, ka kara laikā bieži pārtrūka lauku organizāciju sakari ar LSD CK, kā arī organizācijās starp vadošajām iestādēm un pulciņiem, šajā periodā parādījās īpatnēja iezīme, kas nebija tik raksturīga jauno revolucionāro uzplūdu gados. Uz vietas palikušie biedri pēc savas iniciatīvas meklēja sakarus ar citām LSD lauku organizācijām un to pulciņiem, lai koordinētu darbību un sniegtu savstarpēju palīdzību ar literatūras un proklamāciju piegādi, propagandistu apmaiņu un tamlīdzīgi.

LSD lauku organizāciju savstarpējie sakari¹ (1914.g. rudens - 1915.g. augusts):

Cīņa par organizāciju saglabāšanu notika ar vietējo organizāciju aktīvāko biedru (Ozoliņš Saldū 1914.g. septembrī, Ozols 1915.g. rudenī Cēsīs, K.Zustriņš, Anna un Teodors Belmani Dundagā 1915.gada vasarā, Šadeiks Kuldīgas apkārtnē 1915.gada beigās) un ar LSD CK un Rīgas organizācijas biedru spēkiem. LSD CK pārstāvji devās uz Liepājas organizāciju 1914.gada beigās, uz Ventspili (Rozentāls), uz Jelgavu (Kroders), uz Līgatni (K.Putniņš), uz Dundagu (P.Antons-Birkerts un A.Tenders)². Liela loma Vidienas organizācijas darbības nostiprinā-

5 Ниедре О. Организационная структура..., с.123.

LKP CK FVI PA 55.f., 12.apr., 322.l., 9.lp.; LPSR CVVA 4568.f., 1.apr., 956.l., 12.lp.

1 LPSR CVVA, 4569.f., 1.apr., 320.l., 104.-250.lp.; 957.l., 17.-38.lp.; 19209.l., 239.lp.

2 LKP CK FVI PA 55.l., 12.apr., 26.l., 1'.lp.; 318.l., 2.lp.; LPSR CVVA 4568.f., 1.apr., 2627.l., 230.lp.; 3.apr., 53.lp.;

šanā bija profesionālam propagandistam K.Kauliņam un vēlākiem CK locekļiem E.Plūmei-Vētrai, P.Vīksnem, K.Martinsonam un J.Vilkam¹. Bez tam LSD CK un Rīgas organizācija (sevišķi IV rajons) LSD lauku organizācijām palīdzēja arī praktiskajā revolucionārajā darbē ar teorētiskiem priekšlasījumiem, masu sapulču organizēšanu un nelegālās literatūras un proklamāciju piegādi.

Latvijas sociāldemokrātijas X konference kā svarīgu uzdevumu norādīja "pievērst jo sevišķu vērību rakstiskai un mutiskai aģitācijai un propagandai, sagatavojot sevi un plašākas tautas masas uz izšķirošo cīņu"². Tādēļ Vidienes organizācijas 1916.g. septembra konferencē tika izvirzīti uzdevumi organizēt aģitāciju un propagandu bezzemnieku un tranšeju strādnieku vidū, vākt dāvanas karavīriem, aktīvi nostāties pret buržuāzijas kurināto šovinismu, pret brīvprātīgo vervēšanu cara armijai, bet 1917.g. februāra sākumā notikušajā konferencē - veikt aģitāciju laukstrādnieku vidū, lai organizētu kopēju uzstāšanos par darba algas un sadzīves apstākļu uzlabošanu³.

LSD CK paredzēja pastiprināt propagandas darbu, palielināt propagandistu kolēģijas atbildību par teorētisko pulciņu darba uzlabošanu. Tomēr kara laikā teorētiskie pulciņi darbojās tikai Vidienes organizācijā - Mazsalacā (ir ziņas par šī pulciņa darbu 1916. gada jūlijā) un Bērziešu rajonā, kur vispusīgi strādāja pulciņš "Lācplēsis". Šo pulciņu nodarbībās tika studēti gan filozofijas, gan politekonomijas, gan zinātniskā sociālisma jautājumi. Bez tam Bērziešu rajonā pulciņā "Darbs" 1914. gadē noorganizētajā pašizglītības pulciņā kopīgi tika lasīti Kārļa Marksa darbi, Vācijas sociāldemokrātijas programma un cita marksistiska literatūra. Darba izvēršanu plašumā ierobežoja teorētisko spēku trūkums organizācijā⁴.
Nedaudz citādi izpūdās Dzintara organizācijas Grīnvaldes

4569.f., 1.apr., 53.l., 1.lp.; 910.l., 8.lp.; 957.l., 37.lp.

1 Vilkam J. Kā nāca pie varas Latvijas strādnieki, 70.-72.lpp.

2 Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 103. lpp.

3 Vilks J. Kā nāca pie varas Latvijas strādnieki, 10.-20.lpp.

4 LSD CK XVI PA 35.f., 12.apr., 14.l., 28.lp.; 231.l., 6.lp.;

pašizglītošanās pulciņa darbība - tas ievirzīja uzdevumu propagandēt partijas idejas un gatavot jaunus biedrus uzņemšanai partijā. Pulciņš darbojās līdz 1915. gada martam. Pašizglītošanās pulciņš "Strautiņš" ar 12 biedriem nodibinājās Ventspils organizācijā 1914. gada beigās un noturēja vairākas sapulces.

Teorētisko jautājumu studēšana ļāva organizāciju aktīvākajiem biedriem nostiprināt marksistisku pasaules uzskatu un iegūt zināšanas, kuras varētu nodot tālāk, uzstājoties pulciņu un masu sapulcēs. Vidienas organizācijā Silenieku rajonā arī masu sapulcēs tika izskatīti tādi teorētiski jautājumi kā partijas agrārā politika, kapitālisma attīstības problēmas un, protams, jautājumi par partijas taktiku attieksmē pret karu un revolūciju¹. Masu sapulcēs piedalījās gan sociāldemokrāti, gan to līdzjutēji. Tās tika organizētas arī speciāli jauniecucamajiem. Tēdas sapulces notika gandrīz visās organizācijās un to galvenais mērķis bija masu noskaņošana pret karā ieinteresētām šķirām un lauku proletariāta šķiru cīņas vadīšana. Masu sapulcēs piedalījās gan lektori no Rīgas - (piem., Vidienas organizācijā Skuja, Steķis, Malienas organizācijā Kalniņš u.c.), gan vietējie propagandisti - Vidienas organizācijā Zumburs, Mīške, Vilks. (Sapulces notika 1914.gada rudenī, pirms 1915.g. 1. maija, 1916.g. janvārī, aprīlī²). Vairākas masu sapulces notika arī Madlienas-Gaismas organizācijā (1915.gada 21. jūnijā, 5. jūlijā³). Šajās sapulcēs piedalījās no 20 līdz 35 cilvēki.

1914. gada rudenī (septembrī Cēsīs⁴), oktobrī Aizputē⁵ propagandai izmantoja rezervistiem pirms iesaukšanas armijā speciāli organizētos mītiņus. Teorētiski jautājumi tika izska-

318.1.. 5.lp.

1 Vīgants J. Brāzmainos vējos, 139.-140.lpp.

2 LKP CK PVI PA 35.f., 12.apr., 14.1., 25.lp.; 14.f., 62.1., 1. lp.; Krēsliņa L. Revolūcijas ierindā, 81.lpp.

3 LPSR CVVA, 4569.f., 1.apr., 920.1., 118. lp.

4 Vīgants J. Brāzmainos vējos, 149.lpp.

5 LPSR CVVA, 4569.f., 3. apr., 257.1., 1.-7. lp.

tīti arī organizāciju pulciņu sanāksmēs, kuras notika samērā regulāri, piem., Ventspilī no 1914. gada jūlija līdz 1915. gada februārim notika 11 pulciņu un pulciņu pārstāvju sanāksmes¹. Vidienas organizācijas Bērziešu pulciņš "Darbs" 11 mēnešos (1914.g.VII-1915.g.V) noturēja 21 sapulci, kurās izskatīja gan taktikas jautājumus (attieksme pret karu, gatavošanās svētkiem u.c.), gan partijas iekšējās dzīves jautājumus (dzelzs disciplīnas un konspirācijas ievērošana), gan teorētiskus jautājumus (kapitālisma raksturojums u.tml.)¹. Līdzīgas sanāksmes 1916.gada augustā notika Malienas organizācijas pulciņos², Dundagā 1915.gadā pulciņa biedri iepazīnās ar pirmo partijas programmas dokumentu "Komunistiskās partijas manifestu"³.

Pildot LSD konferenču norādījumus, partija veica propagandas un agitācijas darbu ar iespiesta vārda palīdzību. LSD CK jau 1914.gada jūlijā savās pirmajās proklamācijās un aivžu rakstos sākušos karu novērtēja kā netaisnīgu, aneksionistisku no abām pusēm, asi nosodīja buržuāzijas cenšanos kurnāt šovinismu un jau pašās pirmajās kara dienās noteikti noraidīja anarhistisku taktiku. Miera lozungu LSD saistīja ar revolūciju. Lielākā daļa proklamāciju beidzās ar lozungiem: "Nost karu! Nost patvaldību! Lai dzīvo revolūcija!"⁴

LSD lauku organizācijās visā kara periodā tika izplatītas vismaz 35 dažādu nosaukumu proklamācijas. Precīzi skaitu ir grūti noteikt, jo vairākām proklamācijām bija vienādi nosaukumi - piem., "Nost karu!" izdeva Rīgas komiteja, 4. rajona komiteja, Ventspils komiteja, Bērziešu rajons⁵. Visvairāk proklamāciju kara laikā izplatīts Vidienas, arī Jelgavas un Ventspils organizācijās. Mazāk - Malienas, bet Madlienas-Gaismas un Liepājas organizācijās ir zināmi tikai trīs proklamāciju izplatīšanas gadījumi katrā. Madlienas-Gaismas

1 LPSR CVVA, 4569. r., 1. apr., 1209. l., 231.-261. lp.

2 LKP CK PVI PA 35. f., 16. apr., 62. l., 12lp.

3 Biezais J. Liesmainie gadi. - R., 1973, 80. lpp.

4 LKP CK PVI PA 35. f., 12. apr., 26. l., 15. lp.

5 Apine I. Latvijas sociāldemokrātija un nacionālais jautājums. - R., 1974, 235. lpp.

6 Дажина И. М. Большевиотские листовки в России. - М., 1981, с. 30 - 34.

organizācijā - 1914. gada 2. augustā Jaunjelgavā 14 eksemplāri "Tauta, stājdzies!", 1915. gada 6. janvārī Jēkabpilī 24 eks. "Apdomājiet!" un "Visiem laukstrādniekiem" un 1. Maijā proklamācija Jēkabpilī. Liepājas organizācijā ir zināms, ka proklamācijas tika izplatītas 1914. gadā - 29. jūlijā Aizpates apkārtnē "Mostiet!", augustā - Liepājā un 16. oktobrī Aizputē "Rekrūšier"¹.

Visbiežāk proklamācijas izkaisīja tūlīt pēc kara sākšanās un 1915. gadā - strādnieku svētkos (9. janvārī, Lenas notikumu piemiņas dienā 4. aprīlī, un 1. Maiju). 1916. gadā proklamācijas izplatīja Vidienas un Malienas organizācijās, bet 1917. gada sākumā tikai Malienas organizācijā (sk. pielikumu²). Lai gan lauku organizācijās galvenokārt izplatīja LSD CK un Rīgas organizācijas rajonu izdotās proklamācijas, lauku organizācijas veica zināmu organizatorisku darbu, lai izdotu proklamācijas. Tā Ventspils organizācijā 1914. gada novembrī tika nolemts iekārtot tipogrāfiju Ventspilī, Dzirnauvu ielā, biedra Rasas dzīvoklī; biedri pat sēka izstrādāt uzsaukuma tekstu 9. janvāra proklamācijai. Lai izvairītos no iespējamām iekrišanām, hektogrāfs tika iekārtots ārpus pilsētas, mežsarga Čiekura mājās. Provokācijas rezultātā šo tipogrāfiju likvidēja un policija konfiscēja iespiestās proklamācijas "Asiņu plūdus" eksemplārus. Pēc tam (1915. gada janvārī un februārī) četrās organizācijas sapulcēs tika lemts jahtājums par jauna hektogrāfa iegādi³.

LSD kara laikā izdeva vairāk kā simt dažādu proklamāciju, tajā skaitā lauku organizācijas vismaz sešpadsmit. (Salīdzinoši Petrogradas boļševiki izdeva 167, Maskavas 113, Igaunijas - ap 40 proklamāciju⁴). Laikā līdz februāra revolūcijai

1 LPSR CVVA 4568.f., 8.apr., 469.l., 123.lp.; Strādnieku Balss, 1914, 5. aug.; Niedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki un zemnieki pirmā ; saules kara laikā, 33.lpp.

2 Pielikums sastādīts, izmantojot Dažinas V., Niedres O., Krēslīgas L. darbus, laikrakstu "Strādnieku Balss", 1914, 28. jūlijā; LKP CK FVI PA 35.f., 12.apr.; LPSR CVVA 600. f., 2. apr.; 4568.f., 1., 2., 8., 14. apr.; 4563.f., 1., 3, 7., 8. par. lietas.

proklamācijas izdeva visas lauku organizācijas - visvairāk (seši nosaukumi) Vidienes organizācija. Proklamācijas bija veltītas pretkara agitācijai, konkrētās situācijas izskaidrošanai, masu sagatavošanai nākamajām revolucionārajām cīņām un lauku proletariāta saliedēšanai. Proklamāciju piegādē un sakaru uzturēšanā ar LSD CK tika izmantoti dažādi veidi - piem., proklamācijas no Rīgas veda partijas biedri, kas apciemoja vecākus laukos (Jelgavas organizācijā Dobelē, Vidienes organizācijā Vecates pagastā). Proklamāciju izplatīšanā iesaistījās biedri, kas par revolucionāro darbību bija izsūtīti uz laukiem (Marta Podniece 1914. gada decembrī uz Jelgavu), vai arī, paplašinoties bezdarbam, no Rīgas bija devušies uz laukiem meklēt darbu¹. No aktīvākajiem proklamāciju izplatītājiem jāatzīmē Jēkabs Vīgants, kas 1915. gada sākumā nogādāja proklamācijas no Rīgas uz Vidienes organizācijas Cēsu, Valmieras, Smiltenes, Mērsnēnu apkārtnē esošajiem pulciņiem, Kroders Ventspils organizācijā, Jēkabs Ungurs, Augusts Kaptēinis, Jānis Spole - Saldū² un citi.

LSD iestrādāto taktiku kara laikā lauku proletariāts dziļāk varēja iepazīt ar nelegālo laikrakstu palīdzību. Kara laikā iznāca 2 nelegāli LSD preses izdevumi: "Biedris" - no 1914. g. oktobra līdz 1916. g. s. rīlim, sešpadsmit numuri - kā partijas agitācijas un propagandas orgāns, un "Zinotājs" no 1914. g. februāra līdz 1916. g. janvārim, septiņi numuri - kā partijas dokumentu publicētājs. Šie izdevumi bija populāri Vidienes, Malienas, Madlienas-Gaismas organizāciju darbības teritorijās, kur lasītāju skaits tiem bija daudz lielāks par partijas biedru skaitu³. Arhīvu materiāli parāda, ka šos laikrakstus ļoti

3 LPSR CVVA 4569.f., 1.apr., 1209.l., 239.lp.

4 Дашкина В.И. Большевикотские листовки в России, с.163.

1 LPSR CVVA 4569.f., 1.apr., 920.l., 24.lp.; 913.l., 33.lp.; 4568.f., 1.apr., 2., 664.lp.; Vitte 2. Cīņitāju pulkā. - R., 1957, 147.lpp.

2 Vīgants J. Brāzmainos vējos, 144.lpp.

3 Treijs R. Patiesības brīvais vārds. - R., 1981, 243.lpp.; LPSR CVVA 4569.f., 3.apr., 27.l., 29.lp.; 294.l., 10.lp.

bieži atrada, arestējot arī citu organizāciju aktīvos sociāldemokrātus (E.Priednieci Jelgavā 1914.gada dec., E.Kapteini - Ventspilī 1915.gada apr.¹ u.c.). Tas norāda uz sociāldemokrātijas ideju plašo izplatību masās.

Arī pašām lauku organizācijām bija savi izdevumi. Vidienas organizācijai - avīze "Vienība" - iznāca pieci numuri, bet Jelgavas organizācijas Dzirksteles rajonam 1916. gada februārī - hektografēts žurnāls "Taurētāja"². Tomēr līdz šim nav izdevies iegūt tuvākas ziņas par šiem izdevumiem.

Pateicoties dažādām partijas propagandas un aģitācijas darba formām, masas pakāpeniski nonāca pie kara situācijas leģitīma vērtējuma. Tas redzams no vairākām revolucionāro cīnītāju atmiņām (par Vidienas, Malienas, Dzintara u.c. organizācijām), kā arī no dažādiem dokumentiem un vēstulēm. Šādu apziņu veidot nebija viegli, jo pat ne visi sociāldemokrāti kara sākumā pareizi orientējās jaunajos apstākļos. Piem., Vidienas organizācijas konference 1914. gada septembrī, balsojot pēc imperatīvajiem mandātiem, nolēma kā galveno uzdevumu izvirzīt sacelšanās tehnisko sagatavošanu, nevis aģitāciju un propagandu, jo daļa biedru uzskatīja, ka revolucionārā krīze ir tik tālu nobriedusi, ka tūlīt var sākties revolūcija³. Vajadzēja teorētisku briedumu, lai nepakļautos buržuāzijas radītajam šovinisma vilnim un nestātos patriotisko manifestāciju priekšgalā (šāda vēlēšanās reizēm izskanēja no partijas biedru puses), lai nepakļautos anarhistiskām tendencēm - boikotēt došanos armijā (arī šādi gadījumi bija kara sākumā, piemēram, Malienas organizācijā⁴). Lauku organizācijas, prasmīgi izvērsot aģitācijas un propagandas darbu, pārvarēja pārāk kreisās oīgas metodes, pārliecināja organizācijas biedrus, ka tās neatbilst revolucionārās sociāldemokrātijas taktikai pasaules kara apstākļos.

LSD lauku organizācijas centās iemantot iepriekšējos oīgas posmos apgūtās oīgas formas un metodes. Ventspils organizācija

1 LPSR CVVA 4569.f., 3.apr., 27.l., 29.lpp.; 294.l., 10.lpp.

2 Treijs R. Patiesības brīvais vārds, 244.lpp.

3 LKP CK PVA PA 35.f., 12.apr., 231.l., 6.lpp.

4 Biežais J. Liesmainie gadi. - R., 1973, 52. lpp.

1915. gada sākumā ļoti rūpīgi gatavojās 18. februārī cietumā nobendētā aktīvas revolucionāras ģimenes pārstāvja Valdemāra Ķēzes bērēm. Vairākus pulciņus sapulcēs sīki izstrādāja bērū demonstrācijas plānu. Tomēr 22. februārī žandarmērija neļāva noturēt šo demonstrāciju, atņēma lentes ar revolucionāriem uzrakstiem, izkliedēja pavadītājus. Pēc bērēm sekoja plašas kratīšanas un aresti¹.

LSD lauku organizāciju biedri pareizi saprata, ka kara apstākļos galvenās cīņas formas var būt nelegālais darbs. Ventspils organizācijā masu sapulces lēmums 1914. gada beigās bija - palikt pēc iespējas vairāk biedriem vācu okupētajā teritorijā un censties saglabāt nelegālo aparātu, lai varētu gatavoties revolūcijai². Partijas leģālais darbs līdz ar kara sākumu praktiski tika paralizēts. Vairākumā gadījumu leģālās biedrības slēdza, un ir tikai nedaudz ziņu par atsevišķu šādu biedrību darbību 1914. gada beigās: - Ventpils organizācijā Kuldīgas izglītības biedrībā revolucionārs Ernests Šulcs 29. novembrī nolasīja referātu "Tumsas spēki", Dundagas kultūras biedrībā "Vārpa" 1914. gada beigās un 1915. gada sākumā tika nolasīti vairāki referāti zinātniskā marksisma garā - piem., vēlākais redzamais filozofs Ernests Karpovics šeit nolasīja lekciju par cilvēka izcelšanos. Marksistiskā garā no 1915.-1916. gada beigām darbojās Mazsalacas kultūras biedrība³.

Kara laikā nevarēja plaši izmantot tādus aktīvus cīņas formu kā streiki. Ir atsevišķi gadījumi, piem., 1915. gada augustā Valkā sociāldemokrāts Dzilna mēģināja neorganizēt dzelzceļa strādnieku streiku, sociāldemokrāts Austrīņš aicināja streikot Valmieras tipogrāfijas strādniekus⁴, bet šie streiki neguva plašu vērlienu. Vispār 1915. gadā Vidzemes guberņā bija tikai 6 streiku gadījumi⁵. Arī laukos vērojami ti-

1 LPSR CVVA 4569. f., 1. apr., 957. l., 1.-6. lp.; 1209. l., 272. - 282. lp.

2 LKP CK PVI FA 35. f., 12. apr., 318. l., 5. lp.

3 LPSR CVVA 4569. f., 1. apr., 945. l., 1. lp.

4 Turpat, 4568. f., 10. apr., 41. l., 8. lp.

5 Drīsulis A. Latvija imperiālistiskā kara un februāra buržuāsi demokrātiskās revolūcijas periodā 1914.-1917. - R., 1953, 8. lpp.

kai nedaudzi nemieru izpaudumi: 1915. gada maijā¹ un jūnijā², 1914. gada augusta sākumā Raunā². Ņemot vērā spēku samēru, LSD neaicināja uz streiku organizēšanu. Piemēram, partijas XII konference aicināja 1915. gada 4. aprīlī atzīmēt tikai agitējot, izplatot proklamācijas un izkarot karogus³. Arī LSD desmitā gadadiena tika atzīmēta dažādos laikos, jo tās svinēšanu izjauca kara sākšanās. Jubilejai tika veltīti vairāki karogi, ko izkāra Liepājas un Vidienes organizāciju teritorijās.

Runājot par dažādām cīņas formām, jāatzīmē arī sociāldemokrātisko organizāciju savstarpējā materiālā palīdzība. Tā LSD Rīgas Komiteja piešķīra Ventspils organizācijai naudu proklamāciju izdošanai⁴, bet Madlienas-Gaismas organizācija nosūtīja 25 rbļ. uz Ventpili V. Kēzes bērnu organizēšanai. Lauku organizāciju pulciņi zināmu daļu savu līdzekļu izdalīja arī apcietināto biedru un viņu ģimeņu atbalstīšanai⁵.

LSD lauku organizācijas, lai gan to darbība pasaules kara apstākļos bija ļoti apgrūtināta, sevišķi 1914. gada beigās un 1915. gadā, veica nozīmīgu darbu, pildot LSD konferenču lēmumus gan cīņā par organizāciju saglabēšanu, organizatorisko sakaru nostiprināšanu, gan izvēršot propagandu un agitāciju, tā nodrošinot leģitīvu konkrētās situācijas izpratni jautājumā par karu, šķiru attiecībām, tūlākās revolucionārās kustības perspektīvām. Lauku organizāciju biedri izdeva, iegādājās un izplatīja proklamācijas, organizēja pretkara mitingus un sapulces, vadīja nelegālās literatūras iegādi un studēšanu, centās apvienot partijas leģālo un nelegālo darbu, kā arī veica plašu agitācijas darbu armijā. Šo pasākumu rezultātā partija panāca masu bolsjevizēšanos, revolūcijas politiskās armijas izveidošanu, kas savukārt nodrošināja Latvijas iedzīvotāju aktīvo piedalīšanos 1917. gada revolucionārajos notikumos.

1 LPSR CVVA 4568.f., 8.apr., 8.l., 78.lp.

2 Strādnieku Atbalss, 1914, 5. aug.

3 LKP CK PVI PA 35.f., 13.apr., 23.l., 2. lp.

4 LPSR CVVA 4569.f., 1.apr., 1209.l., 272.lp.

5 Turpat, 3.apr., 294.l., 6.lp.

LSD lauku organizācijās izplatītās proklamācijas

Datums	Vieta	Proklamācijas nosaukums	eks.
1	2	3	4
<u>1914.g.</u>			
<u>Vidienas organizācijā</u>			
Augusts	Līgatnē	Nost karu! Kara biļetens Nr 1	
30.sept.	Valkā		3
14.okt.	Cēsis	Visiem rekr.šiem. Uz cīņu ar tirāniem. Tauta, atjēdzies!	17
10.nov.	Līgatnē	Visiem Rīgas mūrniekiem un nesējiem.	
29.nov.	Rankā	Velti liksmojiet, slepkavas!	
<u>Malienas organizācijā</u>			
20.jūl.	Grostonā	Darba ļaužu asins plūdi.	
Jūlijs	Tīrzā		
	Lejasciemā		
	Ilzenē		
<u>Ventspils organizācijā</u>			
27.jūl.	Ventspilī	Nost karu!	
8.aug.	Kuldīgā	Nost karu!	
14.aug.	Kuldīgā	Nost karu!	32
16.aug.	Ventspilī	Zem partijas karoga	3
21.aug.	Ventspils apk.	Nost karu!	25
20.sept.	Kuldīgā	Nost karu!	206
		Tauta, atjēdzies!	993
<u>Jelgavas organizācijā</u>			
Jūlijs	Saldū	Zem sarkanā karoga (krievu val.)	
30.jūl.	Jelgavā	Nost karu!	3000
12.aug.	Saldū		
14.aug.	Saldū	Nost karu!	
8.sept.	Saldus apk.	Nost karu!	
20.sept.	Saldus apk.	Nost karu!	
		Tauta, atjēdzies!	
2.okt.	Saldus apk.	Biedri jauniesaucamie!	
Oktoberi	Jelgavā	Zaldātiem.	

Pielikuma turpinājums

1	2	3	4
<u>1915.g.</u>		<u>Vidienas organizācijā</u>	
1.janv.	Mazsalacā	Aizejot karā. Velti līksmojiet, slepkavas! Miers virs zemes.	53 35 1
Janvāris	Valmieras apkārtnē	9. Janvāris. Velti līksmojiet, slepkavas!	18 12
9.janv.	Rankū	Tautas asinis kliedz.	
12.janv.	Līgatnē	9. janvāris.	
2.apr.	Valkas un Maz- salacas apk.	Visiem jauniesaucamajiem.	3
1.Maijā	Valkas apk. Līgatnē	1.Maijs. 9.Janvāris.	4
3.maijā	Valkū Valmieras apr.		
29.maijā	Valmieras apr.	Nost asiņainās rokas.	69
12.jūl.	Valmierā	Biedri un līdzpilsoņi.	57
13.sept.		Otrās šķiras zemes sargiem	
		<u>Malienas organizācijā</u>	
Janvāris	Ļaudonā	9.janvāris. Miers virs zemes.	2
1.Maijā	Stāmerienā Vecgulbenes pag.	1.Maijs. Apsdomājiet!	100 6 4
	Lejasciemā	Miers virs zemes. Visiem laukstrādniekiem 9. janvāris.	2 6 14
11.aug.	Galgaukā	Nost karu!	5
		<u>Jelgavas organizācijā</u>	
9.janv.	Jelgavē	9.janvāris Miers virs zemes.	42 2
11.janv.	Saldū	9.janvāris. Miers virs zemes.	
15.janv.	Saldū	Miers virs zemes.	
19.janv.	Apguldenē		
12.martā	Tukumā	Deramās dienās.	16
	Grīnvaldes pag.	Deramās dienās.	19

Pielikuma turpinājums

1	2	3	4
15.apr.	Dobeles apk.	Nost jūdus!	32
		Peramās dienās.	1
	Grīnvaldes pag.	Visiem laukstrādniekiem.	21
		Peramās dienās.	31
2.maijā	Tukumā	Bez cīņas nav uzvaras.	
5.maijā	Jelgavā	Aizstāvēsim mūsu apspiestos biedrus.	
18.jūn.	Tukumā	Nekārtības Maskavē.	6
<u>Ventspils organizācijā</u>			
7.janv.	Ventspilī		10
8.janv.	Ventspilī		30
9.janv.	Ventspilī	9. janvāris	100
15.janv.	Ventspils apk.	Asins plūdos.	50
15.febr.	Kuldīgē	Velti priecājaties, slepkavas!	3
		Visiem laukstrādniekiem.	8
		Atjēdzieties!	15
13.maijā	Ventspilī	Aizstāvēsim savus apspiestos biedrus.	
10.jūn.	Ventspilī	Visiem laukstrādniekiem.	4
		Nost jūdus!	1
<u>1916.g. Vidienas organizācijā</u>			
23.janv.	Valmierē	Patriotiskie sociālisti.	96
16.apr.	Valmierē	4.aprīlis.	19
		1.Maijs - strādnieku svētki.	98
3.maijā	Valkā	Zaldātiem.	30
<u>Malienas organizācijā</u>			
4.apr.	Lubānā	Nost ar tautas asiņaino slepkavošanu!	
4.apr.	Lubānā	Iznīcībai nolemtajai tautai.	
16.apr.	Lubānā	Iznīcībai nolemtajai tautai.	
<u>1917.g. Malienas organizācijā</u>			
Janvāri	Lubānā	9. janvāris.	

О.М.Ниедре

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
И ЕГО СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА В ПРИБАЛТИКЕ КОНЦА XIX -
НАЧАЛА XX ВЕКА

Основная задача статьи - более подробно охарактеризовать некоторые особенности крестьянского землепользования и его социального состава в Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерниях.

В советской исторической литературе в последнее десятилетие появилось немало работ, посвященных аграрным проблемам и социальной структуре села. Специальные работы посвящены аграрным и связанным с ними проблемам Латвии и Эстонии, авторы которых также уделяют значительное внимание социальному составу местных крестьян в указанный период¹. В то же время почти отсутствуют работы, специально посвященные сравнению социального состава крестьянства Прибалтики или отдельных его частей с остальными регионами России². Учитывая стремления дворянской и буржуазной историографии противопоставить социальную структуру прибалтийского крестьянства остальным регионам³, в советской истори-

¹ Очерки экономической истории Латвии (1900-1917). Рига, 1968; Очерки экономической истории Латвии (1860-1900). Рига, 1972; Саат И., Сийлибаск К. Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Таллин, 1977; Розенберг Т. О социальном расслоении крестьянства в Южной Эстонии в конце XIX века. Таллин, 1980; Balevica L. Avoti par zemnieku saimniecībām Vidzemē Februāra revolūcijas priekšvakarā. - Grām.: Kapitālisma attīstības un revolūcionārās kustības problēmas Latvijā. R., 1980, 158.-183.lpp.; Грава И.К. Новый источник по истории крестьянства Прибалтики накануне первой мировой войны. - История СССР, 1981, № 3, с.119-128.

² Единственная попытка такого рода: История Эстонской ССР, Таллин, 1966, с.351-364.

³ Тобин А.Э. Аграрный строй материковой части Лифляндской губернии. Рига, 1906; Аграрное положение Лифляндской губернии в освещении г.Земцева, Рига, 1909; Земцев В. К аграрному вопросу в Лифляндии. Рига, 1907; К вопросу о положении безземельных крестьян Прибалтийских губерний. Крат.обзор положений батраков. Б.м.и г.изд.

ческой литературе высказывается мысль о необходимости обсудить тип (характер) "прибалтийского дворохозяина и русского кулака"¹, а автор считает необходимым высказать некоторые соображения по данному вопросу.

Определенные трудности в сопоставлении социальной структуры крестьянства Прибалтийских губерний с губерниями Европейской России вызвана спецификой источников, отсутствием земской статистики и особенностями провинциального законодательства и исторического развития края. Так, например, в Лифляндской губернии с 1849 г., а в Эстляндской — с 1856 года рядом с понятиями мызная и крестьянская земля существуют выделенная из последней кветная (Лифляндская губ.) и шестидольная (Эстляндская губ.) земля, называемая иногда также повинностной мызной землей. В Курляндской губернии отсутствовало юридическое понятие крестьянской земли, но фактически к ней приравнивались так называемые крестьянские участки (Gesinde), то есть земли, на которых имелись крестьянские хозяйства в 1863 году. Судебные тяжбы о характере того или иного участка вызвали разночтения в источниках о количестве той или иной категории земель, стремление дворянских учреждений скрыть не выгодные им данные.

Особенность Прибалтики — высокий уровень дворянского и, соответственно, низкий — крестьянского землевладения. В Лифляндской губернии, которая занимала более половины асей Прибалтики, по данным, уточненным М.И. Козиным, в 1905 году дворяне владели 1199,8 тыс. десятинами удобной земли (36% всех землевладений), а крестьяне — 1512,4 тыс. десятинами (45,4%)². В Курляндской губернии в 1905 году крестьяне вла-

¹ Андриков А.М., Осипова Т.В. *Историографические итоги и задачи изучения истории русского крестьянства периода империализма.* — В кн.: *Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.).* Кишинев, 1978, с.6.

² Козин М.И. *Несколько поправок к официальным данным аграрной статистики по Лифляндской губернии.* — В кн.: *Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики.* Рига, 1970, с.237.

доля 38,1% всей земли; частновладельцы, в основном дворяне, — 41,6%, а в Эстляндской губернии — соответственно 23,7% и 73,9%¹. Но у крестьян было значительно больше сельскохозяйственных угодий. Так, например, в Курляндской губернии в 1887 году крестьяне владели 37% всей земли, в том числе 1,74% лесов и 58,49% сельскохозяйственных угодий земельных участков, пригодных для производства сельскохозяйственной продукции, а дворяне соответственно 38,60%, 51,60% и 28,70%. В отдельных уездах доля крестьянского землевладения значительно превышала губернские показатели. В Митавском уезде они владели 67,34%, Бауском — 67,63%, Фридрихштадтском — 65,66% всех сельхозугодий, а дворяне — соответственно 13,52%, 22,35% и 14,33%. Все вышеупомянутые уезды характеризуются высокой долей казенного землевладения, отсюда и большое количество бывших казенных крестьян, в собственности которых в 1894 году имелись во Фридрихштадтском уезде 57,8% сельскохозяйственных угодий, в Митавском — 49,24%, в Бауском — 38,47%.

На землях, проданных крестьянам из частновладельческих имений, в основном сложились сравнительно крупные хозяйства, особенно в Лифляндской губернии, где законом был установлен минимальный размер крестьянского хозяйства — 20 десятин³.

Владельцы мыз в начале XX века отдавали в аренду: денежную, натуральную и отработочную (отработки второго вида) не только непроданную крестьянскую, большую часть скотной (шестидольной), но также и значительную часть мызной земли, которая еще в середине XIX века обрабатывалась

¹ Статистика землевладения 1905 г. Вып. 44. Курляндская губерния. С.-Пб., 1906, с. 10-11; Вып. 49. Эстляндская губерния. С.-Пб., 1906, с. 10-11.

² Обзор Курляндской губернии за 1896г. В.м. и г. изд., с. 39-41.

³ На-за этого в Прибалтике многие официальные источники того времени учитывают только крестьянские усадьбы указанного размера.

мызой.

Историк Т. Розенберг (Эстония) пришел к выводу в отношении Южной Эстонии: "Нехватка средств на быстрое переустройство помещичьего хозяйства обусловила то обстоятельство, что по мере перехода к денежной аренде и наемному труду доля мызной и каменной земли, находившейся в пользовании мызы и ее помывок (часть которых, в свою очередь, сдавалась в аренду), уменьшилась в среднем до 60% всей площади мызной пащи (в частных имениях - до 59%, в казенных - до 67,5%)¹. В конце XIX - первых десятилетиях XX века основными причинами широкого распространения крестьянского землепользования являлись: аграрный кризис, бурный рост больших городов. Советский историк Т. Драудинь присоединяется к мнению председателя оккупационного хозяйственного совета в Курземе Б. Маркварта, который указал на глубокий кризис довоенного мызного хозяйства в Курляндии: "Дворяне, боясь новой революции и конфискации клений, капиталов в землю не вкладывали"². По заключению Б. Маркварта, система ведения хозяйства, при которой полученные доходы изымаются, является хищническим хозяйничанием (*eine Raubwirtschaft*)³; при такой системе ведения хозяйства в 1898 году на материковой части Лифляндской губернии доходы из "экономики владельца" составили 32,62% всех доходов "с различных участков чисто земледельческой культуры", а остальные дала аренда⁴. В 1913 году, по данным губернского статистического комитета, проданные сельскохозяйственные угодья составили 40,43%, отданные в аренду - 41,02%, использованные для оплаты тру-

¹ Розенберг Т. А. Формирование сельского пролетариата Эстонии. (Мызные рабочие в Южной Эстонии с начала XIX до начала XX века). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. сист. наук. Тарту, 1980, с. II.

² Драудинь Т. Безземельное крестьянство Латвии в борьбе за землю и власть Советов в 1917-1919 годах. Рига, 1959, с. 50.

³ Marquart B. Die landwirtschaftlichen Verhältnisse Kur-lands, Bd. I, Berlin, 1916, S. 3.

⁴ Главнейшие данные о землях, проданных и непроданных в Лифляндской губернии за 1898 год. С.-Пб., 1903, с. 49.

да - 1,92%, собственно мызные - 16,63%¹.

Если в 1851-1860 гг. крестьянские посевы в Прибалтийских губерниях составили 68,4% всех посевов, то в 1916 году они в Эстонской и Лифляндской губерниях достигли 76,2%². Фактически доля крестьянских посевов в 1916 году была более высокой, чем указано в данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года, на которую ссылается И.Д. Ковальченко. При проведении переписи в Лифляндской губернии на совещании от 17 мая 1916 года было решено "половинщиков (полдзерников) считать в хозяйстве за рабочих", и их скот и пос. ввиду площадь причислять к скоту и посевной площади соответствующих мыз или крестьянских хозяйств³. Такое решение являлось явным нарушением инструкции по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года, текст которой гласил: "Если в имении проживают мелкие арендаторы-работники (половинки), то на них должны быть составлены карточки для описания хозяйств крестьянского типа"⁴. Р.Виттрам⁵ приходит к выводу о том, что накануне первой мировой войны в трех Прибалтийских губерниях в частных имениях крестьяне пользовались на правах собственности или аренды более чем 75% сельскохозяйственных угодий.

Доля крестьянских посевов в Прибалтике (в 1851-1860 гг. - 68,4%, в 1916 г. - 76,2%) по сравнению со средними показателями Европейской России (78,1%; 88,7%) достаточно скромная, но при сравнении с родственными регионами - Дуго-Западным (61,2%; 72,5%) и Литовским (66,6%; 72,7%), в ко-

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф.214, оп.5, д.571, л.12.

² Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве капиталистической России. - В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, с.182.

³ ЦГИА ЛатвССР, ф.2753, оп.1, д.3332, л.82-87.

⁴ Там же, л.81.

⁵ Wittram Reinhard. Baltische Geschichte. Die Ostseeländer Livland, Estland, Kurland 1180-1918. München, 1954, S.166.

торых так же, как в Прибалтике, "принципы ведения помещичьего хозяйства существенно отличались от внутренних губерний"¹, в последней доля крестьянского землепользования выше.

Сведений о внутрикрестьянской аренде меньше: в Лифляндской губернии в 1898 году были полностью сданы в аренду 8,6% крестьянских земельных владений, частично - 16,0%. По уездам уровень весьма неравномерен: в Вольмарском - 13,8% и 23,8%, в Венденском - 8,6% и 10,0%. В 3994 крестьянских владениях имеется 6740 арендаторов, из которых 3679 (54,58%) рассчитываются деньгами, 1956 (29,02%) - натурой (испольщики), 1105 (16,40%) - работой (батрацкие участки)². Частичное обследование 1913 года Вольмарского уезда установило, что 22% крестьянских хозяйств отдают всю или часть земли в денежную аренду, а 20% - с применением натуральной (испольной) аренды³.

Между историками Прибалтики нет единого мнения о месте испольщиков (полузерников) в социальной структуре крестьянства. Т. Розенберг считает, "что, хотя полузерники официально тоже считались мызными рабочими, по существу применение их труда осталось отработкой первого вида, сохраняясь как прямой пережиток барщины, когда мызные работы выполнял крестьянин-хозяин со своим инвентарем и рабочим скотом"⁴. М. И. Козин пишет, что "в ряде имений Лифляндской губернии мызная земля полностью или частично сдавалась испольщикам". Исполщик "обрабатывал отведенный ему участок за свой счет, своей рабочей силой и своим инвентарем и лошадью". В отличие от других губерний в Прибалтике "обраба-

¹ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России. - В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, с. 183.

² Главнейшие данные о землях, проданных и непроданных в Лифляндской губернии за 1898 год. С.-Пб., 1903, с. 24-25.

³ Bokalders J. Mazgruntnieku saimniecības. - Baltijas Lauksaimniecības, Nr. 13, 1915. g. 1. VII.

⁴ Розенберг Т. А. Формирование сельского пролетариата Эстонии. (Мызные рабочие в Южной Эстонии с начала XIX до начала XX века). Дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Тарту, 1980, с. 132.

тываемый участок являлся основным источником существования "испольщика". Вывод М.И.Козина: "Испольщики в Прибалтике - это такой же тип сельскохозяйственного пролетария, как и другие батраки"¹. Обе точки зрения имеют своих последователей среди местных историков.

В третьем томе "Капитала" К.Маркс пишет: "Как переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте можно рассматривать Metairie-System, или систему издольного хозяйства, при которой землевладелец (арендатор), кроме труда (собственного или чужого), доставляет часть производительного капитала, ... у арендатора здесь нет достаточного капитала для вполне капиталистического хозяйствования. ... издольщик, применяет ли он только собственный или же чужой труд, предъявляет притязание на известную часть продукта не потому, что он работник, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя"².

К труду использика в Прибалтике относится вышеупомянутое определение Маркса о переходной форме, когда арендатор доставляет часть производительного капитала. Трудно признать владельца лошади, двух-трех коров и определенного количества мертвого инвентаря, часто использующего не только семейный, но и наемный труд, сельским пролетарием. Это приравнивает использиков к безлошадным батракам, которые в первые десятилетия XX века основную часть оплаты получали деньгами³.

С отработками второго вида, как формой уплаты аренды, мы встречаемся в хозяйствах батраков - ландскнехтов (форсткнехтов), которые за работу в поле (в лесу) с помещичьим инвентарем получали в форме платы земельный участок.

¹ Очерки экономической истории Латвии 1860-1900. Рига, 1972, с.61-62.

² Маркс К. и Энгельс Ф. - Соч. 2-е изд., т.25, ч.П.с.367.

³ Более подробно: Niedre O. Jauni materiāli par Vidzemes un Kurzemes zemnieku saimniecību laukstrādnieku sastāvu un atalgojumu 1912.-1913.gados. - Grām.: Latvijas agrārās vēstures jautājumi. R., 1979, 56.-57.lpp.

В Прибалтике была широко распространена аренда (денежная, натуральная, отработочная), но, в отличие от других регионов России, арендаторы обычно не имели земельной собственности (надела). Большинство из них вело хозяйство крестьянского типа, хотя среди арендаторов частновладельческих и казенных мыз и подмызок были предприниматели, которые сами уже не работали в собственном хозяйстве, а извлекали прибыли из жестокой эксплуатации субарендаторов. Из-за отсутствия собственного земельного надела все арендаторы мызной неподатной земли, а также субарендаторы и арендаторы крестьянской земельной собственности юридически были отнесены к разряду безземельных крестьян.

Для сравнения с другими губерниями необходимо учитывать всех арендаторов частновладельческих земель, которые из-за отсутствия собственного "надела" в Прибалтике остались вне группы коневладельцев ("крестьян в сельских общинах"), а их учитывали в группе "землевладельцев и других лиц в уездах". В 1912 году коневладельцы крестьянского сословия в группе "землевладельцы и другие лица в уездах" составляли в Эстляндской губернии 87,31%, Курляндской - 75,7%, Лифляндской - 73,02%^I.

Для сравнения социального состава сельских жителей в разных губерниях автор произвел ряд подсчетов. Наиболее значительна доля лошадей, принадлежащих дворянам, в традиционных регионах помещичьего хозяйствования: Юго-Западном, Прибалтийском и Литовском. Сопоставляя губернии в зависимости от количества лошадей, принадлежащих дворянам, получаем следующие результаты:

1. Эстляндская губерния	21,4%
2. Ковенская -"	12,6%
3. Подольская -"	12,6%
4. Киевская -"	12,2%
5. Виленская -"	10,9%
6. Курляндская -"	10,2%
7. Мгинская -"	9,3%

^I Военно-конская перепись 1912г. Петроград, 1914, с. 416-432.

8. Лифляндская губерния	8,4%
9. Тульская	8,0%
10. Волынская	7,2%
11. Гродненская	7,2%

Между губерниями упомянутых регионов вклинились Минская губерния из сравнительно близкого Белорусского региона и Тульская, в которой дворянам принадлежали большие конные заводы. При подсчете среднего количества лошадей на одно дворянское хозяйство все упомянутые губернии можно разделить на две группы. Первую группу составляют Эстляндская - 36,2; Киевская - 34,5; Подольская - 32,1; Курляндская - 25,6; Лифляндская - 24,0; Тульская - 23,4%; Волынская - 20,6, где сравнительно много крупных дворянских хозяйств. Во вторую группу входят Гродненская - 12,1; Ковенская - 7,2; Минская - 4,9; Виленская - 4,8, в которых много мелких дворянских хозяйств (частично мызных), которые не соответствуют представлениям об имении, как крупном сельскохозяйственном предприятии.

Сопоставляя те же губернии по количеству (в %) лошадей, принадлежавших крестьянам, получаем следующее:

1. Эстляндская губерния	75,7%
2. Волынская	77,1%
3. Ковенская	79,0%
4. Киевская	79,1%
5. Подольская	81,7%
6. Лифляндская	81,8%
7. Минская	81,8%
8. Курляндская	81,9%
9. Виленская	82,8%
10. Гродненская	83,8%
11. Тульская	85,6%

Незначительный процент лошадей принадлежал владельцам из других сословий, а также лицам с неустановленной сословной принадлежностью (среди них могли быть также представители крестьянского сословия).

По количеству лошадей (в среднем) в одной крестьянской семье губернии можно расположить следующим образом:

Курляндская - 2,7; Вольнская - 2,3; Тульская - 2,2; Копенская, Лифляндская и Подольская по 2,1; Киевская - 2,0; Эстляндская - 1,8; Минская - 1,5; Гродненская - 1,4; Видзенская - 1,3. В Европейской России из 49 губерний перед Курляндской губернией только пять: Таврическая - 4,3; Оренбургская - 3,6; Екатеринославская - 3,2; Самарская - 3,0; Херсонская - 2,9; причем последние в основном являются губерниями Южно-Степного региона, в которых уровень развития капитализма в крестьянском хозяйстве был наиболее высоким.

В 1913 гсду в результате обследования 860 средних и крупных крестьянских хозяйств (с 2 и более лошадьми) в Венденском уезде Лифляндской губернии статистическое бюро Рижского центрального сельскохозяйственного общества установило, что 130 (15,1%) из них при молотье не использует машины¹. Ознакомясь с анкетами этого обследования, удалось установить, что из 225 крестьянских хозяйств с 4 и более лошадьми у 56 (24,9%) денежные доходы (товарная продукция) выше 2000 рублей, а у 81 (36,0%) - менее 1000 рублей. 24 (10,7%) упомянутых хозяйств совсем не продают молочные продукты². В результате подробного исследования упомянутых анкет И.К.Грава установила, что "в хозяйствах с малой обеспеченностью землей уровень дохода на десятину пашни достигался за счет большего вложения труда"³, то есть мелкие хозяйства имели гораздо меньше средств производства на единицу рабочей силы.

В короткой статье нам не удалось коснуться всех вопросов, связанных с упомянутой проблематикой.

В заключение хочется подчеркнуть, что несмотря на значительные отличия крестьянского землепользования в Прибалтике, основные показатели самостоятельных крестьянских хо-

¹ Valciņš Lauksaimnieks, 1914, № 15.

² Расчеты на основании материалов ЦГИА ЛатвССР. ф.1690, оп. I, д.1574-1578.

³ Грава И.К. Новый источник по истории крестьянства Прибалтики накануне первой мировой войны. - История СССР, 1981, № 3, с.127-128.

зяйств (мелких, средних и крупных), пользовавшихся землей на правах собственности или аренды, в первые десятилетия XIX века совпадали с регионами (юго-запад) и губерниями, в которых существовали крупные помещичьи хозяйства.

Попытки историков остзейского дворянства, немецкой, латышской и эстонской буржуазии доказать особый путь развития капиталистических отношений в Прибалтике являются, исходя из всего вышесказанного, бесплодным.

ПРИБАЛТИЙСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-РЫБАКИ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ
ДВИЖЕНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Привлечение крестьян-рыбаков или, по документации конца 90-х годов XIX в., прибалтийских поморов, для развития рыболовного промысла и каботажного плавания у побережья Дальнего Востока России прослеживается в конце XIX - начале XX вв.

Организованное и обеспеченное правительственными учреждениями ходачество семи прибалтийских поморов в 1898 г. на Дальний Восток¹ дало информацию, на основании которой были уточнены предварительные условия переселения семей рыбаков и отобраны несколько семей для финансирования из государственной казны их переселения в 1899 г. Это должно было послужить началом вовлечения прибалтийских рыбаков в переселенческое движение на Дальний Восток.

Задача статьи - проследить механику и подготовку условий переселения, выход прибалтийских рыбаков на Уссурийское побережье Дальнего Востока и принципы политики царизма в хозяйственном освоении дальневосточной окраины страны.

Источниками для решения поставленной задачи послужили дела из фондов Центрального государственного исторического архива ЛатвССР и Центрального государственного архива СССР (Ленинград) в совокупности с некоторыми сведениями материалов Государственного исторического архива Хабаровского края и опубликованных "Трудов IV Хабаровского съезда"².

I. Информация прибалтийских ходачков о перспективах
рыбного промысла и об условиях переселения

В период возвращения ходачков из Владивостока в Одессу переселенческое управление направлено Лифляндскому губерна-

¹ Муравская Е.И. Организация ходачества прибалтийских поморов в конце 90-х годов XIX в. Вопросы аграрной истории Прибалтики: Сб. науч. трудов (межвузовский), Рига, 1982, с. 136-156.

² Труды Хабаровского съезда. Хабаровск, 1903.

тору распоряжение от 1 сентября 1889 г.: "...Выяснить по возвращении ходаков в непродолжительном времени практические результаты их поездки, поскольку на основании сообщения Приморского генерал-губернатора ходаки от поморов Лифляндской губернии нашли удобные для поселения места в Южно-Уссурийском крае"¹. Предлагалось следующее:

1. Каковы минимальные затраты на первоначальное устройство - сооружение жилища, домообзаведение и приобретение необходимых принадлежностей промысла для успешных занятий каботажем и рыбным промыслом в выбранных ими местах. При этом напоминалось, что ссуды переселенцам выдаются на основании закона от 18 апреля 1886 г., согласно которому предоставлялись они сроком на 33 года с тем, чтобы по истечении первых пяти льготных лет ссуды должны быть возмещены в течение 28 лет взносами, составляющими 6% от занятой суммы².

2. Количество семей, согласных переселиться на указанных условиях весной 1899 г. При этом обращалось внимание губернатора на то, чтобы включать в число переселяющихся только семьи, которые действительно знакомы с предстоящей им деятельностью и "отнюдь не предполагающих заняться земледелием или каким-либо иным промыслом"³.

Переселение для занятий иным промыслом категорически не запрещалось, но, чтобы получить разрешение, было необходимо согласиться на переселение за свой счет и при наличии достаточных средств для устройства хозяйства⁴. Денежная сумма, которой должен располагать крестьянин, чтобы получить разрешение на переселение, определялась в 300 рублей⁵.

Семьи рыбаков тем самым уравнивались с желавшими переселиться крестьянами, т.е. перечеркивались предложения

¹ Центральный Государственный исторический архив Латвийской ССР (далее ЦГИА ЛатвССР), ф.13, оп.2, д.1886, л.58.

² Там же, л.58.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

переселенческого управления, высказанные в начале кампании по привлечению прибалтийских поморов в Южно-Уссурийский край¹. Вскоре противоречия в условиях переселения были замечены, и переселенческое управление поспешило направить лифляндскому губернатору в конце сентября 1898 г. новое отношение, где признавалась ошибка, вкрадываясь в разъяснения о льготах². В этом документе весьма определенно говорилось, что льготы, указанные в предложении от 8 июля 1898г., остаются в силе. Правда, тут же отмечалось, что эти льготы нельзя считать окончательными до возвращения ходяков и предлагалось губернатору сообщить в переселенческое управление о каких-либо изменениях в льготах, если обстоятельства потребуют этого³.

Ходяки вернулись из Владивостока в Ригу 12 октября 1898 г. Лифляндский губернатор спешил выполнить распоряжения и поэтому уже 12 октября подготовил и отправил в переселенческое управление довольно развернутый рассказ ходяков об увиденном ими на Дальнем Востоке и их заключение в отношении возможности развития промышленного рыболовства и каботажа на побережье Южно-Уссурийского края, а также об условиях переселения семей рыбаков. Содержание документа, его изложение подано почти в стиле протокольной записи: "Ходяки от поморов Лифляндской губернии сегодня явились в Ригу... Будучи опрошены, заявили следующее..."⁴. Составленный сразу же в ходе опроса ходяков документ отражает наиболее яркие впечатления и представление об увиденном, предварительные выводы. На первом месте - возможности развития промыслового рыболовства при условии строительства крупных судов, чтобы доставлять рыбу в более отдаленные от побережья места для ее сбыта, например, в Японию. Затруднения в сбыте они видели в изобилии рыбы. Затем ходяки предлагают внести изменения в "Примерный рас-

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д. 1886, л. 3-4.

² Там же, л. 61.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 64.

чет на переселяющуюся семью". Для первоначального обзаведения домом и приобретения орудий промысла необходимо не 850 р., как предусматривалось управлением, а около 1140 р., по подсчетам ходяков. Количество багажа также должно было быть увеличено с 2-х пудов, как это было в первоначальном варианте, до 5-7 пудов, поскольку рыбакам-переселенцам необходимы инструменты, орудия лова, которые нельзя купить на новом месте. Более успешная организация промысла требовала, по мнению ходяков, установления регулярных (еженедельных) пароходных рейсов между Владивостоком и избранными местами поселения. А для налаживания жизни в новых местах необходима врачебная помощь, хотя бы фельдшерская, и священник¹.

Весьма существенным, по заявлению ходяков, было наделение переселенцев-рыбаков землей (от 10 до 50 десятин в зависимости от величины семьи и качества почвы), т.к. только собственное хозяйство могло дать необходимое обеспечение продуктами питания².

Все отмеченное ходяками свидетельствует о признании ими возможности переселения на Уссурийское побережье Дальнего Востока, но одновременно о необходимости корректировки правительственных условий для переселения рыбаков, в частности, наделение рыбаков-переселенцев землей.

Во всех документах переселенческого управления по организации ходячества и переселения рыбаков вопрос о земле отсутствует, он возникает только после донесений губернаторов о результатах ходячества прибалтийских поморов. Условие ходяков о предоставлении земли шло вразрез с правительственной линией в этом вопросе. Правительство придерживалось принципа не наделять крестьян-рыбаков землей, чтобы те не уходили от своего промысла, как это было уже при переселении таврических и астраханских рыбаков.

В своем ответе лифляндскому губернатору переселенческое управление 19 октября 1898 г. сообщало, что "...

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д. 1883, л. 64.

² Там же, л. 64-65.

определение оснований, на которых будет выдано переселяющимся пособие от казны (в качестве ссуды или безвозвратно), установление размеров этого пособия, а равно разрешение вопроса об отводе означенным лицам земельных участков зависят от Комитета Сибирской железной дороги; на усмотрение которого будут представлены соответствующие предложения Министерства внутренних дел¹. В конце октября 1898 г. предстояло внесение в подготовительную комиссию при Комитете Сибирской железной дороги предложений об отпуске кредита². Переселенческое управление таким образом сообщало, что условия переселения и размеры кредита будут решаться в соответствующих инстанциях, но вместе с тем лифляндскому губернатору предлагалось телеграфировать, сколько семейств рыбаков может быть отправлено весной 1899 г. на условиях, предъявленных ходаками³.

Это говорило о срочности подготовки решения вопроса о переселении рыбаков. Здесь же вырисовывался уязвимый момент переселенческой кампании: губернатору следовало собрать сведения о числе семей рыбаков, согласных переселиться на условиях, выдвинутых ходаками. Следовательно, среди крестьян могло утвердиться мнение, что условия ходяков приняты или непременно будут приняты. Лифляндский губернатор, более знакомый с различными явлениями в практике переселенческого движения крестьян, дал обстоятельный ответ, высказав собственные соображения, которые позволили ему пока не спешить сообщать в переселенческое управление о числе возможных переселенцев. Он писал, что, по его мнению, для успеха дела целесообразно сначала отправить 50 или несколько меньше семейств, хотя и со значительными для казны издержками, но зато с тщательным отбором семейств, на которые можно рассчитывать, что они явятся полезными отечественными промышленниками, мореходами и рыбаками⁴.

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.1886, л.74.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л.77.

"Без сомнения, - писал губернатор, - после получения писем с Амура будут поступать от лифляндских побережных жителей ходатайства о переселении лишь при пособии от казны... Может возникнуть новое массовое переселенческое движение, причем невозможно будет разобраться среди множества просителей, кто из них действительно будет мореходом или рыбаком, а кто стремится только по даровому переезду на новые места, возбуждающее во многих, особенно безземельных крестьянах, самые оптимистические надежды..."¹ Лифляндский губернатор этим мотивирует нецелесообразность срочности сообщения, сколько же крестьянских семей может отправиться уже весной 1899 г. на Дальний Восток.

Дополнением к гeredанному лифляндским губернатором разговора с ходяками в Риге после их возвращения может служить сообщение эстляндского губернатора от 11 декабря 1898 г. в переселенческое управление о выводах и наблюдениях ходяков, высказанных ими после возвращения на остров Даго (Хийумаа) местному комиссару по крестьянским делам². Копия этого документа была направлена лифляндскому губернатору³.

Итак, лишь спустя 2 месяца после возвращения ходяков эстляндский губернатор выполнил распоряжение переселенческого управления. Комиссар по крестьянским делам и губернатор задерже ись с ответом. Вероятнее всего, осенне-зимний период был причиной задержки документов комиссара. Такая деталь прослеживается в материалах о переселении. Губернатор составил для переселенческого управления обстоятельный документ: главный вывод ходяков - необходимость наделения землей. Ходяки ознакомились по прибытии во Владивосток с местностью, выбрали удобные для поселения рыбаков и каботажников места примерно на 10 и 150 дворов⁴. Затем губернатор излагает пожелания ходяков, опираясь при этом на мне-

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д. 1886, л. 78

² Там же, т. 86.

³ Там же, л. 87-88.

⁴ Там же, л. 88.

ние комиссара по крестьянским делам о Даго о необходимости наделения каждой семьи переселенцев по крайней мере 3-4 десятинами пахотной земли, 6-8 десятинами выгона и таким же количеством покоса, что составило в общей сложности 15-20 десятин на семью. Следует отметить, что предложение крестьян о наделении каждой семьи названным выше количеством десятин весьма примечательно. В работе "Аграрный вопрос в России к концу XIX в." В.И. Ленин писал: "... для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 десятин..."¹. Крестьяне-ходоки в своих предложениях о земле, видимо, исходили из условий мест постоянного жительства. В названном выше документе отмечено, что понадобится увеличение расходов по "Примерному расчету...": в отличие от Лифляндского губернатора, назвавшего лишь общую сумму (1140 р. вместо 850 р., предусмотренных правительством), он детально расписывает статьи расходов. Статья 3 (домообзаводство) - дом, состоящий из жилого помещения и риги с гумном, при казенном даровом лесе и даровой работе самих переселенцев обойдется: крыша - 60 р., четыре окна с двойными рамами и стеклами - 10 р. 50 коп., петли для дверей и окон, ручки и три замка - 14 р. 50 коп., две печки с плитой и одна труба - 130 р.; амбар: крыша - 10 р., петли и замок к звери - 3 р.; хлев - конюшня: крыша - 15 р. и петли для двери - 2 р., всего более 240 р. По "Примерному расчету", эта статья (на постройку избы) предусматривала: на дверные петли, вьюшки и стекла приблизительно 5 р.².

Статья 6 (шлюпка - на 6-8 человек) при даровом лесе и работе со всеми принадлежностями - 50 р. В "Примерном расчете..." ст. 6 (шлюпка): предполагая безвозмездный отпуск леса из казенных доч и даровую работу самих поморов, расходы ограничатся парусами и другими принадлежностями оснастки примерно - 40 р.³

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I7, стр. 101.

² ЦГИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д. 1886, л. 4.

³ Там же.

Статья 7 (рыболовные снаряды), принадлежности, материал для сетей и прочее - 100 р. Предусматривалось же по этой статье 60 р.¹

Общая сумма расходов совпадает у лифляндских и эстляндских ходоков: она составляла 1140 р.

Перечень расходов на домашнее хозяйство одновременно свидетельствует, какие постройки были необходимы прибалтийскому крестьянину, он мысленно переносит модель собственного крестьянского двора в новые для него условия дальневосточного побережья.

Заканчивает эстляндский губернатор свое отношение в переселенческое управление вопросом о земле, как бы возвращаясь к тому, чтобы усилить аргументацию о необходимости положительного решения этого вопроса. Он сообщает, что ходоки, хотя и вынесли отрадное впечатление от своей поездки и осмотра новых мест, но единогласно заявляют, что переселенцы - рыбаки и каботажники - должны быть наделены пахотной землей, т.к. на заработки только от одного рыболовного промысла и каботажного судоходства они не смогут основательно утвердиться в местах поселения из-за существующей там дешевизны на рыбу и морской фрахт и большой дороговизны на предметы первой необходимости². Наконец как довод в пользу наделения рыбаков землей губернатор использовал споры в правительственных кругах о целесообразности или вреде наделения крестьян-рыбаков землей для развития рыболовного промысла. Он (губернатор) отмечает, что обработка 15-20 десятин земли не отвлечет рыбаков и каботажников от их прямого дела, тем более, что "...у крестьян острова Даго спокон века существует обычай, что обработкой земли занимаются женщины и старики, а остальное мужское население занимается рыбной ловлей и каботажным судоходством"³.

Позиция эстляндского губернатора ясна: он подд

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.1886, л.4.

² Там же, л.89.

³ Там же.

ет начинание правительства о переселении прибалтийских крестьян-рыбаков, отстаивает уточненные крестьянами-ходаками условия переселения (особенно в вопросе о земле), т.к. заинтересован в оттоке части безземельных эстонских крестьян, а следовательно, в уменьшении их числа во введенной ему губернии, где продолжают сохраняться прежние аграрные отношения.

В течение октября-декабря 1898 г. в правительственных кругах шла корректировка условий переселения прибалтийских поморов на основании информации ходаков.

23 января 1899 г. в Лифляндское губернское присутствие пришло отношение от 20 января 1899 г. за подписью тов.министра внутренних дел об условиях переселения поморов в Уссурийский край. Вот эти условия:

1. Провоз поморов до места водворения на счет казны. По прибытии переселенцам оказывается денежное пособие в размере до 1000 р. Пособие выдается в виде ссуды, но если же в течение 5 лет поморы действительно будут заниматься рыболовством или каботажем, то ссуды могут быть засчитаны им как безвозвратное пособие.

3. Переселенцам будет предоставлен земельный надел в размере до 15 десятин на семейство.

4. Они освобождаются на 10 лет от сборов за занятия промыслом.

5. Для оборудования промысловых принадлежностей и домообзаводства разрешалась безвозмездная рубка леса¹.

В этих условиях частично учтены предложения ходаков. Совершенно новым было условие о наделении крестьян-рыбаков землей в 15 десятин.

На данных условиях могли быть отправлены весной 1899г. всего лишь 10 семей, лифляндскому и эстляндскому губернаторам предписывалось определить по собственному усмотрению, сколько с семей пойдет из каждой губернии².

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.1886, л.91,92.

² Там же, л.92.

Этим десяти семьям, которых губернаторам предстояло отобрать из числа желающих, предписывалось прибыть в Одессу к 10-15 февраля, поскольку первый пароход, который мог принять переселенцев, отправлялся из Одессы 25 февраля 1899 г.¹ Предстояло полученную информацию довести через уездных начальников до сведения рыбаков, причем необходимо было перевести ее на латышский и эстонский языки. Губернаторы и уездные начальники оказались в довольно затруднительном положении. В течение очень короткого промежутка времени - до отправки парохода из Одессы оставался месяц - необходимо было не только отправить переселенцев, но прежде всего их найти. Широко оповещать о данных условиях переселения было нежелательно, чтобы не привлекать большое число желающих. Отобрать в двухнедельный срок подходящие семьи было весьма затруднительно, но губернаторы были вынуждены в назначенный срок выполнить распоряжение переселенческого управления.

П. Ход переселения рыбаков на дальневосточное побережье

Лифляндский и эстляндский губернаторы готовили к переселению весной 1899 г. из Лифляндской губернии - 6, из Эстляндской - 4 семьи рыбаков. 4 февраля лифляндский губернатор докладывал в переселенческое управление о начале выполнения данного ему распоряжения: он сообщил ходякам (их было четверо, значит, оставалось, если соглашались семьи ходсков, найти еще 2 семьи) об условиях переселения и, очевидно, с их помощью рассчитывал отобрать из семейств поморов еще нескольких. В своем докладе губернатор писал, что выберет 6 наиболее подходящих по рабочему составу семей, но на все это понадобится не меньше месяца. "... Сделать распоряжение о приготовлении к отъезду раньше избрания отправляемых семейств я не считаю удобным ввиду того, что в надежде на отправку могут прекратить ликвидацию своих дел и такие семьи, которые не будут отправлены, и по-

тому напрасно только разорятся"¹.

8 февраля 1899 г. лифляндский губернатор направил рижскому, вольмарскому (Валмиера), пернавскому (Пярну) и эзельскому (Сааремаа) уездным начальникам предписание с пометкой "спешно" об информации поморов на местах и подборе семей для переселения в Уссурийский край на условиях, предложенных министерством внутренних дел². Это предписание было переведено на латышский язык; упоминание о нем появилось в протоколе, приложенном к рапорту рижского уездного начальника от 8 марта 1899 г., в котором говорилось об отказе двух семей рыбаков переселяться и возвращении ими латышского текста упомянутого выше предписания³.

Довольно легко можно представить, как распространялись разговоры среди латышских и эстонских крестьян об увиденном ходаками, как обрастали всяческого рода дополнениями, как будоражили рыбаков возможность и условия переселения на дальневосточное побережье. Эту ситуацию в селах лифляндского и эстляндского побережья отражает официальная документация по подбору семей на переселение.

Бывший ходок М.Палло проявил заинтересованность и некоторую тревогу по поводу медлительности подготовки условий переселения и 10 февраля 1899 г. (ходоки называли февраль лучшим сроком выхода) направил лифляндскому губернатору телеграмму с вопросом, будут ли отправлены переселенцы в Уссурийский край или нет и когда⁴. Тут же губернатор телеграммой ответил М.Палло, что 8 февраля переселенческое управление отправило уездным начальникам инструкции⁵. В конце февраля переселенческое управление уже запросило от губернаторов сведения, когда переселяющиеся семьи смогут приготовиться к отъезду и сколько понадобится средств на

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.1886, л.94.

² Там же, л.99.

³ Там же, л.123.

⁴ Там же, л.99.

⁵ Там же, л.100.

покрытие их расходов до Одессы¹.

Переселенческое управление торопит губернаторов, те, в свою очередь, заставляют спешить уездных начальников, и 5 марта 1899 г. лифляндский губернатор телеграфирует в Пернов (Пярну) и Аренсбург (Кингисепп): "Сжидаю списки переселенцев - поморов". "Вольмарскому и Рижскому уездным начальникам. Ускорить представление списков"².

Пернавский уездный начальник телеграфирует губернатору, что списки поморов представлены 3 марта, но одновременно направляет губернатору рапорт. В своем рапорте губернатору он отмечал, что "... изъявившие желание в 1897г. в настоящее время особого к тому желанья не имеют"³, а крестьяне предпочитали переселяться одновременно с односельчанами, что обеспечивало бы, как они считали, взаимопомощь. Здесь же уездный начальник сообщает, что ходок И.Миллер заявил о своем желании переселиться на одинаковых правах с другими семействами, но нечетко выразил мысль о согласии И.Миллера. Эта нечеткость вызвала раздражение и недовольство губернатора рапортом перновского уездного начальника. На оборотке рапорта губернатор написал карандашом текст ответа уездному начальнику: "...само собой разумеется, если Миллер удовлетворяет всем требованиям наравне с другими, то ему должно быть предоставлено преимущество. ... между тем никаких сведений о Миллере бы не представили... Такое упущение с Вашей стороны вызывает во мне большое недовольство. Я в предписании от 8 февраля просил Вас ввиду государственной важности отнестись к нему с особым усердием и внимательностью. Поставляя Вам сие на вид, предлагаю... донести по телеграфу о составе семьи Миллера"⁴. Уездный начальник телеграммой от 8 марта сообщает сведения об И.Миллере, как неимущем крестьянине, холостом,

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, т.1886, л.108.

² Там же, л.110,111.

³ Там же, л.112.

⁴ Там же, л.120.

чем объясняет невключение Миллера в число переселяющихся, как не отвечающего выдвигаемым требованиям¹. Но Миллер был ходяком, а когда шел поиск ходяков, тот же перновский уездный начальник в октябре 1897 г., рекомендуя его, отмечал, что Миллер безупречного поведения, с детства занимался рыболовством, несколько лет каботажем и в ходяки был избран 22 семействами мореходов. Все это губернатор написал на обороте полученной от перновского уездного начальника телеграммы². Губернатор, по-видимому, был склонен разрешить Миллеру переселение, аналогично действовал губернатор и в отношении Я.Ассера, запросив у полицмейстера барона Мирбаха сведения о бывшем ходяке Ассере³. Губернатор, выполняя предписание по подбору семей рыбаков, не упускал из вида бывших ходяков М.Палло, И.Миллера, Я.Ассера, К.Янсона. Миллер, Ассер и Янсон не были включены уездными начальниками в списки переселенцев, как не отвечающие требуемым категориям. Пока дополнялись сведения о бывших ходяках, губернатор велел объявить К.Янсону, данные о котором тоже не позволяли отнести его к числу переселенцев, явиться со своим семейством и багажом в Ригу 25 апреля 1899 г. для отправки в Одессу. При этом в канцелярии губернатора Янсон, как и другие ходяки, должен получить 129 р. 25 коп. (это — сумма, о которой хлопотали ходяки), поскольку им пришлось часть расходов во время хождения покрыть из собственного кармана⁴.

Семьям рыбаков-переселенцев надлежало явиться в Ригу к 25 апреля, чтобы успеть в Одессу. 15 мая (до отхода очередного парохода с переселенцами⁵). В конце марта 1899 г. лифляндский губернатор сообщил в переселенческое управление об отборе 6 семей. Остальным семьям, согласным на переселе-

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.1886, л.120.

² Там же,

³ Там же, т.118.

⁴ Там же, л.133,145.

⁵ Там же, л.144.

ние, предлагалось подать прощения осенью 1899 г.¹

26 апреля 1899 г. по прибытии в Ригу бывшие ходоки Ассер и Миллер отказались от переселения в связи с тем, что у Миллера внезапно умерла мать, Ассеру же не удалось получить согласие матери переселиться в столь далекие края, о чем в губернской канцелярии был составлен протокол². Раздумья, сомнения и в то же время желание переселиться, затем отказ от принятого решения отразились, например, в рапорте рижского уездного начальника 8 февраля 1899 г. и в протоколе от 8 марта того же года по поводу намерений некоторых крестьян переселиться. В рапорте говорилось, что крестьяне Магнусовской (Мангалю) волости Кришьянсон Ян Петров и Кришьянсон Мартин Петров с семьями, не занимавшиеся ни рыболовством, ни мореходством и имевшие средства от 500 до 600 р. на семью, включены в списки переселяющихся по собственному желанию. Но 8 марта 1899 г. они явились к уездному начальнику и "...возвратили латышский перевод предписания от 8 февраля 1899 г., сообщив, что отказываются переселиться"³, о чем составлен протокол. Отказ от переселения семей ходоков Ассера и Миллера потребовал в кратчайшие сроки найти две семьи рыбаков, согласных на переселение. Губернатор дал распоряжение вольмарскому уездному начальнику предложить еще одно семейство⁴.

1 мая 1899 г. семьи рыбаков прибыли в Ригу, где были им выписаны проходные свидетельства. В свидетельстве отмечалось: "Предъявители сего крестьяне Лифляндской губернии (перечислялись фамилии) переселяются с установленного разрешения и по вызову правительства в Уссурийский край для занятия мореходством. Семейство предьявителя состоит (перечислялись члены семьи). В утверждение вышеизложенного выдано сие свидетельство из лифляндского губернского по крестьянским делам присутствия. 3 мая 1899 г. Подпись лифляндс.о-

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.1886, л.144.

² Там же, л.16.

³ Там же, л.122.

⁴ Там же, л.162.

го губернатора¹.

В списке крестьян, отправившихся в Уссурийский край из Лифляндской губернии, значились²:

Таблица I

Звание, имя, фамилия, семейный состав и занятие	Возраст	Исповедание	Язык	Средства
I. Крестьяне Новосалацкой волости Вольмарского уезда				
Янсон Кристиан Иванович.	27	право-	латыш.	130 р.
Отец	57	славный	пони-	
Мать	50		мает по-	
Рыболовы. Иван Янсон, корабельный плотник.			русски,	
Брат Кристиана Александр находится в плавании и, когда возвратится, поедет с семьей в Уссурию.	26		говорит по-эстонски и английски	
Кристиан Янсон (10 лет) был в мореплавании (в Северной и Южной Америке и Австралии). Был ходяком от поморов Вольмарского уезда.				
2. Крестьянин той же волости				
Техт (Тякт) Иван Иванович.	36	правосл.	латыш.	не имеет
Жена и четверо детей.			говорит по-эстонски,	
Рыболов, корабельный плотник и кузнец. Плавает всюду по Балтийскому морю.			немного понимает по-русски	
3. Крестьяне Геллавской волости Эзельского уезда				
запасной боцман				
Палло Михаил Михайлов.	41	правосл.	эст.,	600 р.
Жена и трое детей.			говорит по-русски	
Рыболов и земледелец, кроме того плотник и кузнец.				
Был в заграничном плавании на военном судне 4 года.				
Был ходяком по доверию эзельских поморов.				

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.1886, л.185.

² Там же, л.177.

Таблица I (продолжение)

4. Дальний родственник Палло Мейстерсон Михаил Михайло- вич. Жена и двое детей. Рыболов и плотник.	43	правосл. эст.	200 р.
5. Крестьянин Великомонской волости Эзельского уезда отставной ефрейтор Наабер Тимофей Тимофеевич. Жена и шестеро детей. Рыболов и мореход. Хороший плотник.	42	правосл. эст., говорит по-рус- ски	1000 р.
6. Крестьянин Орекской волост- ти Перновского уезда Вейде Ян Михелев. Жена и пятеро детей. Шкипер, каботажник; плава- ет (без диплома), кора- бельный плотник, плавал в Ост-Индию и в Архангельск	39	лютера- нин эст., говорит по-ла- тышски, немного понима- ет по- русски	300 р.

В конце списка отмечалось: "Все эти 6 семей 3 мая отпра-
вились из Риги в пассажирском поезде в отдельном вагоне
III класса (в товарном - 80 пудов клади). 8 мая должны быть в
Одессе и 20 мая на пароходе "Воронеж" могут отбыть во Вла-
дивосток. Из Ревеля (Таллин) 22 апреля в Одессу выехали
эстляндские переселенцы и смогут отбыть на том же парохо-
де"¹.

Среди названных семей крестьян-рыбаков 4 были из эс-
тонских уездов Лифляндской губернии. В возрастном отноше-
нии это люди с определенным жизненным опытом, навыками
рыболовов, мореходов, плотников и кузнецов. Они оказались
в числе немногих семей, переселение которых финансирова-
лось государством. В отношении собственных средств пересе-
ленцы заметно различались - от 1000 р. (Наабер) до 130 р.
(Янсон), и вовсе без собственных средств (Техт); 3 из 6 се-
мей - многодетные.

Крестьяне Вейде, Янсон, Техт, судя по знанию латышс-
кого и эстонского языка, жили и работали в латышско-эс-
тонской среде. Плавали на судах и ходили в дальние рейсы
Палло, Вейде, Янсон, Техт. Весьма вероятно, что именно этот

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д. 1863, л. 177.

фактор облегчал переселение на далекое восточное побережье России. В условиях отсутствия надежды на землю в родных местах и углубления капиталистического расслоения крестьянства одни могли идти в надежде на обретение собственного хозяйства, постоянного и выгодного промысла, другие - в расчете на капиталистическое предпринимательство в слабо освоенных районах страны. Вслед за отъездом переселенцев лифляндский губернатор сообщил в переселенческое управление, что из Риги в Одессу отправлены 6 семей поморов (всего 19 человек взрослых и 14 детей моложе 10 лет). Тут же, поясняя и как бы оправдываясь за измененный ранее представленный список переселяющихся, губернатор отметил, что пришлось сделать изменения небезвыгодно для качества в видах поставленной правительством цели переселений¹.

Итак, в мае 1899 г. ушли из Лифляндской губернии 6, из Эстляндской - 4 семьи крестьян-рыбаков, чтобы поселиться на побережье Дальнего Востока. Тем самым намерения правительственных учреждений привлечь прибалтийских рыбаков и каботажников к хозяйственному освоению дальневосточной окраины, в частности, для развития рыболовного промысла в какой-то степени осуществляются.

Во всеподданнейшем отчете военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 г. было отмечено: "Опыт устройства быта рыбаков из Эстляндской и Лифляндской губерний на берегах Уссурийского залива можно считать вполне удавшимся. Эти новоселы оказались достаточно опытными, чтобы вести самостоятельно морские промыслы, близость Владивостока представляет для них удобство для сбыта добытых продуктов, обеспечивающее дальнейшее развитие начатого предприятия"².

В обзоре Приморской области за 1902 г. (приложение к губернаторскому отчету), в разделе "Статистические данные за 1902 г. о селениях Уссурийского края", собранные чиновни-

¹ ГИА Ла ССР, ф. 13, оп. 2, л. 1886, л. 176.

² Государственный исторический архив Хабаровского края ДВ, 9/С, 191, 014, л. 8-9. (далее - ГИА Хабаровского края).

ком особых поручений переселенческого управления И.В.Данильченко", содержатся сведения об образованных в 1899 г. селениях Лифляндское и Эстляндское Цемухинской волости Сучанского участка Южно-Уссурийского уезда.

Таблица П.

Д а н н ы е	Название уезда, волости, селения	
	Южно-Уссурийский уезд, Сучанский участок, селения	Лифляндское Эстляндское
Год образования	1899	1899
Площадь надела (в десятинах):		
удобной	4098	2252
неудобной	899	391
всего	4997	2643
Число дворов	33	22
Число семей	41	25
Мужчин	105	88
Женщин	96	73
Домашний скот (подсчитано вместе):		
лошади	77	-
рабочие быки	7	-
коровы	44	-
свиньи	74	-
козы, овцы	112	-
Земля под посевами:		
разные хлеба	43%	47,5%
огороды	10%	13%
всего посевов	53%	60%

Данные таблицы П¹ иллюстрируют состояние селений за три года их существования. Первоначальное число семей, основывших эти селения, было 10, а в 1902 г. семей уже насчитывалось 66. Следовательно, движение на дальнечасточное побережье продолжалось и в какой-то мере поддерживалось

¹ ГИА Хабаровского края. ДВ, Д/С, 191, 014, л. 23, 24.

правительством с учетом соображений военного губернатора Приморской области: "...желательно поселить по побережью Японского моря население энергичное, которое в состоянии эксплуатировать не только рыбные богатства, но и прочие промыслы Приморья: каботаж, постройку деревянных судов, лодок, добычу строевого леса"¹.

В ноябре 1900 г. исполняющий обязанности лифляндского губернатора вице-губернатор Булыгин направил уездным начальникам, комиссарам по крестьянским делам и полицмейстеру купальных мест близ города Риги условия по переселению в 1901 г. мореходов-рыбаков в Южно-Уссурийский край с указанием, что желающим переселиться следует объяснить: "... дело это касается только мореходов, и переезд должен быть совершен переселенцами за свой счет"² с "Условиями для переселения в 1901 г. поморов из Лифляндской губернии в Уссурийский край"³. Названные "Условия..." гласили: "Разрешение на переселение может быть дано только лицам, успешно ведущим рыбный промысел, занимающимся каботажным плаванием и основательно знакомым с морским делом. Желательно включить в партию переселенцев целой артели, состоящей из нескольких семей, продолжительное время работающих сообща..."⁴. Но путь до Владивостока переселенцы должны совершить за собственный счет, и при этом перед отправкой из Риги переселенцы должны будут вручить чиновнику, которому будет поручена отправка их, все имеющиеся у каждой семьи на проезд и домообзаводство деньги. Из этих денег выдана будет переселенцы на руки только сумма, необходимая на проезд до Одессы и на продовольствие до посадки на суда; остальные деньги будут пересланы одесскому градоначальнику для оплаты морского переезда; сумма, которая останется сверх оплаты за проезд, будет возвращена переселенцам по прибытии их во Владивосток. Переселенцам выгод-

¹ ГИА Хабаровского края, ДБ, Д/С, 191, 014, л.9.

² ГИА Латвии, ф. 14, оп.2, л.665, л.8.

³ Там же,

⁴ Там же, л.9,10.

но взять с собой: 1. одежду, белье, обувь; 2. сети, инструменты и орудия промысла, 3. металлическую утварь и металлические части полевых орудий: плугов, борон, кос, серпов, топоров, лопат и пр. 4. семена, кроме гречихи и озимой ржи, которые в крае не сеются¹. Эта деталь о гречихе говорит об аналогичного характера распоряжении по поводу переселенцев из других губерний. Наиболее существенными положениями названных "Условий..." были следующие: "По прибытии во Владивосток семьям, нуждающимся в пособии, к собственным средствам для первоначального обзаведения будет выдана ссуда в 500 р. сроком на 33 года с тем, чтобы по истечении первых 5 лет и т.д. (как в общих условиях для переселенцев)² на основании закона 1899 г. будет разрешена бесплатная рубка леса. Эти "Условия" объединяли в себе статьи положений для переселяющихся крестьян и рыбаков, привлекавшихся правительством на Дальний Восток. В "Условиях для переселения" не хватает четкости, о чем свидетельствует донесение в переселенческое управление в ноябре 1901 г. заведующего переселенческим делом в Уссурийском крае Гондати в сопровождении экспедиции "Условий для переселения в 1901 г. поморов из Лифляндской губернии в Уссурийский край". Гондати пишет, что переселенцы-рыбаки, прибыв во Владивосток, обращались к нему с просьбой о выдаче им пособий в размере 500 р., ссылаясь на "Условия...", которые, "...со слов рыбаков, раздаются в Лифляндской (так же в Эстляндской) губернии, что при меньшем пособии они ни за что не пошли бы в Уссурийский край"³. Упомянутые "Условия..." крестьяне-рыбаки привезли с собой, очевидно, как документ, подтверждающий их право на пособие в 500 р. Не получив этих денег, крестьяне просили выдать им дополнительно 200 р.⁴ Просьбу о такой сумме можно, наверно, объяснить тем, что крестьяне, исходя из общего положения о необходимости для переселен-

¹ ЦГИА ЛатвССР, ф.14, оп.2, д.665, л.9-11.

² Там же, л.70.

³ ЦГИА СССР, ф.391, оп.2, д.838, л.189.

⁴ Там же, л.189.

шихся наличными не меньше 300 р., решили, что они имеют право претендовать на 200 р., что в сумме с их собственными деньгами и составит названную в "Условиях..." цифру - 500 р. Однако заведующему переселенческим делом было ясно, что никаких пособий в 500 р. для переселенцев 1901 г. не предусматривалось. Поэтому в своем донесении в переселенческое управление Гондати высказал просьбу: "Указать администрации Лифляндской и Эстляндской губерний на необходимость изменения сообщаемых ею "Условий..."¹. В местах вселения рыбаков чиновники исходили из общих оснований переселения, в то время как в местах выхода крестьян - переселенцев Лифляндской и Эстляндской губерний - еще на особые, привлекающие переселенцев условия. В начале 1901 г. лифляндский губернатор сообщает в переселенческое управление о желании 25 семей эзелских крестьян переселиться на условиях 1901 г.² Ответ переселенческого управления: "В настоящее время, когда в Южно-Уссурийское побережье направились рыболовы чисто русского происхождения (работавшие в Черном и Азовском морях), притом на общих условиях, установленных для переселения в Уссурийский край, не вызывающих затрат из средств казны, министерство внутренних дел признает возможным допустить переселение лифляндских рыболовов лишь на таких же общепереселенческих условиях". При этом отмечалось, что морская доставка переселенцев в текущем, т.е. 1901 г., прекращается и все переселенцы направляются на Дальний Восток по железной дороге до Сретенска и далее амурским водным путем³. В своем ответе приамурскому генерал-губернатору министерство внутренних дел в 1901 г. на предложение привлечь в Приамурский край кустарей-ремесленников сообщает: "...По всем губерниям, где есть ремесленники, дано знать, но ... что касается крестьян-рыболовов, то ввиду имевшихся в министерстве сведений о безрезультатности опыта казеннокоштного переселения

¹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 886, л. 190.

² Там же, л. 165.

³ Там же, л. 166.

ления рыболовов Прибалтийских губерний, министерство было принуждено отказаться от подобного способа переселения, поставив последнее на общие основания¹. Правительственные учреждения делали упор на общие основания для переселенцев, преследуя цель как можно меньше допускать государственных затрат. Лифляндское и Эстляндское селения в Уссурии (Уссурийский край), как чаще всего писали крестьяне в прошении о переселении, кого-то манили, кого-то отталкивали. Но в 1903 г. несколько эстонских семей просили причислить их в селение Лифляндское Цемухинской волости Уссурийского края².

Дальневосточная администрация в 1900 г. в лице военного губернатора Приморской области, как уже было отмечено, признавала опыт устройства быта рыбаков из Эстляндской и Лифляндской губерний вполне удавшимся. МВД в декабре 1901 г., поручая таврическому губернатору найти рыбаков-переселенцев, отмечало: "... переселение астраханских рыболовов дало неудачные результаты..., произведенное засим в течение 3-х лет переселение прибалтийских поморов дало вполне удовлетворительные результаты, благодаря особому вниманию к этому делу лифляндского и эстляндского губернаторов, доставивших около 500 человек, основательно знакомых с морским промыслом и каботажем. Переселенцы эти водворились на побережье Уссурийского залива и успешно занялись эксплуатацией его рыбных богатств"³. Но в ответе министерства внутренних дел приамурскому генерал-губернатору в 1902 г. говорилось о безрезультатности опыта казенно-коштного переселения рыболовов Прибалтийских губерний. Такое расхождение в оценках этого переселения легко объясняется: в интересах правительства было необходимо дальнейшее переселение рыбаков для развития дальневосточного рыболовства, но с наименьшей затратой средств; таврическому губернатору в пример ставились прибалтийские губернаторы,

¹ ЦГИА СССР, ф.13, оп.2, д.888, л.171.

² ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.8852, л.65.

³ ЦГИА СССР, ф.391, оп.2, д.888, л.133.

сумевшие тщательно выполнить задание, более того, "... удалось обеспечить достаточный, притом вполне пригодный контингент переселенцев, хорошо знакомый с морским промыслом и со службою на мелких каботажных судах, и вместе с тем окружное население нисколько не было взволновано слухами о переселении"¹.

На созванном в 1903 г. приамурским генерал-губернатором Д.Суботичем IV Хабаровском съезде обсуждались вопросы хозяйственной жизни Приамурского края. Съезд был довольно многочисленным (150 человек): представители крупных и малых городов Дальнего Востока, сотрудники различных правительственных учреждений, коммерческие агенты из Франции, США, лесопромышленник из Парижа, директор Русско-китайского банка. Работа съезда отражена в опубликованных Трудах². На секции "Переселение" начальник переселенческого управления во Владивостоке П.П.Архипов отмечал, что лифляндские рыбаки, поселенные уже в крае, завели 3 шхун³. Со своими соображениями выступил чиновник из Благовещенска по делам переселения: "Я настаиваю, что опыт поселения лифляндских рыбаков во всяком случае должен быть признан достигшим своей цели. Они имеют уже шхуну, на которой, кроме занятий рыбным промыслом, перевозят также грузы и в таком количестве, что берут даже подряды"⁴.

В такой формулировке — опыт поселения — находил отражение в правительственных документах в период повышенного внимания правительства к заселению и хозяйственному освоению Дальнего Востока.

Организованное в 1899 г. переселение 10 семей рыбаков из Прибалтийских губерний на государственные средства было исключительным в переселенческой практике царизма. Основными мотивами действий правительства было развитие рыболовства

¹ ЦГИА СССР, ф.391, оп.2, д.888, л.135.

² Труды Хабаровского съезда. Хабаровск, 1903, стр.1-3.

³ Там же, с.1.

⁴ Там же, с.3.

и морского промысла на Дальнем Востоке.

Вскоре после образования поселений рыбаков на Уссурийском побережье было признано, что они обеспечивают дальнейшее развитие начатого предприятия, как об этом сказано выше. Однако в последующие годы, несмотря на предложения прибалтийским рыбакам, повторявшиеся в 1903 и 1907 гг., переселяться на дальневосточное побережье, они должны были это делать на общих основаниях, как крестьяне-переселенцы. Имелось в виду, что на основании закона 1899 года им будет разрешена бесплатная рубка леса, каждое семейство получит на месте нового водворения небольшой (до 15 десятин) земельный надел. От сборов для производства промысла переселенцы освобождались на 10 лет^I.

Переселение прибалтийских рыбаков было частным явлением в общем переселенческом движении крестьян на дальневосточные окраины России. В нем проявлялись основные объективные процессы развития капитализма вширь и принципы переселенческой политики царизма в колонизации и хозяйственном освоении окраин страны. На рубеже XIX и XX вв., со второй половины 90-х годов XIX в., это была политика известной поддержки крестьянских переселений без особого ущерба для казны помещичье-самодержавного государства: для хозяйственного освоения окраин в основном использовались собственно крестьянские средства.

^I ЦИА ЛатвССР, ф.14, оп.2, д.665, л.10.

BAĻTIJAS ZEMNIEKI UN PAREIZTICĪBA
(1841.g. - 1864.g.)

1. Ievadam

Viena no feodālisma krīzes spilgtākajām izpausmēm XIX gs. 40. gados bija masveidīgas un ilgstošas zemnieku antifeodālās kustības, tai skaitā arī oficiāli mierīgā pāreja pareizticībā. Šīs zemnieku kustības izpēte palīdz atklāt tē laika zemnieku sociāli ekonomiskos un ideoloģiskos mērķus.

Tādu, aizņemti sociāli ekonomisko problēmu risināšanā, padomju vēsturnieki līdz šim nespēja pievērst speciālu vērību pārejas kustības (konversijas) izpētei. Vispārēju vērtējumu Latvijas PSR vēstures I sējumā sniedzis akadēmiķis J. Zutis¹. Zemnieku kustības ietvaros šo jautājumu Vidzemē apskatījusi doc. I. Steprāne². Diemžēl, šis pētījums nav publicēts.

Vidzemes zemnieku pāreja pareizticībā XIX gs. 40. gados radīja vispārēju sensāciju Eiropā. Lai gūtu informāciju par notikumu gaitu, Nikolaja I uzdevumā Vidzemē ieradās žandarmērijas virsnieki, flīģeladjutanti, ģenerālgubernators un citi ierēdņi pastiprināti vāca materiālus un rakstīja ziņojumus. Rezultātā Krievijas impērijas centrālās pārvaldes iestāžu un galma aristokrātijas arhīvos uzkrājušies daudzi līdz šim neizmantoti dokumenti. Raksta autoram izdevies iegūt jaunus avotus, kas dod iespēju analizēt mināto kustību uz Krievijas impērijas valdības un garīgās vadības fona. Sevišķi nozīmīgi materiāli iegūti ķeizara personiskās kancelejas III nodaļas arhīvā Maskavē³. Līdz šim nezināms avots pārejas kustības pētīšanai ir Vidzemes žandarmērijas ģenerālmajora fon Hildebranta slepenie ziņojumi žandarmu šefam. Tos rakstījis uzticams "cāra troju sargs", kurš labi pazinis vietējos apstākļus un kā aculiecinieks uzmanīgi sekojis pārejas kustībai "no sākuma

1 Latvijas PSR vēsture. - Rīga, 1953, 1. sēj., 412.-414. lpp.

2 Степрәне И. Я. Крестьянское движение в Лифляндии в 40-х годах XIX века: Автореф. дисс... на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. - Рига, 1966, с. 19-22.

3 ЦГАОР СССР, ф. 109, III отделение собственной его императорского величества канцелярии.

līdz beigām", "ieņemot guberņas žandarmu štāba virsnieka amatu 17 gadus"¹. Nozīmīgi dokumenti glabājas Ļeņingradā grāfu Valujevu fondā². Grāfs P.Valujevs piederēja pie t.s. nacionālās partijas, 1845.g., būdams ķeizara uzticamības persona, viņš kopā ar vēl trim personām ieradās Baltijā un sekoja pareizticības izplatības gaitai, sarakstoties ar Pēterburgu, ģenerālgubernatoru Golovinu, Rīgas pareizticīgo bīskapu Filaretu u.c. Visai nozīmīgs ir "Ziņojums par Vidzemes zemnieku pievienošanās gaitu un kārtību pareizticīgajai baznīcai un par rīkojumiem šajā lietā, no visiem redzes viedokļiem"³. Tas uzrakstīts 1847.g. pavasarī un domāts Nikolajam I. Dokuments sniedz notikumu atspoguļojumu no t.s. nacionālās partijas viedokļa, uzrāda daudzus līdz šim nezināmus ķeizara Nikolaja I un pareizticīgās baznīcas rīkojumus zemnieku konversijas laikā. Atklājās, ka valdības interese par pareizticības izplatību Baltijā bija daudz lielāka nekā tas atspoguļots historiogrāfijā. Domājams, ka šī dokumenta autori ir Nikolaja I flīģeladjutantu komisija grāfa Krūzenšterna vadībā un arī pats ģenerālgubernators A.Golovins. Visai svarīgs ir 60. gadu sākumā uzrakstītais "Īss jautājuma apskats par pareizticību Vidzemes guberņā"⁴. Tā autors - valdības sprindām tuvu stāvoša persona, atingsrs Krievijas impērijas aizstāvis, kas labi pazīst Baltijas apstākļus. Autors kritizē valdības mēģinājumus tuvināt Baltiju impērijai ar pareizticības ieviešanu un ieteic citus, pēc viņa domām, tālredzīgākus pasākumus. Domājams, ka šī apcerējuma autors ir grāfs P.Valujevs. Visai nozīmīgi materiāli iegūti Krievijas impērijas Ministru Komitejas fondā⁵ un citos fondos. Firms kāda laika Latvijas PSR Centrālajā valsts

1 Записка генерал-майора фон Гильдебранта о нынешнем положении дел в Лифляндии (ЦГАОР СССР, ф.Ш отд., I экзп., 1863 г., д.23, г.86, л.49).

2 ЦГИА СССР, ф.906, оп. I и II.

3 Записка о ходе порядка присоединения лифляндских крестьян к православной церкви и о распоряжениях по этому делу во всех отношениях (ЦГИА СССР, ф.908, оп. I, д.85, т. I, л.94-123).

4 Краткий обзор вопроса о православии в Лифляндской губернии (ЦГИА СССР, ф.908, оп. II, д.45, ч. I, л. I-16).

5 ЦГИА СССР, ф. I263.

vēstures arhīvā pētnieku rīcībā nodots Rīgas un Jelgavas (pareizticīgo) bīskapa kancelejas fonds, kurā saglabājusies sarakste ar Baltijas ģenerālgubernatoru, "Viscērtāko sinodi" Pēterburgā un citi materiāli, kas raksturo pareizticīgās baznīcas stāvokli un politiku Baltijā XIX gs. vidū¹.

Taču gan Krievijas impērijas centrālo pārvaldes iestāžu, gan vietējo muižnieku interesēs radītajiem materiāliem jāpieiet kritiski. Ģenerālgubernatora A. Golovins, P. Valujevs un citi t. s. nacionālās partijas locekļi pāreju pareizticībā izskaidroja galvenokārt ar vietējiem agrārajiem apstākļiem, noliedzot jebkādu aģitāciju, bet vācu muižniecības interesēs radītie dokumenti pāreju centās izskaidrot tikai ar aģitāciju. Tomēr abiem faktoriem dažādos pārejas posmos bija dažāda un ne viennozīmīga loma.

Raksta mērķis - analizēt tikai dažus līdz šim neskaidras konversijas cēloņus, iemeslus, gaitu un sekas Baltijā, jautājuma tālāko izpēti atstājot monogrāfiskai izpētei.

2. Pārejas cēloņi, iemesli, mērķi

Pārejas kustības cēloņi un mērķi buržuāziskajā historiogrāfijā tiek tendenciozi izkropļoti. Tā latviešu buržuāziskā historiogrāfija par pirmo konversijas cēloni uzskatīja to, ka "lutertiecībā liela latviešu zemnieku daļa nevarēja atrast reliģisko apmierinājumu". Otrais, viņuprāt, bija grūtais saimnieciskais stāvoklis, bet trešais - cenšanās politiski un nacionāli atbrīvoties².

Feodālisma sabiedriski ekonomiskās krīzes apstākļos XIX gs. 40. gados Baltijā bija saasinājušās visas feodālisma pretrunas, arī zemnieku cīņa pret muižniekiem. Vidzemē šīs pretrunas saasināja zemnieku neapmierinātības pieaugums pret "brīvlaišanu" bez zemes, 1844. gada neraža un tai sekojošais bēdas un sērgs. Kaut arī zemnieku ekspluatācijas jautājumos vācu muižnieki un krievu carisms bija vienoti, valdības aprindās augošā t. s. nacionālā partija ar grāfiem S. Uvarovu (1786 - 1855.) un L. Perovski (1792. - 1856.) priekšgalā pēc žandarmu Be-fa A. Benkendorfa nāves cīņā pret Baltijas muižnieku privilēģijām par vienu no līdzekļiem uzskatīja pareizticības izplatīša-

1 LCVVA, 7462. fonds.

2 Zālītis Fr. Latvijas vēsture vidusskolēm. - Rīga, 1938, 219.-220. lpp.

nu. 40. gadu vidū, līdz ar A. Golovina iecelšanu par Baltijas ģenerālgubernatoru, t. s. nacionālās partijas ietekme pastiprinājās. A. Golovins sākumā neiebilda pret zemnieku masveida pāreju pareizticībā.

Pārejas kustības cēloņi un iemesli nav saprotami, neizanalizējot Krievijas un Eiropas tā laika politiskās un ideoloģiskās dzīves ietekmi Baltijā.

Lai kā t cik risinātu Krievijas zemnieku jautājumu bez radikālas agrārās reformas, Valsts Ipašumu ministrs grāfs P. Kiseļovs valsts Ipašumu pārvaldes reformas ietvaros panāca ķeizara Nikolaja I sankciju vairāku guļerņu (tai skaitā Pleskavas un Smoļenskas) zemnieku pārceļošanai uz Dienvidkrieviju, apsolot tur zemi, atbrīvošanu no nodokļiem utt. Pārceļties uz "siltām zemēm" Krievijā 1841. g. pieteicās 3596, bet 1844. g. - jau 170000 revīzijas dvēseļu¹. Pārceļošanas atbassis ātri atskanēja arī Baltijā, kur zemnieki bija atbrīvoti no dzimtbūšanas bez zemes. Zemes trūkums tos noveda nežēlīgā muižnieku ekspluatācijā. Taču zemniekiem paskaidroja, ka šis manifests attiecas tikai uz krieviem. "Ja tas tā, - rakstīja līds anonīms Baltijas muižnieks ķeizara personiskās kancelejas III nodalī 1845. gadā, - tad arī mēs gribam būt krievi. Bet kā kļūt par krieviem? Pieņemot krievu ticību, tā viņiem paskaidroja. Kas pieder pie krievu ticības, tas ir krievs, un pār to krievu likums. To uztvēra krievu popi un nemiers (zemnieku) prātos sākās."² 1841. g. Rīgā ieradās ap divi tūkstoši Vidzemes latviešu zemnieku ar prasību pierakstīt viņus pareizticībā un līdz ar to pārcelt uz "siltajām zemēm" Krievijas dienvidos. "Šī kustība bija apspiesta ar stingriem pasākumiem, - rakstīja žandarmu ģenerālmajors Hildebrants 1864. g., - ar mīnas sodiem, vadītāju izsūtīšanu uz Sibīriju. Toreiz šajā sakarībā Rīgā ieradās grāfs A. Benkendorfs sava ierēdņa Saitinska pavadoībā un likās, ka kārtība nodibināta galīgi."³ Rīgas pareizticīgo bīskapu Irinarhu, par kuru sūdzējās ģenerālgubernators barons P. Pā'ens,

1 Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. - М., 1958, т. II, с. 180-194.

2 Записка о делах Остзейских губерний (ЦГАИ СССР, ф. 109, III отд., IV экзп., 1845 г., д. 133, л. 148.

3 ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экзп., 1863 г., д. 23, г. 86, л. 50.

1842.g. nosaukuma bīskaps Filarets - bijušais garīgās akadēmijas rektors¹. Lai novērstu 1841. gada zemnieku nemieru atkārtanos, Sinode pēc Nikolaja I rīkojuma 1844.g. sākumā uzdeva nepieņemt pareizticībā latviešu un igauņu zemniekus bez viņu "šķīstisirdības" stingras pārbaudes vietējo pārvaldes iestāžu ierēdņu klātbūtnē un bez ikreizējas Sinodes atļaujas². Taču t.s. nacionālā partija bija neapmierināta, ka šādi pārtrauc pārejas kustību pareizticībā, jo tādējādi tā cerēja konsolidēt Baltiju ar pārējām impērijas gubernām. Šo viedokli atbalstīja arī Nikolajs I, un par Baltijas ģenerālgubernatoru iecēla kņazu A.Golovinu iepriekšējā ģenerālgubernatora Pšilana vietā, ko uzskatīja par vācu muļžnieku privilēģiju aizstāvi. 1845.g. Nikolajs I izniedza kņazam A.Golovinam slepenu instrukciju, kuras 6.§ uzdeva "veikt pasākumus, lai nepieļautu agitāciju (подстрекательство) luterāņu pārejai pareizticībā, bet no otras puses - novērst arī katru pretdarību (šādas pārejai), tīpat kā (pareizticībā) pārgājušo apspiešanu". Instrukcijas 3.§ uzdeva "sargāt Baltijas novadā dzīvojošo krievu iedzīvotāju priekšrocības (выгоды), nekad nepieļaujot viņu apspiešanu, maskējoties ar vietējām tiesībām"³. Taču 1844.g. beigās pie bīskapa Filareta ieradās 8 Rīgas latvieši un lūdza pierakstīt viņus pareizticībā. Pēc kāda laika tas notika svinīgā ceremonijā Rīgas pareizticīgo katedrālē. Rīgā draudēja ierasties jauni pareizticības gribētāju pulki. Ģenerālgubernators A.Golovins personīgi aizveda Nikolajam I ziņojumu par notikušo. Ziņojumā bija norādīts uz baznīcas nesagatavotību lielu iedzīvotāju masu uzņemšanai pareizticībā un uz to, ka "zemnieki, cerot uz laicīgiem labumiem, pie jaunās ticības pieķeras neapzinīgi un mēģinājumiem, kas iesvaidā ar eļļu (мазанием), nav jēdara nekāds apustulisks darbs, bet tikai jāievēro kancelejas kārtība"⁴. Taču Pēterburgā iekšlietu ministrs Perovskis, Sinodes virsprokurors grāfs Protasovs un valsts iekšlietu ministrs grāfs Kiseļovs pārliecināja Golovinu, ka Nikolajs I ticības vienību uzņem-

1 Pommers A. Pareizticība Latvijā. - Rīga, 1931, 21. lpp.

2 L.VVA, 7462.f., 1.apr., 7.l., 1.-4.lp.

3 ЦГИА СССР, ф.908, д.85, т.1, л.227.

4 ЦГАСР, ф.109, III отд., I эксп., 1864 г., д.23, г.86, л.50.

ta par pašu crosēko impērijas iekšējo saiti un principā nenosoda strauju pareizticības izplatību Baltijā. Pēc tam arī Golovins kļuva par pareizticības ieviešanas aktīvu atbalstītāju un draudzīgi sadarbojās ar bīskapu Filaretu.

Rodas jautājums, kādi tad bija konversijas cēloņi un zemnieku mērķi? Nākošais Krievijas iekšlietu ministrs P.Valujevs rakstīja par Baltiju: "Trīsdesmito gadu vidū un otrajā pusē zemkopība ieguva jaunu, no ārzemēm aizgūtu virzienu. Muižnieki sāka ieviest tā saucamo Knechtwirtschaft (lauku apstrādāšanu ar algotiem kalpiem), pie kam viņi pārliecinājās, ka algotā strādnieku darbs izdevīgāks nekā klausiņu darbs. Tā kā visa zeme pieder muižniekiem, tad daudzi (muižnieki) neatrada neko labāku kā iznīcināt veselus ciemus, pievienot zemnieku zemes muižām un apstrādāt tās vienkopus ar algotiem strādniekiem."¹ Kaut arī 1839.g. Vidzemes landtēga lēmums aizliedza masveidīgu zemnieku sētu spridzināšanu, jo tas radot proletariātu, sētu spridzināšana izraisīja zemniekos bailes par nākotni. Neražas gadi pastiprināja vispārējo postu, bet muižnieki, aizbildinoties, ka zemnieki Baltijā brīvi, nereti attāloās sniegt palīdzību. Tā kā vaku grāmatās paredzētās un muižnieku prasītās klausas patiesībā neviens nespēja izpildīt, zemnieki bija pilnīgi atkarīgi no muižniekiem. Zemnieki saprata, ka tikai zemes īpašums var atbrīvot viņus no grūtā stāvokļa. Sāka izplatīties nemiera idejas. Stāvokli vēl vairāk pasasināja 1844. gada neražas un tām sekojošais bads. Blakus sociāli ekonomiskajiem konversijas faktoriem, kas bija galvenie, sava loma bija arī luterāņu mācītāju muižnieciskajai sociāli ekonomiskajai un ideoloģiskajai nostājai. Tādēļ ka vienai draudzei piederēja vairākas muižas, daudzi zemnieki dzīvoja tālā attālumā no draudzes baznīcas. Mācītājs dzīvoja savā muižā pie baznīcas. To draudzes zemniekiem bija jāapstrādā un mācītājs jāapgādā. "Būtībā mācītāji bija tie paši muižnieki, - rakstīja P.Valujevs, - un nemaz neatpalika no viņiem (muižniekiem savās prasībās pret zemniekiem."² Rezultātā zemnieku reliģiski tikumiskā aprūpe mācītājiem veidoja it kā otru plānu.

1 Краткий обзор... (ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, л.45, ч.1).

2 Там же, л.4.

Tādos apstākļos viņi vienīgo glābēju cerēja saņemt no valdības un, ja tas nepieciešams, ziedot sava mērķa sasniegšanai arī savu reliģisko piederību, kura pa lielākajai daļai vēl bija tikai ārēja, un pāriet, kā viņi teica, "ķeizara ticībā".¹ Faktu, ka pārejas pamatā bija zemnieku agrārās attiecības, pierāda apstākļi, ka vēlēšanos pieņemt parocītību izteica tikai zemnieki. Turpretī starp pilsētniekiem šīs kustības nebija.² Kāds anonīms Baltijas muižnieks, kā pats izteicās, ne vācietis un ne protestants, 1845.g. oktobrī "Ziņojumā par stāvokli Baltijas guberņās" sakarā ar pāreju reālitātibā rakstīja Nikolajam I: "Kad es biju Polijā divus gadus pirms (1831.g.) nemieriem, es dzirdēju sūdzības, (tādu) salīdzinājumā ar Baltijas (muižnieku) zvēribām tās ir tāpat kā lakstīgas dziesmu salīdzināt ar tīķera rēcienu."³ Pat žandarmu apakšpulkvedis Šerbačovs brīnījās par latviešu zemnieku grūto stāvokli un pacietību⁴. Zemnieku grūtā stāvokļa pierādīšanai žandarmu apakšpulkvedis Šerbačovs 1846.g. 10. decembrī nosūtīja uz Pēterburgu dāsurējošam žandarmu štāba virsniekam zemnieku pelavmaizes gabalu, ar ko iztika īgauni zemnieki, un paziņoja, ka "arī tās līdz pavasarim, kā rodzams, pietrūks".⁵ "Nav nekādu šaubu, ka ne jau reliģiska

1. Краткий обзор... (ЦГА ССРС, ф. 908, оп. II, л. 45, ч. I, л. 5).
2. Turpat.
3. Записка о делах Остзейских губерний (ЦГАОР ССРС, ф. 109, III отд., IV эксп., 1845 г., л. 138, л. 148-149).
4. "Недобно удивляться многогтерпелию здешнего народа, в перенесении не только жестокого обращения, но и даже жестокого с ними г.г. владельцев, в особенности арендаторов. Во многим нахожу я здешний народ похожим с малороссиянином, также терпелив, также упрям, особенно латыши и мстительно зли (как говорят) хотя я этому еще не верю" (Выписка из частного письма дерптского штабфипера Шербачёва к полковнику Купинскому от 21 июня 1846 г. ЦГАОР ССРС, ф. 109, III отд., I эксп., 1846 г., л. 158, с. 1-2).
5. "Посылаю Вам при сем кусок хлеба, которым питаются здешние эсты, говоря при этом: "Слава богу, если кто из нас будет иметь подобный хлеб до весны, а то многим и этой пищи недостает на зиму... Эта скудная пища может служить лучшим доказательством о быте крестьян здешних и неспровергнуть ложные выкладки петербургских немцев о превосходным состоянием их крестьян (ЦГАОР ССРС, ф. 109, III отд., IV эксп., 1846 г., л. 221, л. 5-8).

slainājums bija šīs kustības cēlonis, - rakstīja Zandarnērijas ģenerālmajors fon Hildebrants, - bet vienīgi cerība uzlabot stāvokli, kas zemniekiem likās neapmierinošs. Nav nekādu šaubu arī par to, ka Vidzemes (luterāņu) mācītāji maz rūpējas par savām draudzēm un maz centās nostiprināt ticību, kuru viņi (zemnieki) tik ātri atstāja.¹ Baltijas ģenerālgubernators kņazs A.A. Suvorovs savā atskaitē par 1858.g. rakstīja, ka Vidzemes zemnieki 1845. un 1846. gadā pārgāja pareizticībā reliģiskai pārliecībai pilnīgi svešu motīvu dēļ. Pirmais cēlonis bija zemnieku neapmierinātība ar agrārājām attiecībām, bet otrais - baumas par materiālajiem labumiem, kurus saņems pēc pāriešanas pareizticībā.² Tādā veidā, - rakstīja P. Valujevs, - kustība tautas masās bija sagatavota nevis ar solījumiem un propagandu, bet dabiskās vietējās dzīves apstākļu rezultātā. Tādu Beit sākās valdības kļūdas, kas gribēja izmantot šo kustību, lai apvienotu valsti reliģiskā ziņā.³ Šajā ziņā nesagatavotā valdība neparedzēja, kas ar laiku no tās visa var izveidoties. "Taču, neskatoties uz to, tā (valdība) sāka šo grūto (apvienošanas) darbu, pie kam otrās šķiras darbinieki pārsniegta viļņiem uzdoto programmu un ar neizpildāmiem solījumiem (zemes piešķiršanu un atbrīvošanu no rekrūšiem) nodarīja sau-

I ЦГАОР СССР, ф.Ш отд., I экз., 1864 г., д.23, ч.86, л.52-58.

2 "Проявившиеся в то время между лифляндскими крестьянами стремления к переходу из одной церкви в другую было преимущественно возбуждено двумя совершенно чуждыми религиозным их убеждениям обстоятельствами: с одной стороны, они имели причины быть недовольными овыми отношениями с землевладельцами, и с недоверчивым нетерпением ожидали в то время лишь обещанного, а ныне уже осуществленного преобразования в устройстве их быта: с другой - распространение невежеством или неблагонамеренностью слухи об ожидавших их материальных выгодах..." (ЦГАИ СССР, ф.1203, 1859 г., д.2747. Приложение к протоколу заседания Комитета министров от 20 января 1859 г., статья 32, л.221).

3 Краткий обзор... (ЦГИА СССР, ф.908, оп. II, д.45, ч. I, л.5).

dējumus valdības politikai.¹

Jau no paša kustības sākuma valdības iestādes bija labi informētas par šīs zemnieku kustības īstenajiem cēloņiem - nenokārtotajiem agrārajiem apstākļiem, pārmērīgo ekspluatāciju no muižnieku puses utt. 1845.g. 28. septembrī Tartu (Tērbatas) apriņķa prokurora palīgs ziņoja Vidzemes guberņas prokuroram, ka, pēc zemnieku domām, no pierakstīšanās pareizticībā viņu stāvoklis nevar pasliktināties. Tas varbūt var kļūt pat labāks, bet, ja ķeizars zemi nedos, tad zemnieki negribot arī pareizticību². Arī Hildebrants 1845.g. 9.oktobrī ziņoja Žandarmu šefam grāfam Orlovam, ka zemnieki, izmantojot pareizticību, vēlas saņemt zemi³. Nedaudz emocionālāk, kā vairāk personiski ieinteresēts šajā zemnieku programmā, to pašu 1845.g. 7.oktobrī Vidzemes Žandarmu korpusa apakšpulkvedim Hildebrantam ziņoja Tartu apriņķa muižniecības priekšnieks barons Zīverss. Zīverss rakstīja, ka lielākajai daļai zemnieku, ierodoties pie pareizticīgo mācītāja uz pierakstīšanos, pirmais jautājums ir - vai klausas būs jāpilda arī pēc pārejas pareizticībā? Zīverss uzsvēra, ka zemnieki, kas pārgājuši pareizticībā, ir pilnīgi pārliecināti, ka nākamajā pavasarī viņiem nebūs vairs jāpilda klausas un, ka muižnieku zeme tiks izdalīta starp zemniekiem. Zīverss domāja, ka ar šiem pasākumiem Vidzeme ies bojā, un lūdz mieru saglabāšanai karaspēku⁴. Visai spīgti zemnieku patiesos nolūkus, ko viņi centās sasniegt ar

1 Краткий обзор..., л.5.

2 "... хуже им из того не может сделаться, чем ныне есть, а наверно лучше будет, и что те из записавшихся, которые здесь земли не получали, уже получить оную в других местах, куда государь их пошлет, а если они земли не получат, то и русской веры не хотят." (ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., IV эксп., 1845 г., д.133, л. 32-34).

3 ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., IV эксп., 1845 г., д.133, л. 52-53.

4 "Als werde mit dem neuen Jahr allen Gedorch zuhören und in Fühlir; das Land unter die Bauern vertheilt worden ... durch Auflösung allen Larie des Gedorchs und das Ordnung zu (Liefland) Grunde geht ..." (Там же, л.54-55).

pāreju pareizticībā, ģenerālgubernatoram Golovinam savos ziņojumos atklēja uz Baltiju komandētais ķeizara kamerjunktors P.Valujevs. Kādē no saviem 1845.g. pirmajiem ziņojumiem P.Valujevs rakstīja: "Zemnieku pāreja pareizticībā nav dibināta uz viņu iekšējo pārliecību un nevar būt uz to dibināta, jo zemnieki vēl nespēj šo ticību uztvert un pareizticību nemaz nepazīst." "Varbūt viena desmitā daļa satrauktās (zemnieku) masas pāriet pareizticībā, - rakstīja P.Valujevs, - pēc iekšējām neskaidrām godprātības jūtām, kuras ir radījušas mūsu (pareizticīgās) baznīcas ceremoniāla ārējais spožums." Taču galvenais pārejas cēlonis, pēc P.Valujeva domām, ir "maldīgas baumas par gaidāmajiem labumiem, kas saistīti ar pareizticības pieņemšanu". "Sauklis: "brīva zeme un brīva maize" līdz šim pārpilda viņu sarunas par nākotni!"¹ Šo domu turpināja kamerjunktors P.Valujevs ziņojumā ģenerālgubernatoram Golovinam 1845.g. 20.decembrī. Doles muižas zemnieks Jēkabs Zīle (Яков Зеле) P.Valujevam rakstīja, ka "... no 1846.gada viņš, Zīle, kalpos tikai dievam un ķeizaram, saņems zemi brīvā un bezklausu valdījumā un, ka visi, pievienojušies pie pareizticības, iegūs tādus pašus labumus kā viņš".² Kā redzams no P.Valujeva 1845.g. 21. decembra ziņojuma ģenerālgubernatoram Golovinam, arī paši pareizticīgo mācītāji, kas svaidīja ar cīņu zemniekus, nav šaubījušies par to, ka ar ticības maiņu zemnieki saista dažādas laicīgas cerības³. Ģenerālgubernators A.Golovins jau 1845.g. tika brīdināts, ka pāreja pareizticībā ir laba lieta, bet var izcelties nemieri, jo zemnieki līdz ar ticības maiņu gribēs panākt attiecību maiņu pret muitniekiem. Liela zemnieku daļa pievienojoties pareizticībai trūkuma un neiecīsamās dzīves spiesti, lai uzlabotu savu stā-

1 Рапорт камер-дикера Валуева генерал-губернатору рижскому (ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, д.85, ч.II, л.32-36).

2 Рапорт камер-дикера Валуева генерал-губернатору Головину 20 декабря 1845 г. (ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, д.85, ч.II, л.43-45).

3 Копия с рапорта господину рижскому военному и эстляндскому, курляндскому и ливонскому генерал-губернатору камер-дикера Валуева от 1845 года за № 21. (ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, д.85, ч.II, л.22).

vokli¹. Tāpēc vietējie muižnieki zemnieku pārejā pareizticībā "saskata tuvas briesmas, kas apdraud ne tikai viņu īpašumu, bet arī drošību". Vietējā vara nebūs spējīga šos nemierus apspiest. Kaut arī vairākkārt ticis brīdināts par zemnieku iestājiem nolūkiem un iespējamām nemieriem, ģenerālgubernators A. Golovins 1846. g. 25. janvārī, atbilstoši valdības programmai, paziņoja Vidzemes landrātu kolēģijai, ka zemnieki var doties pie pareizticīgo mācītājiem bez muižnieku rakstiskām atļaujām. "Valdība, - rakstīja ģenerālgubernators A. Golovins, - necieš, ka brīvu zemnieku brīvu cenšanos (pāriet pareizticībā) apspiestu muižnieku varā."² Ģenerālgubernators A. Golovins 1846. g. vasarā personiskā sarunā ar Tartu apriņķa žandarmu korpusa virsnieku S. Ščerbačevu teica, ka "ši viņu pievienošanās pareizticībai nav nekāda īpaša reliģiska tieksme, bet iezagusies kaut kāda doma un cerība uz viņu nākotnes uzlabojumiem, kad (viņi) būs vienā ticībā ar ķeizaru". Tāpēc visai dezinformējoši akan konversijas apoloģētu apgalvojumi, ka latviešu zemnieki pārgāja pareizticībā "tikai no garīgiem un svētiem pamudinājumiem", ka konversenti tiekušies tikai "pēc dvēseles miera".⁴ Patiesībā zemnieki tādējādi gribēja atbrīvoties no muižniekiem, klausām un cīnījās par zemi.

Bet varbūt P. Valujeva minētie "otrās šķiras darbinieku pasākumi, kuri pārsniedza viņiem uzdoto programmu", bija veikti tikai pēc vietējo Baltijas iestāžu ierādņu iniciatīvas, lai izkalpotos Pēterburgai, un valdība par to tiešām nekā nezināja? Kā redzams no ģenerālleitnanta Dubelta 1845. g. 9. oktobra raksta un iekšlietu ministra 1845. g. 16. novembra ziņojuma, Iekšlietu ministrija bija labi informēta par zemnieku cerībām uzlabot savu sociāli ekonomisko stāvokli ar ierakstītos pa-

1 "... другие подавленные бедствиями неурожаев и возрастающей нищеты, в безотчетном стремлении улучшить свое положение и в безотчетной надежде на будущее приступить к перемене веры" (Записка о положении дел в Дерптском уезде, представленная генерал-губернатору в 1845 году. ЦГАИ СССР, ф. 908, оп. I, д. 85, ч. П, л. 5-14).

2 ЦГАИ СССР, ф. 908, оп. 7, д. 85, ч. П, л. 48-49.

3 ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экзп., 1846 г., д. 158, л. 5-6.

4 Pommers A. Pareizticība Latvijā, 29. lpp.

reizticīgajos.

No rezolūcijām redzams, ka ar svarīgākajiem ziņojumiem no Baltijas 1845.g. un vēlāk tika iepazīstināts ķeizars Nikolajs I vai viņa prombūtnes laikā troņmantnieks, kurš aizstāvēja Baltijas vācu muižnieku privilēģijas. 1845.g. beigās pēc iepazīšanās ar "Ziņojumu par stāvokli Baltijā", kurā bija atklāti pārejas ekonomiskie cēloņi, troņmantnieks Aleksandrs tsar uzrakstīja rezolūciju "весьма любопытно"¹. Arī XIX gs. 60. gados ķeizaram Aleksandram II vairākkārt tika iesniegti ziņojumi par to, ka Vidzemes zemnieki 1845.-1846.g. pārgājuši pareizticībā, lai uzlabotu savu materiālo stāvokli². Taču valdība neatlaidīgi turējās pie uzskata, ka pareizticība ieviešana Baltijā par katru cenu. To sarunās ar vietējiem muižniekiem 1845.g. atklāti teica arī sevišķu uzdevumu ierēdnis - Rīgas pilsētas saimniecības un tirdzniecības komisijas priekšsēdētājs Hanikovs³. Viņš to bija izklāstījis tik spēcīgā formā, ka žandarmerija bija spiesta ziņot Pēterburgai. Tomēr šo Hanikova paziņojumu neviens neatsauca⁴. Apcerējuma "Īss jautājuma

1 Записка о делах в Прибалтике 1845 г. (ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., IV эксп., 1845 г., л.69-72, 145-159).

2 "... крестьяне не были увлечены религиозными убеждениями, но лишь надеждою улучшить вообще свой материальный быт. Это факт неоспоримый и после признаваемый русским духовенством" (Записка о состоянии православия в Лифляндии в 1864 году графа Бобринского, свиты его императорского величества генерал-майора. ЦГА СССР, ф.908, оп.2, д.45, л.102-103, 109-III).

3 Latvijas PSR vēsture. Rīga, 1953, 1.sēj., 449.lpp.

4 Hanikovs teica: "Несчастье было бы не велико, если бы крестьяне убили несколько дворян помещиков, правительство имеет в своем распоряжении штыки и шпицрутены для наказания виновных. Если теперешнее поклонение сделается жертвой настоящей меры, то последующие наследуют счастьем быть православными. Эдикт Нантский требовал тоже жертв: но впоследствии оказался полезным" (ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., IV эксп., 1845 г., д.133, л.91).

apokats par pareizticību Vidzemes guberņā" P.Valujevs rakstīja: "Ievērojot vienības principu reliģijas jomā, valdība sevišķi pievērsās Baltijas provincēm, kurās četrdesmito gadu sākumā, sevišķi Vidzemē, apstākļu sakrišanas un zemnieku neapmierinātības rezultātā bija izdevīga augsne pareizticības mākslīgai izplatīšanai. Tā bija kļūda, bet nav pasaulē valdības, kam nebūtu nepareiza priekšstata par dažām lietām, un tāpēc nekādā gadījumā nevajag pārnest valdībai kļūdu un radīt jaunas grūtības, bet nepieciešams tai godīgi palīdzēt izkļūt no grūtā stāvokļa."¹ Meklējot valdības kļūdainās politikas cēloņus, t.i., pareizticības mākslīgas ieviešanas atbalstīšanu, autors par galvenajiem maldinošajiem cēloņiem uzskatīja zemnieku materiālo un tikumisko stāvokli². Pareizticīgo baznīca, kā vēlāk norādīja arī ģenerālgubernators Suvorovs, patiešām izrādījās nesagatavota zemnieku uzņemšanai. Pierakstīšanai pareizticībā bija nozīmēti neizglītoti, nesagatavoti cilvēki³.

1 Краткий обзор вопроса о православии в Лифляндской губернии (ЦГИА СССР, ф.908, оп.2, д.45, ч.1, л.1).

2 "Причины эти кроются в тягостном и безвыходном положении крестьян в отношении к помещикам и в совершенном небрежении, в котором они были оставляемы пасторами своими, т.е. в материальном и нравственном быту крестьян" (ЦГИА СССР, ф.908, оп.2, д.45, л.1).

3 "Независимо от вышеупомянутого отсутствия в обрашавшихся всякого религиозного убеждения самое православное епархиальное начальство не имело еще в то время достаточных средств для принятия и, в особенности, для надлежащего назидания новых членов молодой паствы: приходы не были устроены, священники не были приготовлены, и обширные потребности присоединения поставили духовное ведомство в необходимость поручать записку желавших миропомазаться небл. гонадежным, почти безграмотным лицам и облекать в священный сан проповедника не только недостойных, но часто даже лишенных всякого понятия о догматах нашей религии лиц" (ЦГИА СССР, ф.1263. Приложение к протоколу заседания Комитета министров от 20 января 1859 г., статья 32, л.223).

Kaut arī 1842.g. un 1843.g. Pleskavas garīgais seminārs sāka mācīt latviešu un igauņu valodu un 1845.g. to beidza pareizticīgo mācītāji, kuri bija apguvuši šīs valodas un tajās izdeva dažas baznīcas grāmatas, tomēr gan šo mācītāju, gan arī grāmatu izrādījās par maz. Bez tam pareizticīgo mācītāji nebija tik labi profesionāli sagatavoti kā luterāņu mācītāji. Arī Zandarnu štāba virsnieks Hildebrants uzskatīja, ka nav veikti sagatavošanās darbi, lai realizētu plašu pāreju pareizticībā. Taču bīskaps Filarets tam nepiekrīta un enerģiski ķērās pie darba. Filaretu enerģiski atbalstīja t.s. nacionālās partijas ideologi Sinodes virsprokurors grāfs Protasova (1798.-1855.) un iekšlietu ministrs L.Perovskis¹.

Pārejai pareizticībā bija arī jau mināmi nacionālās atbrīvošanās momenti.

1845. gada 1. martā Vidzemes gubernators, balstoties uz Rīgas pareizticīgo draudzes prāvesta ziņojumu, rakstīja Baltijas ģenerālgubernatoram A.Golovinam, ka 11 luterticīgie zemnieki ieradušies minētajā pārvaldē un paziņojuši, ka viņi kopā ar savām ģimenēm vēloties pāriet pareizticībā. Taču, tā kā lūdzēji nezina krievu valodu, viņi nodomājuši griezties pie Rīgas pareizticīgo bīskapa, lai Rīgā nodibinātu baznīcu, kurā pareizticīgo dievkalpojumi notiktu latviešu valodā. Šī nolūkā minētie lūdzēji prasīja izsniegt apliecību, ka šādu lūgumu viņi iesnieguši. Ģenerālgubernators A.Golovins pēc apspriešanās ar Rīgas pareizticīgās baznīcas bīskapu Filaretu uzdeva Rīgas pareizticīgo baznīcas draudzes valdei arī izsniegt lūdzējiem tādu apliecību. Šis notikums izraisīja lielu satraukumu Vidzemes un Kurzemes muižnieku un mācītāju aprindās. Vidzemes landrātu kolēģija, Kurzemes muižnieku komiteja un Rīgas luterāniskās baznīcas valde viena pēc otras uzstājās pret latviešu pareizticīgās baznīcas nodibināšanu. Iesniegumā ģenerālgubernatoram šis iestādes norādīja, ka minētais pasākums draud radīt nemieru, sajukumu un domstarpības luterāņu baznīcā un izraisīt iedzīvotājos nemierus, līdzīgus tiem, kādi bija Višņemē 1841. gadā. Par visiem šiem apstākļiem un bažām

1 ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., I эксп., д.23, ч.86, л.50-51; Степане И.Я. Крестьянское движение в Лифляндии в 40-х годах XIX века..., с.19.

A. Golovins ziņoja Žandarmu korpusa Šefam grāfām Orlovam un iekšlietu ministram Ferovskim, izsakot šaubas, vai pareizticīgo dievkalpojuma noturēšana kādā citā, t. i., neslēvu valodā, nebūs jauninājums pareizticīgo ceremonijā un vai tas vispār var būt atļaujams. Grāfs Orlovs 1845. g. 13. martā paziņoja A. Golovinam Nikolaja I pavēli, ka "... noraidīt lūgumu par pievienošanu mūsu baznīcai, pastāvot brīvi izteiktai vēlmei, runā pretī mūsu principiēm, un ja likumā noteiktās vēlēšanās izpausmes formas ievērotas, tās nevar noraidīt". "Dibināt atsevišķu baznīcu šim nolūkam nevajag un nedrīkst, jo pareizticīgo dievkalpojums pēc likuma var notikt visās valodās un tāpēc dievkalpojumus ciltautiešiem var noturēt atsevišķi viņu valodā jau pastāvošās baznīcās; lūgumus noturēt dievkalpojumu citā valodā nav jāpieņem, vadoties pēc pilnvaras, bet gan personiski no katra, kas vēlas pievienoties." Noslēgumā grāfs Orlovs pavēlēja, ka visiem lūdzējiem būtu nekavējotī atļauta pievienoties pareizticībai un, ka visiem, kas pārgājuši pareizticībā, dievkalpojums notiktu vienā no pareizticīgo baznīcām latviešu valodā¹. Pēc Filareta pieprasījuma Sinode atļāva turpmāk pievienot latviešus un igauņus pareizticībai bez tās atļaujas². Minētā komisija vēlāk rakstīja, ka šāda "visaugstākā" atļauja pāriet pareizticībā ļoti labvēlīgi ietekmējusi Vidzemes zemniekus, "kuri jau no seniem laikiem loloja cerības uz pareizticību", bet nevarēja to iegūt Baltijā valdošo kārtu pretestības dēļ. "Visaugstākās varas aizsardzībā nu beidzot varēja netraucēti izpausties Vidzemes brīvo iedzīvotāju grāba un sekmiģi izturēt cīņu pret augstāko šķiru apspiešanas tendencēm³. Tātad konversijās pamatā bija galvenokārt sociāli ekonomiskie cēloņi un mērķi, kuru sasniegšanu stiprināja ideoloģiski (negatīvas attiecības ar kungu baznīcu, vēlēšanās baznīcās latviešu valodu) noskaņojumi. Rodas iespaids, ka valdība ne tikai klusām vien simpatizēja pārejas kustībai, bet to arī veicināja, kaut arī, kā redzēsīm vēlāk, tomēr baidījās, ka konver-

1 Записка о ходе и порядке присоединения Лифляндских крестьян к православнои церкви и о распоряжениях по этому делу во всех отношениях (ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 85, лл. 9-95, 1846-1847).

2 LCVA, 7462. f., 1. apr., 9. l., 1., 3., 4.-5. lp.

3 Записка... (ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 85, л. 95).

sija neizvērās zemnieku nemieros.

3. konversijas gaita

Masveidīga pārejas kustība Vidzemē sākās 1845. gada pavasarī. Pēc minēto 11 lūdzēju pieņemšanas pareizticībā tai sekoja citi. Līdz 1845. gada 8. maijam pareizticībā bija pārgājuši apmēram 50 cilvēki¹, bet līdz jūlijam - 600 cilvēki². Sākumā lūdzējus, kas vēlējās pāriet pareizticībā, pieņēma pats bīskaps Filarets. Nereti tos pārklaušīnāja Rīgas policijas priekšnieka Jazikova klātbūtnē. Pēc lūdzēju vēlēšanās viņus tūlīt ieskaitīja pareizticībā vai "rezervē" un ievietoja ierasties vēlreiz. Pareizticīgie mācītāji pierakstīja Rīgas pilsētas policijas ierēdņu klātbūtnē. Taču kustība 1845. g. maija mēnesī aptvēra visus Vidzemes apriņķus, kā arī Tartu un Viru apriņķus Igaunijā. Tā kā Vidzemes guberņas robežās zemnieki varēja pūrvietoties bez rakstiskām atļaujām, daļa zemnieku ieradās Rīgā, it kā lai iegūtu līdzekļus bada likvidēšanai, kas bija piemēklējis zemi iepriekšējā gadā. Citi zemnieki ieradās, lai noskatītos, kā notika pāreja pareizticībā, bet vēl citi - lai "pierakstītos ķeizara ticībā". Rezultātā Rīga bija pūrpildīta zemniekiem, kuriem nebija pasas. Lai novērstu nekārtības, ģenerālgubernators Golovins uzdeva Rīgas rātei arestēt zemniekus, kas ieradās bez pasēm, un ar guberņas valdes starpniecību nosūtīt viņus uz dzīves vietām. Tā kā daudzo zemnieku aiziešana no savām dzīves vietām vasaras darbu laikā varēja izraisīt jaunu badu nākamajā gadā, ģenerālgubernators Golovins pēc vienošanās ar pareizticīgo bīskapu Filaretu uzdeva no 1845. g. 21. jūlija līdz 1. septembrim pārtraukt zemnieku pierakstīšanu pareizticībā. Tuvojoties jaunajam pierakstīšanās termiņam 1845. gada rudenī, zemnieku kustība atkal pastiprinājās. Vidzemes guberņas žandarmu korpusa virsnieks Hildebrants 1845. g. 20. septembrī slepeni ziņoja žandarmu ģenerālim Polozovam, ka Vidzemes muižniecības konventa domē lūgt Nikolaju I pārtraukt konversiju guberņas valdības brīdināšanai par gaidāmo soli 1845. g. 25. septembrī nosūtīja beļona Bruņingka ziņojumu konventam. Turpretī ģenerālgubernators nolēma maksimāli veicī-

¹ Записка... (ЦИА СССР, ф. 1263, оп. I, д. 85, л. 95).

² ЛСВВА, 7462.ф., 80.л.; 14.лр.

³ Докладная записка Лифляндской губернии штабс-облицера канцелярии Полозову 1845 г. 20 IX (ЦИАОР СССР, ф. 109, № отд.,

nāt zemnieku pūreju pareizticībā. 1845.g. 21.augustā ar bruģa tiesu un draudzes tiesu starpniecību viņš paziņoja, ka katram zemniekam atļauts pāriet pareizticībā, ievērojot šādus noteikumus:

1. Katram zemniekam no muižas policijas izņemama pase.
2. Katram zemniekam jāpiesakās tuvākajā pareizticīgo baznīcā.

Muižas valdēm uzdeva izsniegt zemniekiem "izejas biļetes" tā, lai vienlaikus no muižas nebūtu aizgājusi vairāk nekā 1/10 darba spējīgo cilvēku.

3. "Izejas biļeti" nedrīkstēja neizsniegt un traucēt pāriet pareizticībā. Pretējā gadījumā vainīgos paredzēja sodīt kā kriminālnoziedzniekus. Ja muižnieks neizsniedz zemniekiem "izejas biļeti", viņi netiek vainoti patvaļīgā muižas atstāšanā.

4. "Izejas biļeti" zemniekam bija jāizsniedz arī tad, ja viņš atradās arestā, nogādājot pie pareizticīgo mācītēja apsardzībā¹.

Neskatoties uz pierakstīšanas punktu atvēršanu visos sešos Vidzemes apriņķos un Jēkabpils pareizticīgo baznīcā Kurzemes guberņā, zemnieku pūļi sāka virzīties uz Rīgu, pa lielākajai daļai bez "izejas biļetēm". Lai novērstu nemierus, Golovins uzdeva paziņot zemniekiem, ka pierakstīšanās var notikt tikai tuvākajā pareizticīgo baznīcā un tikai ar rakstisku muižas atļauju. Ja kāds izietu no muižas bez atļaujas vai, to saņēmi, neies uz vietējo baznīcu, viņu sodīs par kārtības neievērošanu. Paziņoja, ka zemniekiem netiek pavēlēts pāriet pareizticībā, bet netiek arī aizliegts. Personām, kas šo rīkojumu iztulkotu citādi, bija piedraudēts ar izsūtīšanu uz Sibīriju. Lai plašāk izskaidrotu, kā "noformējama" pāriešana pareizticībā, Golovins 1845.g. 10. oktobrī šos noteikumus publicēja īpašā plakātā vācu un latviešu valodā (Pielikums Nr. 1). Šo "sludināšanu" izsūtīja Rīgas, Cēsu, Valkas, Valmieras apriņķiem, bet vācu un igauņu valodā arī Pjarnu (Pērnavas), Viljandi un Arensburgas (Klingsepas) draģu tiesniešiem. Ģenerālgubernators Golovins izteica pūrliecību, ka zemniekiem nebūs nekādu grūtību "izejas biļešu" saņemšanā, jo 1/10 daļas aiziešana no muižas nevar bū-

У вкзп., 1845, д.133, л.14-23, 35-38).

1 Записка... (ЦГА СССР, ф.908, оп.1, л.85, л.96-97).

tiski traucēt darbus. Ģenerālgubernators piezīmēja, ka jautājums par konversijas cēlņiem ir "valdošās reliģijas priekšniecības apspriešanas kompetence". Tāpēc argumenti, ka zemnieki prasot "izejas biļetes" nevis aiz reliģiskiem motīviem, bet citiem apsvērumiem, nav attaisnojums, lai tos neizsniegtu. Kurzemes guberņas žandarmu virsnieks Kocebū 1845.g. 11. oktobrī slepenā ziņojumā žandarmu priekšniecībai Pēterburgā izteica neapmierinātību ar Ģenerālgubernatora uzsāktās konversijas veicināšanu administratīvā kārtā: "Visi labi domājošie cilvēki tam piekrīt, ka ticība ir sirdsapziņas lieta un visai dabiski, ka pareizticīgā valdība veicina ciltiecībnieku pievienošanos valdošajai pareizticībai, visos gadījumos, kurus tā (valdība) sasniedz nevis ar pievienojšanos iekārdošanu, bet ar patiesu vēlēšanos un pārliecību par izvēlētais ticības pārkumu. Taču šī noteikuma ievērošanu šejienes sabiedrībā visvairāk apšaubu un uzskata par neiespējamu, lai neizglītoti un rupji ļaudis, kā Vidzemes zemnieki, būtu spējīgi spriest par reliģijas dogmatiem, izvēlēties dievkalpojumu, kas notiek viņiem nesaprotamā slēvu valodā, un reliģiju, ko piekopj tauta, ne tikai atšķirīga no viņiem pēc savas izcelšanās, bet arī valodas, tikumiem un parašām."¹ Rezultātā, - rakstīja Kocebū, - reliģiskā ziņā sabiedrība negaida no šī pasākuma ne mazākā labuma, bet, gluži otrādi, baidās, ka pēkšņi savaldzinātie zemnieki neiegūs t.s. apsolīto apmierinājumu un, pārliecīties par apsolīto labumu fantastiskumu, vai nu var sacelties, vai iekrist kaitīgā bezreliģiozitātē un pakļauties kaitīgai šķēlsmei."² Kaut arī pareizticīgo baznīca nebija sagatavota zemnieku pārkristīšanai (trūka pat krustu, ko kārt kaklā pareizticīgajiem zemniekiem, par mācītājiem pūrģērba arī citus baznīcas kalpotējus, nebija telpu utt.), pareizticīgo garīdznieki, kā liecina žandarmam, neievērojot minēto Colovina rīkojumu, pat ķēra Rīgā iebraukušos zemniekus. 1845.g. 16. oktobrī Vidzemes žandarmu korpusa virsnieks Hildebrants ziņoja žandarmu Ģenerālim Polozovam - par izticīgo mācītāji pierakstot pareizticībā ne tikai tos zemniekus, kas ieradās pie viņiem šai nolūkā, bet aicinot pierakstīties arī tos zemniekus, kas bija iebraukuši Rīgā uz tirgu vai citās vajadzībās³ Savā 14. ziņo-

1 ЦГАОР СССР, ф.109, №.отд.IV экз., 1845 г., л.162, л.3.

2 Turpat, №.-4.лр.

3 "... Архиерей хватает без разбора прибывающих в Ригу по

jumā ģenerālgubernatoram Golovinam, balstoties uz pareizticī-) gās garīdzniecības datiem, P.Valujevs 1845.g. 26. oktobrī rakstīja no Tartu: "Pievienošanās (pareizticībai) notiek ātros tempos. 22. datumā pievienoti 198 cilvēki. 23. - 138, 24. - 152, 25. - 189 un šodien, 26. - 110, t.i., piecās dienās kopā 787 cilvēki."¹ Rekordu pierakstīšanā, šķiet, uzstādīja Tartu apriņķa Melna ciema baznīcas paps. 1845.g. 28. oktobrī Melnajā ciemā pareizticībā bija pierakstīts gandrīz vesels tūkstotis zemnieku². Nereti šī pierakstīšana, kā atskaitījās pareizticīgā garīdzniecība, notika, mācītājiem apbraukājot muižas³. Tātad pierakstīšana pareizticībā bija tīri kancelejskisks darbs, pārejas periodu pat no pareizticības viedokļa nevar raksturot kā "apustulisku laikmetu Latvijā", kā to darīja virspriesteris J.Jansons⁴.

Lai nodrošinātu "mieru un klusumu" un novērstu baumas par gaidāmajiem materiālajiem labumiem, kas sekošot pārejai pareizticībā, ģenerālgubernators A.Golovins izsūtīja paziņojumu; kurš pie pierakstīšanās pareizticībā pret parakstu nolāsams katram priekšā:

1. Konversīts no visas sirds vēlas atstāt luterticību un pāriet pareizticībā uz visiem laikiem.

2. Konversīts, pārejot pareizticībā, neprasa un negaida no valdības nekādus labumus un atbrīvošanu no muižnieka, bet pāriet pareizticībā tikai tāpēc, lai glābtu savu dvēseli.

3. Konversīts arī pēc pāriešanas pareizticībā tāpat kā agrāk paliek paklausīgs vietējām varas iestādēm un pilda muižniekiem klaūšas.

4. Konversīts apsolās svēti pildīt solījumu, pretējā gadījumā viņu sodīs ar visu likuma bardsību⁵.

своим надобностям крестьян и присоединяет их наскоро как ни попало (ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., IV экзп., 1845 г., д.133, л.62).

¹ ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, д.85, ч.П, л.16,

² Turpat, 35.lp.

³ LCVVA, 7462.f., 1.apr., 8.l.

⁴ Jansons J. Pareizticība pie latviešiem. - Ticība un Dzīve, Rīga, 1925, 1., 11.lpp.

⁵ Записка... (ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, д.85, л.99).

1845.g. 20.oktobrī ģenerālgubernators A.Golovins saņēma arī iekšlietu ministra Perovska rakstu, kurā, lai vairāk pārliecinātu zemniekus, ka no pārejas viņi nevar gaidīt pasaulīgus labumus, trojmantnieks Aleksandrs pavēlēja Nikolaja I vārdā publicēt izrakstu no 1845.g. 26. aprīlī "visaugstāki" apstiprinātas slepenas instrukcijas ģenerālgubernatoram:

1. Pēdējā laikā dažas Baltijas guberņas un to zemnieki sāka izteikt vēlēšanos pāriet pareizticībā. Šim apstāklim nepieciešams piegriezt sevišķu vērību, lai šādos gadījumos novērstu dažādus pārpratumus un nekārtības.

2. Jāpievērš uzmanība tam, lai pareizticīgā garīdzniecība nepielietotu piespiedu līdzekļus un cītīcībnieki varētu brīvi pievienoties pareizticībai, balstoties uz vispārējiem noteikumiem un personīgo iniciatīvu.

3. No otras puses, jāpaskaidro iedzīvotājiem un jo sevišķi muižniekiem, ka nekādai vietējai varai nav tiesību nevienam aizliegt pieņemt impērijā valdošo ticību, bet tiem, kas šādu vēlēšanos izteikuši, jāpaskaidro, ka viņi no tās nevar gaidīt nekādus pasaulīgus labumus, bet viņiem jāriņķojas pēc savas pārliecības un sirdsapziņas. Pats par sevi saprotams, ka tas, kas pārgājis pareizticībā, atsakoties no protestantiem, tiek atbrīvots no visiem pienākumiem pret protestantu baznīcu un mācītājiem, jo, iestājoties pareizticīgajā draudzē, viņam jāuzņemas visi pienākumi pret pareizticīgo baznīcu un mācītājiem, pilnībā saglabājot savus pienākumus pret muižnieku, uz kura zemes viņš dzīvo.

4. Pārejot pareizticībā, nepieņemot pilnvarotos, liekot katram runāt un darboties tikai personīgi savā vārdā.

5. Tā kā pāriešana pareizticībā ir pilnīgi atkarīga tikai no katra personīgās vēlēšanās, nepieļaut pareizticīgo garīdzniecības sūdzības pret cīttautībniekiem, kas izteikuši vēlēšanos pāriet pareizticībā, taču to nav izpildījuši, kā arī par pareizticību pārgājušo personu liekuļotām jūtēm.

6. Novērot, lai pareizticīgo baznīcu dievkalpojums gan slāvu gan vietējās valodās būtu nodrošināta visu ieinteresēto (personu) netraucēta piedalīšanās, neatkarīgi no ticības piederības.

7. Nepieļaut piespiedu un varas līdzekļus, lai noturētu vienu vai otru vietējo iedzīvotāju cītticībā, ja viņš izteiks

vēlēšanos pāriet pareizticīgajā baznīcā, Tos, kas pārgājuši pareizticībā, sargāt pret visām vajūšanām un spaidiem, novērst strīdus, kas var izcelties šādos gadījumos ģimenēs, kuru locekļi pieder pie divām dažādām ticībām un, baidot, stingri sekot, lai nevienam, kas pārgājis pareizticībā, neliegtu tās tiesības un priekšrocības, kuras, pēc sava stāvokļa, viņam bija cītībā, jo ticības maiņa neizmaina civilstāvokli¹.

Reizē ar to Nikolajs I lika paziņot, ka baumu izplatītāji, kas apgalvo, ka zemnieki, kas pāries pareizticībā, iegūs muižnieku zemes, tiks sodīti ar visu likuma bārdzību. Šo paziņojumu publicēja 1845.g. 29.oktobrī. Arī Kurzemes guberņā, kā 1845.g. 4.oktobrī rakstīja žandarmu štāba virsnieks, zemnieku vidū izplatījās baumas par labumiem, kas tos sagaida, ja tie pāries pareizticībā². Taču Kurzemes zemnieku relatīvi labākais stāvoklis (1844.g. nēraža un sekojošais bads tos nebija tik spēcīgi skāris kā Vidzemē, zemes bija labākas utt.) neradīja pienācīgu augsni pārejas kustībai. Bez tam Kurzemes gubernators lūdza, lai atļauj konversitiem ierasties guberņā Jēkabpilī, lai tur pierakstītos pareizticībā, jo varot izcelties zemnieku nemieri. To ģenerālgubernators Colovins arī aizliedza, veicinot pārejas apturēšanu Kurzemē. Tikai 1856.g. 14.janvārī Liepājas Nikolaja pārvietojamās baznīcas mācītājs A.Fasonovs slēpeni ziņoja, ka 2 luterāņu meitenes vēloties pāriet pareizticībā³. Turpretī Vidzemē konversija aptvēra arvien jaunus novadus. 1845.gada rudenī tā tālāk izplatījās Viljandi un Pjarnu apriņķī, bet jau 1846.g. jūnijā - arī Sāremā un Muhu salā. Pēc Vidzemes muižniecības sūdzības par pareizticīgo mācītājiem, kas bīstami noskaņojot zemnieku prātus pret muižnieku mantu, dzīvību un kūrta Baltijā, Nikolajs I deva rīkojumu pieņemt zemniekus pareizticībā ne citādi kā pēc zešiem mēnešiem, skaitot no pieteikšanās laika, lai zemnieki varētu labāk pārdomāt savu nolūku un pācīties jaunās ticības likumus⁴. Iekšlietu ministrs 1845.g. 8.decembrī noteica, ka pēc zemnieku pierakstīšanās līdz

1 Записка... (ЦГИА СССР, ф.908, оп. I, д.85, л.99-100).

2 О толках в Курляндии о православии 1845 (ЦГАОР СССР, ф.109, 7 отд., IV эксп., 1845 г., д.162, л.2-6).

3 LCVA, 7462.f., 1.sp., 12.1., 1.1p.

4 ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., 1864 г., д.23, ч.8, л.54.

viņa kristīšanai jāpalet vismaz 6 mēnešiem. Šo rīkojumu 1845. g. 14. decembrī paziņoja arī Sinode¹. Šāda satura patenti Vidzemē publicēja 1846. g. 4. janvārī. Tajā pašā laikā paziņoja, ka pareizticībā pārgājušo bērni (līdz 6 mēnešu vecumam) pie-skaitāmi pareizticīgajiem². Lai ieviestu lielāku kārtību kon-versitu uzskaitē, ģenerālgubernators Golovins 1846. g. 24. jan-vārī lūdza iekšlietu ministram atļauju zemnieku reģistrācijai ie-ārtot šāoru grāmatu un pēc reģistrācijas izsniegt apliecī-bu, kura jāuzrāda pareizticīgo mācītājam, lai viņš pēc 6 mēne-šiem varētu zemnieku svaidīt ar eļļu. 1846. g. 1. februārī iekš-lietu ministrs tam piekrita. Taču Sinode domāja, ka šī kārtība var traucēt konversiju un jau 1846. g. 28. februārī pieprasīja izziņu, cik pēc jaunās kārtības pārgājuši pareizticībā³.

Baumas par to, ka zemnieki reizē ar ķeizara ticību iegūs zemi un atbrīvosies no vācu muižniekiem, 1845. g. izplatījās arvien vairāk. Neapmierināti ar savu sociāli ekonomisko stāvok-li, zemnieki cerēja, ka ar ticības maiņu kaut nedaudz izmainī-sies viņu attiecības pret muižniekiem⁴. Šīs cerības veicināja konversijas slepena aģitācija. Atšķirībā no luterāņu mācītā-jiem, kas līdzīgi muižniekiem bija kungi, pareizticīgo māci-tāji "gāja tautā". Lielākā daļa laikabiedru bija pārliecināti, ka tiešo impulsu pārejas kustībai deva Pleskavas garīdzniecī-ba, kas slepeni izsūtīja savus aģentus pa Vidzemi. "Vēlāk no-riņu policija vairākkārt aizturēja sludinātājus, pašas Vidze-mes zemniekus, kas sprediķoja krogos sanākušajai tautai par pāriešanu (pareizticībā), solīja iespēju pārceļot uz silto ze-mi, bezmaksas zemes piešķiršanu, atbrīvošanu no rekrūšiem un nodokļiem utt. Šie cilvēki pēc stingras izmeklēšanas bija no-doti tiesai, bet neatzinās, ka viņi darbojušies kāda uzdevu-mā...⁵ Kā redzams no kamerjunkura P. Valujeva 1845. g. 17. ziņo-juma ģenerālgubernatoram Golovīnam, igauņu zemnieku aģitēšanā pāriet pareizticībā un saņemt zemi un brīvību apvainoti tirgo-

1 LCVA, 7462.f., 1.apr., 9.l., 8.-9. lp.

2 Turpat, 13.lp.

3 Turpat, 7.apr., 82.l., 1.lp.

4 Записки... (ЦГА СССР, ф.908, оп. I, д.85, л.105).

5 ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., I экзп., 1846 г., д.23, ч.86, л.52-53.

tājs Lazarevs un Slokas sīkpilsonis Čerņiševs. Čerņiševa vainu pierādīja 3 liecinieki, un viņu nodeva tiesai, bet Lazarevu pierādījumu trūkuma dēļ atbrīvoja¹. Kurzemes žandarmu štāba priekšnieks Kocebū 1845.g. 11. oktobrī ziņoja žandarmu ģenerālim Polozovam, ka pareizticības priekšniecība "bija nosūtījusi uz apriņķiem, kas visvairāk bija cietuši no neražām un kur vienkāršā tauta vairāk cieta badu, veiklus emisārus, kuri iekārdināja vienkāršos, izmisumu un badu cietušos iedzīvotājus, lai viņi pārietu pareizticībā, solot daudzus materiālus labumus. It kā balva par pareizticības pieņemšanu bija solīts tas zemes īpašums, kuru viņi izmanto uz līguma pamata ar muižnieku. Bija solīta bagātīga palīdzība ar pārtiku, klausu un nodokļu atvieglošana vai uz valsts rēķina izdarāma pārceļošana uz auglīgajām zemēm Dienvidkrievijā. Neviss ar lojalitāti (pret pareizticību), bet ar tādiem un līdzīgiem kārdinājumiem pareizticībai pievērsti Vidzemes iedzīvotāji, tālab viņi nomainījuši ticību."² Minētais anonīmais Baltijas muižnieks 1845.g. oktobrī rakstīja Nikolajam I: "Popi paklusām čukst zemniekiem, ka tas, kas pāries krievu ticībā, saņems zemi mūžīgā mantojumā un valdījumā, saņems skaidru naudu un atbrīvosies no muižnieka varas. Kaut kāds atkritējs Birgers, bijušais skolotājs no Tallinas, pārgājis krievu ticībā Fotija un Magnicka trakšanas laikā, kalpojot tagad pie Golovina speciāliem uzdevumiem. Braukā pa Vidzemi un paklusām atkārtoto, ko runā popi, un zemnieki paliek traki. "Pāriesim krievu ticībā un (tad) nestrādāsim kungiem, bet paši būsim kungi, dabūsim zemi!" to es dzirdēju no zemniekiem... Grāfs Protosovs sūtījis popus, kuri braukā ar pārvietojamām baznīcām, aicinot visus pārkrīstīties krievu ticībā! ... Iznāk, ka valdība ar viltību aicina mainīt ticību tāpēc, ka muļķa zemniekam nav nekādas pārliecības, bet zemi un naudu viņiem nedos."³ Popu agitācija par zemes piešķiršanu zemniekiem un citiem labumiem pēc pierakstīšanās pareizticībā sasniedza tādus apjomus, ka pat Rīgas bīskaps bija spiests izskatīt jautājumu par Liezeres mācītāja Mutovo-

1 ЦГИА СССР, ф. 908, оп. I, д. 85, ч. II, л. 18-19.

2 ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., IV экзп., 1845 г., д. 162, л. 3-4.

3 Записка о делах Остзейских губерний (ЦГИА СССР, ф. 109, III отд., IV экзп., 1845 г., д. 133, л. 150-151).

zova, Enzelmuižas mācītāja Tresinska u.c. aģitāciju¹.

Blakus t.s. "mutvārdu aģitācijai" organizēja arī "uzskatāmo aģitāciju". Lai veicinātu pareizticības ieviešanu, nosūtīja uz Baltiju vairākas kara gadījumiem domātas pārvietojamās pareizticīgo baznīcas. Izpildot trogmantinieka rīkojumu, Valkas apriņķī Alūksnes muižā, kā vienā no attālākajiem punktiem no Vidzemē toreiz pastāvošajām pareizticīgo baznīcām, b'ja jāie. Iko "pārvietojamā pareizticīgo baznīca" konversitu pieņemšanai². Muižas īpašniekam baronam Fitinghofam, aizbildinoties ar telpu trūkumu, kādu laiku izdevās izvairīties no šādas "pārvietojamās" baznīcas ierīkošanas. Taču ģenerālgubernatora 2 ierēdņi, ieradusies Alūksnē, muižā telpas beidzot "atrada". Viena no šādām baznīcām 1845.g. 31.jūlijā bija atvesta un novietota Kurzemē Skrundas muižā. 1845.g. 14.septembrī Kurzemes žandarmu štāba virsnieks ziņoja žandarmu šefam, ka muižas īpašnieks barons Firkss licis šo pārvietojamo baznīcu izsviest no telpām sētā. Žandarmērijas ģenerālis Polozovs 1845.g. 9. oktobrī atzina, ka barons Firkss apvainojis impērijā valdošo reliģiju, tāpēc viņu atzina par vainīgu un nodeva tiesai³.

Blakus "mutvārdu" un "uzskatāmajai" aģitācijai sevišķa loma pārejā bija tam, ka pareizticīgie mācītāji pieņēma zemnieku sūdzības par muižniekiem un tiesu iestādēm. Zemnieki, pārliecinājušies, ka pareizticīgo mācītāji izsaka viņiem līdzjūtību un viņu sūdzības pieraksta, saprata, ka muižnieku rīcība nav likumīga, ka pareizticīgo mācītājiem piešķirta it kā valdības funkcija. Tas veicināja zemnieku ierašanos pie pareizticīgo mācītājiem, kā arī pāreju pareizticībā. Pareizticīgo mācītāji uzklaušīja zemnieku sūdzības par muižniekiem un nosūtīja tās bīskapam. Pēc valdības pārstāvju domām, viņi pārkāpa savas tiesības un sāka kārtot muižnieku un zemnieku sociāli ekonomiskos jautājumus⁴. Kaut arī bija izdoti vairāki rīkoju-

1 LCVA, 7462.f., 1.apr., 159. un 161.l.

2 Записка... (ЦГА СССР, ф.908, оп. I, д.85, л. II3).

3 О неблагоприятных поступках курляндского дворянина Фиркса (ЦГАОР ССР, ф.109, III отд., IV экз., 1845 г., д.154, л. I, 3-4).

4 Записка... (ЦГА СССР, ф.908, оп. I, д.85, л. II3).

mi, lai pareizticīgo mācītāji neiejauktos zemnieku un muižnieku attiecībās, tomēr pilnībā novērst šādu iejaukšanos bija grūti¹. Lai sūdzības no baznīcas resora vairāk pārietu administratīvajā resorā, ģenerālgubernators 1846. g. 19. aprīlī uzdeva Rīgas pareizticīgo bīskapam Filaretam panākt, lai mācītāji zemnieku sūdzības nepieraksta. Zemnieku sūdzību vākšana Ziemeļvidzemē bija uzticēta žandarmu korpusa virsniekam Tartu. Taču Tartu pareizticīgo mācītājs Berezko savā mājā sūdzības vāca daudz citīgāk. Lai zemnieku pūļi gdatirgus laikā šai māijai nenodarītu ļaunumu, Golovins slepeni uzdeva to apsargāt². Iesniegto sūdzību skaits par muižnieku un vietējo administrācijas iestāžu rīcību sakarā ar pāreju pareizticībā nesastādīja pat procentu no visu iesniegto sūdzību skaita.

Vidzemes pareizticīgo zemnieku saraksts,
kuri sūdzējušies valdības iestādēm par apspiešanu
1845.-1848. g.³

Gads	Sūdzētēju skaits
1845	9
1846	40
1847	22
1848	18

Zemnieku sūdzību lielākā daļa joprojām bija pareizticīgo mācītājiem, kas pat pēc t. s. nacionālās partijas domām mazināja valdības un tās iestāžu autoritāti.

Konversija Vidzemē pieņēma tik plašu vērīenu, ka par to uztraucās visa valdošā šķira, ieskaitot Nikolaju I. Rezultātā par galveno vainīgo uzskatīja A. Golovinu, kuru nekavējoties atcēla.

Lai mazinātu valdībai nodarītos ideoloģiskos zaudējumus un nomierinātu vācu muižnieku uztrauktos prātus, par Baltijas

1 Tā, piem., kamerjunkturs P. Valujevs 1845. . . oktobrī nosūtīja ģenerālgubernatoram Golovinam Tartu pareizticīgo protojiera Berezko savāktas zemnieku sūdzības (ЦГИА СССР, ф. 908, оп. I, д. 185, т. II, л. 28-31).

2 LCVVA, 7462. f., 1. apr., 82. l., 12. lp.

3 ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 2, д. 45, ч. II, л. 66-69.

Ģenerālgubernatoru iecēla 1848.g. kņazu A.A.Suvorovu, kas vienmēr bija aizstāvējis vietējās muižniecības privilēģijas.

Zemnieku sūdzības par muižniekiem valdībai kļuva sevišķi bīstamas sakarā ar 1848.g. revolūcijas ideju izplatīšanos. Tāpēc A.Suvorovs 1848.g. 20. martā pilnīgi slepeni rakstīja bīskapam Filaretam nekavējoši pārtraukt sūdzību vākšanu par muižniekiem, jo tas var veicināt "kaitīgu komunistisku ideju izplatīšanos, kas vērotas uz (pastāvošās) sabiedriskās iekārtas gāšanu un īpašuma tiesību pārkāpšanu"¹. Neskatoties uz bīskapa cirkulāru, sūdzību vākšana turpinājās un valdošās šķiras acīs negatīvi ietekmēja pareizticīgo mācītāju autoritāti. Ģenerālgubernators Suvorovs 1848.g. decembra ziņojumā Nikolajam I rakstīja: "Es, apceļojot (Baltijas) novadu, ar skumjām ievēroju, ka šī cieņa (pret pareizticīgo garīdzniecību) ir satricināta ar biežām, nepamatotām sūdzībām, ar nevajadzīgu lejaukšanos svešās lietās un dažreiz arī ar likuma noteikumu neievērošanu"².

Viaženes muižnieki un mācītāji, protams, sūdzējās un darīja visu iespējamo, lai apgrūtinātu zemnieku pāreju pareizticībā. Šos pasākumus var iedalīt 3 grupās: 1) uzdeva ierēdņiem un policistiem, kas dažurēja pie pareizticīgo mācītājiem, kuri pienēma "pierakstīšanos" pareizticībā, radīt dažādus birokrātiskus šķēršļus; 2) nosūtīja zemniekus, kas gribēja pāriet pareizticībā, "atkalpārliedzināšanai" pie luterāņu mācītājiem, 3) ayspieda tos, kas "pierakstījās" pareizticībā vai gatavojās to darīt³. Sevišķi centīgs zemnieku atturēšanā no pārejas pareizticībā bija Rīgas apriņķa tiesas asesors Freimanis, kuru par šo centību nodeva tiesai. Turpretī Cēsu apriņķa V iecirkņa draudzes tiesnesis titulērpadoņnieks fon Košuls par pārejas pareizticībā veicināšanu saņēma Sv.Annas trešās pakāpes ordeni, bet Cēsu un Limbažu pilsētas valdes - Ģenerālgubernatora pateicību⁴. Arī tie ierēdņi, kas, izpildot savus dienesta pienākumus, turējās tā sakot, normas robežās, nere-

1. ЦГИА, 7462.ф., 1.ар., 319.л., 4.р.

2. Проект всеподданнейшего рапорта к представлению в СПбург. Декабря 1848(ЦГИА СССР, ф. 208, 1848 г., л.85, ч II, л.154).

3. Šie jautājumi sīki aprakstīti pareizticības aizstāvju literatūrā un pie tās sīkāk nerakavēsimies.

4. Записка... (ЦГИА СССР, ф. 208, оп. I, д. 85, л. III).

ti izturējās rupji pret konversitiem. Kā redzams no žandarmērijas ziņojumiem, Vidzemes galma tiesas priekšsēdētājs fon Leviss, kad zemnieki ieradušies pie viņa un lūguši atļauju atnākajam no Rīgas uz mājām, atbildējis, ka viņš tādas neizsniedzot, bet, ja zemnieki gribot, varot vakties prom no viņa zemes¹. Taču vācu muižnieku un ierēdņu pretdarība reti deva viņiem gaidītos rezultātus. Ģenerālmajors fon Hildebrants bija pareizi pamanījis, ka muižnieku pretestību zemnieku pārejai pareizticībā paši zemnieki uzskatīja par ieteikumu mainīt ticību. Zemnieki ienīda savus apspiedējus un darīja pretējo tam, ko lika muižnieki. "Un patiesām, - rakstīja fon Hildebrants, - muižās, kur viņu (zemnieku) došanās pie pareizticīgo bīskapa uz Rīgu traucēja, vēlāk visi pārgāja pareizticībā. Tājā pašā laikā to gudrāko muižnieku zemnieki, kuri paši aicināja zemniekus doties uz Rīgu ar šādu nolūku, pa lielākajai daļai palika luterticībā"². Daudz iespējīgāks muižnieku panākums pret pāreju pareizticībā bija sētu nomas atteikšana. 1848.g. maijā P.Valujevs rakstīja konfidenciālā vēstulē Rīgas bīskapam Filaretam: "Galvenais un gandrīz vienīgais muižnieku netaisnības veids pret pareizticīgajiem zemniekiem ir sētu nomas atteikumi"³. Taču tas, cik zemnieku šajā sakarībā izlikts no sētām - ir speciāla pētījuma uzdevums.

Valdība rīkojās pret baumu izplatīšanu un iespējamām zemnieku nemieriem. Tā kā baumas par materiālajiem labumiem, ko gūs, pārejot pareizticībā, kā zemnieku "pārvilināšanas" pasākums ar vācu muižnieku un luterāņu mācītāju palīdzību izplatījās ārzemēs, rīkojumu policijas iestādēm novērot baumu izplatītājus un nodot tiesai atzina par nepietiekamu. 1845.g. 17. novembrī ģenerālgubernators Golovins uzdeva iedalīt baumotājus divās grupēs:

1) baumu izdomātājos un izplatītājos, kuri jāuzskata par I "... что он им таковых не дает, а если они настаивают непременно в своем намерении, то могут убираться с его земли куда угодно"(ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., IV экзп., 1845 г., д.133, л.62-67).

2 Там же, I экзп., 1864 г., д.23, ч.86, л.55-56.

3 ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, д.85, ч.П, л.64-71.

kriminālnoziedzniekiem un jānodod tiesai;

2) no citiem dzirdētu baumu pārstāstītājos, kas jāuzskata par administratīviem pārkāpējjiem un jāsoda policijas iestādēm.

Laču lielāko daļu baumu izplatītāju apvainoja tikai par dzirdētu baumu pārstāstīšanu. Lai darītu galu baumām par labumiem, kas sagaidāmi pēc pāriešanas ķeizara ticībā, iekšlietu ministrs 1845.g. 8.decembrī tropmantnieka vārdā uzdeva ķert launprātīgos baumu izplatītājus un nodot tos kara tiesai¹. Nikolajs I komandēja uz Vidzemi "viņa imperatoriskās augstības svītas" ģenerālmajoru Kruzenšternu un trīs flīģeladjutantus - pulkvedi Re'nhardu, kamerjunkuru Valujevu un grāfu Tolstovu. Rīgā kā novērotājs atradās arī ķeizara svītas ģenerālis iekšlietu ministra biedrs Senjavins². Šai komisijai bija jāziņo par faktisko stāvokli Nikolajam I un launprātīgos baumu izplatītājus jānodod speciāli sastādītai kara tiesas komisijai. Tomēr uzticamības personām "neizdevās" konstatēt nevienu launprātīgu baumotāju gadījumu. Lielākā daļa bija "neuzmanīgi citur dzirdētu stāstu pārstāstītāji". Tēpēc Nikolajs I uzdeva minētajiem virsniekiem atgriezties Peterburgā. 1846.g. 31.janvārī ģenerālgubernators A.Golovins paziņoja iekšlietu ministram to oīlvēku sarakstus, kas saukti pie atbildības par baumu pārstāstīšanu. Iekšlietu ministrs to nodeva Nikolajam I. Kā redzams no iekšlietu ministra 1846.g. 14. februāra raksta, Nikolajs I 13.februārī pavēlēja ģenerālgubernatoram nodot policijas izskatīšanai visās Vidzemes tiesu iestādēs ievadītās lietas par baumu pārstāstītājiem, t.i., iedalīt tās mazsvarīgajās administratīvajās lietās. Pieņemtos tiesu spriedumus bija jānodod apstiprināšanai ģenerālgubernatoram. Visi ieslodzītie no cietumiem jāatbrīvo pret galvojumu vai jānodod policijas uzraudzībā. Ar šo rīkojumu netieši atzina, ka lietas pret baumu izplatītājiem ir luterāņu mēģinājumu un tiesnešu iedrošināšanas, lai piešķirtu konversijai zemnieku nolietu vai pat sacelšanās

1 Записка... (ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, д.85, л.106).

2 ЦГАОР СССР, ф.109, II отд., I эксп., 1864 г., д.23, ч. 86, л.54-55.

3 Записка... (ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, д.85, л.107).

nās raksturu un tā cīnītos pret pareizticības "uzvaras gājienu".

Līdzšinējā vēstures literatūrā uzsvērtā zemnieku dešanās uz Rīgu un pulcēšanās, lai "pierakstītos" pareizticībā. Kaut arī zemnieku ierašanās Rīgā bija vismasveidīgākā un atstāja vislielāko iespaidu, tomēr tā nebūt nebija vienīgā zemnieku pulcēšanās vieta. Sīkarā ar pārvietojamās baznīcas atvešanu 1845.g. jūlijā zemnieku bari bija sapulcējušies Alūksnes muižā. Sevišķi liels zemnieku pieplūdums bija 1845.g. septembrī Tartu. Tā paša ģenerālgubernatora Golovina pieļautā un bīskapa Filareta atbalstītā zemnieku pārejas kustība pareizticībā 1845.g. vasarā pieņēma draudošus apmērus. Jau 1845.g. 22.jūlijā ģenerālgubernators Golovins ziņoja žandarmu priekšniekam grāfam Orlovam, ka zemnieku masas sezonas lauku darba laikā "... bez atļaujas atstāj pašreiz tik nepieciešamos lauku darbus un bariem ierodas pilsētā"¹. Vietējām varām, tālāk rakstīja A.Golovins, vairāk neesot iespējams zemniekus savaldīt. Tāpēc viņš pieprasīja nosūtīt uz Vidzemi karaspēku kārtības nodrošināšanai. Pēc Nikolaja I rīkojuma ģenerālgubernatora rīcībā nosūtīja "viņa imperatoriskās augstības kunga tropmantinieka vārdā nosauktā atamanu kazaku pulka 1.divizionu" - aptuveni 200 kazaku. Šis divizons bija izvietots Tartu un Viru apriņķos. Tā kā divizons nespētu apspiest plašus nemierus, to vairāk izmantoja "psiholoģiskam spiedienam" un veselu gadu pārvietoja no vienas vietas uz otru. 1846.gada maijā zemnieku kustība paplašinājās Pjarnu apriņķī, bet neāudz vēlāk - Sāremā. Zemnieku pūļi saplūda apriņķa pilsētē Arensburgā (Kingisepā). Vietējā bruņu tiesa pieprasīja, lai ģenerālgubernators zemnieku nemieru apspiešanai pēc iespējas ātrāk izsūta karaspēku. Ģenerālgubernators nosūtīja 100 kazaku. Kopā ar viņiem ieradās kazaku divizona komandiera adjutants āpaksapulķvedis Lange, galma padomnieks grāfs Tolstojs un ģenerālmajors Krūzenšterns.² Viņi zemnieku pulcēšanos izskaidoja ar stipru vēlēšanos pieriet pareizticībā. "Taču, kā redzams no žandarmu ziņojumiem, sākas vēlēšanās Sāremas zemniekiem nav bijis. Sāmsalas zemnieku

¹ О движении лифляндских крестьян (ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., IV экзп., 1845 г., д.133, л.3).

² Записка... (ЦГИА СССР, ф.908, д.85, л.109).

pūlis, ieradies pie vietējā pareizticīgo mācītāja, sacīja, ka viņi negrib pārmainīt ticību, bet vēlas iegūt zemi īpašumā un vairāk nostrādāt muižniekiem. Kad pareizticīgo mācītājs pateica, ka viņam nav zemju, ko izdalīt, zemnieki aizgāja. Taču Sāmsalas "valdīšana" bija lūgusi karaspēku¹. Tā kā nekādi plašāki zemnieku nemieri neizcēlās, kazaku divīzions 1846. g. 7. oktobrī atstāja Vidzemes guberņu un devās uz Pēterburgu. Tomēr Sāmsalas muižniecība izteica bažas par zemnieku nemieru atjaunošanās iespēju ziemā, kad sala ir izolēta no sauszemes. Ģenerālgubernators Golovins deva rīkojumu "Sāmsalas muižnieku nomierināšanai" komandēt Rīgas garnizona štāba virsnieku, kas ar vietējiem spēkiem organizētu nemieru apspiešanu. Taču šāda vajadzība neradās. Tas liecina, ka muižnieki, būdami labi informēti par zemnieku naidu pret muižniekiem, pārspīlēja zemnieku "nemierīguma līmeni" un nepārtraukti sauca palīgā karaspēku. Kaut arī valdība to zināja, tē tomēr "sniedza neatliekamu palīdzību".

1845. g. 23. novembrī iekšlietu ministrs troņmentnieka uzdevumā paziņoja ģenerālgubernatoram Golovinam, lai viņš kopā ar Rīgas pareizticīgo bīskapu Filaretu un iekšlietu ministra biedru Siņavinu izstrādātu projektu Vidzemes sadalīšanai pareizticīgo draudzēs, izvēlētos pilsētas un muižas pareizticīgo baznīcu būvei un jaunu pagaidu baznīcu ierīkošanai, apspriestu jautājumu, kur un uz kādas bāzes varētu ierīkot baznīcas skolas. Rezultātā bija izvēlēti 25 punkti, kur celt pareizticīgo baznīcas, kas kopā ar guberņā pastāvošajām 9 baznīcām cietzemē veidotu 34 pareizticīgo draudzes. Līdzšinējās baznīcas pastāvēja 6 pilsētās un 3 muižās. Jaunās baznīcas bija paredzēts celt 3 pilsētās un 22 muižās. Tē bija paredzēts, ka katrā Vidzemes pilsētā pacelsies viena impērijā valdošās reliģijas baznīca². 1847. gadā jau paredzēja guberņu sadalīt 40 pareizticīgo draudzēs, no kurām 22 bija igauņu un 18 - latviešu daļā³. Bija paredzēts celt nelielas baznīcas, lai laukos tajās varētu novietoties 250, bet pilsētās 300 dievlūdzēji. 26 baznīcu celšanai valdība atvēlēja 225 186 rubļus. Sākumā baz-

1 ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экзп., 1846 г., д. 158, с. 1-3.

2 Записка... (ЦГА СССР, ф. 908, оп. I, д. 35, л. 116).

3 Turpat, 117. лр.

nīcas cēla, tā sakot, uz štru roku. Taču vairāki muižnieki protestēja pret to būvi muižu centros. Arī grāfs Šeremetjevs Vecpiebalgā pret to protestēja, par ko Golovins paziņoja Žandarmērijai¹ un tās būvi panāca. Blakus saviem tiešajiem pienākumiem pareizticīgo mācītāji slepeni veica lielu ideoloģiski politisku darbu Krievijas impērijas labā. Tā Suntužu mācītājs Sokolovskis 1851.g. 8. janvārī ziņoja bīskapam, ka "Latviešu kalendārā" esot pret grēku sūdzēšanu vērsti raksti, un lūdza šo kalendāru izņemt no apgrozības. Kaut arī to ierosināja valdībai, Iekšlietu un Izglītības ministrijas tam neatrada pamatojumu². Cēsu aprīņa Rozes mācītājs V. Oknovs ziņoja, ka Rozes zemnieki Aleksandra II kronēšanas laikā visi strādājuši, bet baznīca bijusi tukša³. Gubernas valde par to ievadīja izmeklēšanu. Bez tam mācītāji saņēma slepenu uzdevumu ietekmēt zemnieku sabiedrisko domu. Tā jau 1848. gadā bija izsūtīti slepeni cirkulāri, lai novērstu baumas par Filareta un Golovina atcelšanu⁴, par revolūciju Eiropā⁵ u.c. Valdība visumā operatīvi reaģēja uz pareizticīgo mācītāju un žandarmērijas ziņojumiem par pareizticīgajiem nodarītām pārestībām. Žandarmu apakšpulkvedis Ščerbačevs 1846.g. ziņoja, ka pareizticīgie nevienā tiesā nevar gūt atbalstu, jo tiesās sēž luterāņi⁶. Izpildot Nikolaja I rīkojumu, iekšlietu ministrs 1846.g. 24. augustā uzdeva ģenerālgubernatoram draudzēs, kur pareizticīgo skaits sastāda 25 %, izvēlēt pa vienam priekšsēdētājam, bet, ja pareizticīgo zemnieku būtu 50%, tad izvēlēt no pareizticīgajiem arī priekšsēdētājus pagasta tiesās. Lai aizsargātu pareizticīgos zemniekus no muižnieku tiesu patvaļes, valdība pēc ģenerālgubernatora Golovina lūguma

1 ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экп., 1846 г., д. 158, л. 6-7.

2 LCVVA, 7462.f., 1. лр., 243. л., 1.-4. лр.

3 Турпат, 333. л., 1. лр.

4 Турпат, 269. л., 1. лр.

5 Турпат, 319. л., 1., 6. лр.

"Ни в одном суде не находит никто из них суда и расправы! При ответе, что он православный, его выгоняют вон не говоря ни слова. Короткое решение" (О ходе православия в Лифляндии 1846 г. - ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., IV экп., 1846 г., д. 221, л. 5).

uzdeva Vidzemes guberņas prokuroram un apriņķu tiesu prokuroriem uzraudzīt zemnieku pagasta tiesas darbību. Tā kā apriņķu prokuroru pienākumi ar to ievērojami palielinājās, nodibināja apriņķa prokurora palīga amatu. Zemnieku tiesu uzraudzību atklāja 1847.g. 22.janvārī¹.

Iēc pareizticīgo baznīcu un skolu nodibināšanās arī luterāņu mācītāji sāka pievērst lielāku uzmanību zemnieku skolu ierīkošanai. Šīs skolas ievērojami konkurēja pareizticīgo baznīcas skolas, tāpēc Baltijas ģenerālgubernators Šuvalovs 1864.g. 13.decembrī konfidenciāli ierosinēja iekšlietu ministram P.Valujevam neatļaut turpmāk Vidzemē iekārtot skolas luterāņiem, tāpat kā tas pēc poļu 1863.gada sacelšanās bija aizliegts katoļu baznīcai Latgalē².

Cik latviešu un igauņu zemnieku pierakstījās pareizticībā? Šajā jautājumā neprecīzās statistikas dēļ publicēti atšķirīgi dati. Kā redzams no žandarmu apakšpulkveža Hildebranta 1847.g. 11. janvāra ziņojuma iekšlietu ministram Perovskim, gada laikā līdz 1846.g. 1.decembrim pareizticībā Vidzemes guberņā bija pārkristīti 23 195, bet vēl pieteikušies 76 000 cilvēki. Ja rēķināmka līdz 1846.g. 1.decembrim kopā ar 1845.g. bija pārkristīti 37 279 cilvēki, tad kopējais pareizticī-

1. tabula

Pareizticībā pārgājušo latviešu un igauņu skaits no 1846.g. I.I - 1846.g. I.XII³

	Latvieši	Igauni	Kopā	%
1. Pārkristīts pareizticībā	6375	16820	23 195	23,4
2. Pieteikušies pareizticībā	20000	56000	76 000	76,6
Kopā	26375	72820	99 195	100,0

bas gribētāju skaits sasniedza 113 279 cilvēkus. 1847.g. jan-

1 Записка... (ЦГА СССР, ф.908, оп.7, д.85, л.122).

2 Конфиденциальное донесение генерал-губернатора П.А.Валуеву от 13 XII 1864 года по вопросу о неразрешении лутеранам открывать приходные школы (ЦГА СССР, ф.908, оп.2, д.45, ч.П, л.71-76).

3 ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., IV экзп., 1847 г., д.221, л.20-27.

vārī pareizticībā pierakstījušos skaits strauji palielinājās. Līdz 1847.g. 1.II. pārgājuši pareizticībā un dzimuši 60 325 latvieši un igauņi, bet izteikuši vēlēšanos pāriet pareizticībā 47 022 latvieši un igauņi. Kopš 1845.-1847.g. pareizticībā pārgāja vai vēlējās pāriet ap 120 000 cilvēku. Kā redzams no ģenerālgubernatora Suvorova 1848.g. decembra ziņojuma Nikolajam I, Vidzemes gub. rīcībā bija 119 568 pareizticīgie. No 1848.g. 1.janvāra bija pierakstījušies pareizticībā 6807 cilvēki. Starp sētu saimniekiem pareizticīgo bija ievērojami mazāk nekā starp zemniekiem vispār. 1848. gada revolūcijas laikā Krievijas valdība ar vēl lielāku neuzticību sāka raudzīties uz šo zemnieku pāreju pareizticībā.

Bija izveidotas 80 draudzes, astoņās atklātas skolas. No jauna uzceltas 11 pareizticīgo baznīcas, vēl būvēja 7 baznīcas, bet vēl 8 baznīcām bija ierādīta vieta¹. Pēc tam zemnieki saprata pārejas nenozīmīgumu savu materiālo apstākļu uzlabošanā, un, kad aktīvos "pāriešanas" veicinātājus ģenerālgubernatoru Golovinu un bīskapu Filaretu 1848.g. nomainīja ģenerālgubernators kņazs Suvorovs un bīskaps Platons, bij. garīgās Akadēmijas profesors Pēterburgā², pāriešana pareizticībā samazinājās līdz 200 cilvēkiem gadā³. Par cēloņiem, kas izbeidza pierakstīšanos pareizticībā, vislabāk, šķiet, pateicis pats Baltijas ģenerālgubernators kņazs Suvorovs 1858.g. atskaitē, kur rakstīja: "Jauni pievienošanās gadījumi (pareizticībai) Baltijas guberņās izbeidzās līdz ar zemnieku pārliecināšanos, ka neuzticamo cilvēku iestāstītās baumas par materiālajiem labumiem, pārejot grieķu-krievu baznīcā, nav iespējams īstenot!"

4. Rekonversijas kustība

¹ Pirmo jaunkrīstīto pareizticīgo zemnieku aiziešana no pa-
1 Проект всеподданнейшего рапорта к представлению в СПбурт.
Декабря 1848 г. (ЦГА СССР, ф.908, 1848 г., д.85, ч.П, л.155).

² Rommers A. Pareizticība Latvijā, 40 lpp.; LCVA, 7462.f.,
1.apr., 3.1., 1.lp.

³ ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., I эксп., 1864 г., д.23, ч.86,
..55-57.

⁴ ЦГА СССР, ф.1263. Приложения к протоколу заседания Коми-
тета министров от 20 января 1859 г., статья 32, л.224-225.

2. tabula

Pareizticīgo latviešu un igauņu skaits Vidzemes guberņā no 1847.g. 1.janvāra līdz 1.februārim¹

	Latvieši		Igauni		Kopā
	vīr.	siev.	vīr.	siev.	
a) Līdz 1847.g.1.1 pārgāja pareizticībā	15037		32880		47917
b) Izteikuši vēlēšanos pāriet pareizticībā	10341		34692		45033
c) 1847.g. janvārī pārgāja pareizticībā	2764	2644	3310	3440	12408
Piedzima janvārī		116		134	
d) Izteikuši vēlēšanos pāriet pareizticībā	682	646	335	326	1989

3. tabula

Vidzemes pareizticīgo saimnieku skaits 1856.g.²

	Saimnieku kopskaits	Luterāņu saimnieki	%	Pareizticīgie saimnieki	%
Latviešu daļē	20 716	17 827	86,0	2889	14,0
Igaunu daļē	18 086	14 935	82,6	3951	18,4
Kopā	38 802	32 762	84,4	6840	16,6

1 Записка... (ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, л.85, л.103).

2 LCVVA, 214.f., 1.vgr., 327.l., 9.lp.

reizticības sākās jau 1847. gada sākumā, kad pareizticības izplatīšanās bija vēl pilnā sparā. 1847.g. 16. maijā Sinodes vīrsprokurors Protasovs konfidenciāli ziņoja Filaretam, ka 8 draudzēs vairāki zemnieki griezušies pie luterāņu mācītājiem, lai tie pārkristītu viņus atpakaļ luterticībā. Protasovs uzdeva mācītājiem iepazīstināt zemniekus ar pareizticības dogmatiem, jo citādi neesot iespējams viņus pārliecināt par pareizticības pārkumu pār luterānismu¹. Taču te bija grūtības. "Garīdzniecība nezināja vietējās valodas, - rakstīja P.Valujevs, - jauno draudžu locekļi bija izklīdēti lielā teritorijā, jo viņi nepārgāja pareizticībā veseliem ciemiem, bet atsevišķi, un, kaut arī bija uzceltas baznīcas, tās ne bija apmeklētas. Nesen pareizticībai pievienoto ļaužu materiālais stāvoklis neuzlabojās un, pārliecinājušies par viņiem sniegto solījumu neizpildāmību, sāka uzskatīt par apgrūtinājumu savu jauno stāvokli gan luterāņu iedzīvotāju, gan savu luterāņu radu vidū. Tie sāka neievērot (pareizticīgo) baznīcas rituālu, atteicās no laulības un dzīvoja cerībā rast iespēju kristīt bērnus pēc luterāņu rituāla. Beidzot viņi sāka atklāti pazīgot savu vēlēšanos no jauna atgriezties protestantismā."²

Išreja pareizticībā liecināja, ka luterāņu mācītāji nebija spējusi ieaudzināt zemniekos nekādas reliģiskas pārliecības. Lai kompensētu radušos prestiža un materiālos zaudējumus - līdz ar neiecietību - pret pareizticīgajiem, mācītāji sāka tos izolēt no sabiedrības, nepieļaujot laulības ar luterāņiem. Kuzņņikiem un saimniekiem nebija izdevīgi turēt pareizticīgos kalpus, jo pareizticīgajiem bija daudz svētku. Luterāņi bez svētdienām svētīja tikai trīs svētkus gadā (ziemsvētkus, lieldienas, vasarsvētkus), lūdzamo dienu, ticības atjaunošanas

I "... чтобы местные приходские священники употребляли все возможные старания к утверждению в догматах православия лиц, колеблющихся в оной...; ибо дело идет о ценности достоинства св. церкви и об ограждении оной от нареканий...; отнюдь не доверяя словам, не проистекающим оной от нареканий...; отнюдь не доверяя словам, не проистекающим от сердечного убеждения, которого и быть не может без познания основных начал православной веры и превосходства ее перед лютеранством (СГВВА, 7462.f., 1.apr., 281.l., 1.sp.).

2 Краткий обзор... (ЦГИА СССР, ф.908, оп.2, д.45, ч.1, л.5).

svētkus, bet pareizticīgo baznīcas svētki aizņēma 30 dienas gadā. Ja rēķina, ka Vidzemes guberņā bija 180 tūkstoši pareizticīgo, tad gadā zaudēja līdz 5 400 000 darba dienu, kas, rēķinot pa 20 kap. dienā, sastādīja ap 1 miljonu rubļu gadā. Bez tam, kā minēts, pareizticīgo mācītāji nereti iejaucās muižnieku, saimnieku un pareizticīgo kalpu attiecībās. Nevajadzīgas iejaukšanās dēļ muižnieki nelabprāt iznomāja sētas pareizticīgajiem. "Kā visa tā neizbēgamas sekas tagad izrādījās, ka ievērojams zemnieku daudzums ir pārvērties par proletariātu un kļuvis par bezpajumtniekiem. Pašreiz retam pareizticīgajam zemniekam izdodas kļūt par zemnieku sētas saimnieku (Bauer-Wirth). Zemnieki nonākuši pie pilnīgi pretējiem rezultātiem nekā viņi bija gaidījuši, pāriedami pareizticībā, t.i., cerot iegūt pastāvīgu dzīves vietu, viņi zaudēja jau esošo (dzīves vietu)."¹ "(Pareizticīgo) mācītāji... tikai novēro, lai (luterāņu) mācītāji nepievērstu atpakaļ (luterānismam) pareizticībā pārkristītos, bet par reliģisko audzināšanu nevar būt ne runas, tāpēc, ka no (pareizticīgo) mācītājiem reti kāds zina vietējo valodu."² Zināma nozīme zemnieku "aiziešanā" no pareizticības bija arī pareizticīgo mācītāju zemajam izglītības līmenim un nereti nepiemērotajai morālajai stājai. Kā redzams no Rīgas bīskapa arhīva materiāliem, starp pareizticīgo mācītājiem bija hroniski alkoholiķi, zaģļi, svešu sievu pavedēji, kaušļi, naudas nelikumīgi piesavinātāji utt.³ Taču novērsšanās pamatā bija sociāli ekonomiskie apstākļi. Kaut arī vietējās pārvaldes iestādes par to nerunā, "... patiesībā trūkums spiež zemniekus izteikt vēlēšanos atgriezties protestantismā, jo viņi pārliecinājās par to, ka pareizticības pieņemšanas rezultātā viņi zaudēja savu materiālo labklājību, tātad, lai to atkal iegūtu, viņiem neatliek cita līdzekļa, kā atkal kļūt protestantiem."⁴ Sevišķi asi pret "erakstīšanos" pareizticībā protestēja latviešu pareizticīgā jaunatne, norādot, ka viņu vecākiem nav bijis tiesī-

1 Краткий обзор... (ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 2, л. 45, ч. I, л. 7).

2 Turpat, 11. apr., 45. l., l. d., 9. lp.

3 LCVVA, 7462. f., 1. apr., 372., 378., 379., 381., 387. u.c. lietas.

4 Краткий обзор... (ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 2, л. 45, ч. I, л. 7).

bu bērniībā rīkoties viņu vārdā. Zināma loma bija arī senajām luterānisma tradīcijām. "Jau pirmajos gados pēc vienas daļas Vidzemes lauku protestantu iedzīvotāju pievienošanās pareizticībā daudzi no jauna pievērstie steigās atgriezties agrākajā ticībā. Tie praksē pārliecinājās, ka ne ar prātu, ne ar sirdi nejut līdzī jaunajai ticībai un ka nav iespējams uzreiz ar varu atteikties no kaut cik ierastās un "vieglākās" luterticības. Mēģinājumi saglabāt luterticības ierašas izraisīja garīgās un laicīgās varas pretdarbību, kas pārliecināja jaunatgrieztos, ka viņu pievienošanās pareizticībai būs aizsargāta. Nepieciešamības gadījumā - ar stingriem pasākumiem. "Pasīvās pretestības gadījumi pareizticīgās baznīcas prasībām acīmredzami vajrojās un izraisīja pagastu un apriņķu policijas varas piespiedu pasākumus, lai panāktu jaunatgrieztos pildīt kaut vai tikai ārējos baznīcas pienākumus, - rakstīja P.Valujevs¹. No bērnu kristīšanas pareizticīgo baznīcā zemnieki "... centās izvairīties ar t.s. steigas kristību palīdzību, ko veica laicīgas personas. Redzot, ka ar šo pagēmienu nevar ne paši izvairīties no soda, ne izglābt savus bērnus no svaidīšanas ar eļļu, viņi sāka piekopt paradumu dzīvot (ģimenēs) bez laulības, lai tikai izvairītos no (baznīcas) laulībās nepieciešamajiem parakstiem un svētā sakramenta pareizticīgajā baznīcā"².

Lai piesaistītu pareizticīgos, jau 1849.g. 31.decembrī Rīgas pareizticīgo bīskaps Platons slepeni lūdza valdību pišķirt zemi pareizticīgajiem zemniekiem no Vidzemes kroņa muižām. Oficiāls lēmums gan bija pareizticīgo izlikšana no sētām, taču, proporcionāli pārējiem, izlikto nebija vairāk kā luterāņu. Tāpēc patiesībā šeit izpildīja tās zemnieku vēlēšanās, ko viņi izteica, ierakstoties pareizticībā. P.Valujevs savā 1850.g. 6. janvāra slepenajā vēstulē atbalstīja pareizticīgo zemnieku stāvokļa uzlabošanu un ieteica to darīt zināmu Pēterburgā Valsts Ipašumu ministram grāfam P.Kiseļovam. P.Valujevs savā vēstulē norādīja, ka Vidzemē no sētām izliek ne tikai pareizticīgos, taču viņš nenoliedza muižnieku naidu pret pareizticīgajiem.

"Sētu atteikšana, rakstīja P.Valujevs, - ir aizsargāta ar

¹ ЦИГА СССР, ф.908, оп.2, л.45, л.36-37.

² Turpat, 37.-38.lp.

pozitīviem likumiem, un tāpēc diez vai var (to) pieskaitīt pie atklātu pārkāpumu kategorijas."¹ Taču P.Valujevs domāja, ka nebūtu visai pareizi muižnieku izliktos pareizticīgos zemiņus izvietot Vidzemes kroņa muižās. Līdz ar to valdība oficiāli atzītu pareizticīgo apspiešanu Baltijā un, otrkārt, pārādītu savu bezspēcību veikt t'ēsus pasākumus, to vietā izpaļdzoties ar aplinkiem. "Viena daļa vietējo iedzīvotāju šajos pasākumos redzētu tikai apbalvojumu un oficiālu apbalvojuma solījumu par ticības maiņu." Tāpēc visi privātie zemieki mēģinātu atteikties no savām mājām un dabūt kroņa zemi.²

Tā kā pareizticīgo zemnieku stāvokli uzlabot neizdevās, zemnieku atgriešanās luterticībā turpinājās. "Vairāk nekā gads atpakaļ, - rakstīja kāds anonīms autors, - it sevišķi no šīs (Ziemeļrietumu Vidzemes) daļas, kā arī no citām guberņas daļām, pie Baltijas Ģenerālgubernatora un pie Vidzemes gubernatora viena pēc otras sāka ierasties zemnieku deputācijas ar vāspārliecinošā, ucinājumu lūgt viņa imperatorisko augstību (Nikolaju I) atbrīvot viņus no savas sirdsapziņas pārmatumiem. Visizkustinošākajos vārdos tie aprakstīja kvēlo vēlēšanos atgriezties pie savu senču ticības un baznīcas... Garīgo un laicīgo varu draudi un sodi satracināja iedzīvotājus, sēja naidu pret baznīcu un tās kalpotājiem un bieži radīja nožēlojamas sadursmes ar laicīgo priekšniecību. Jaunatgrieztos lielākās daļas stāvoklis bija pats nožēlojamākais. Grūt-sirdība viņiem seko visur; laulības noslēgšanā, jaunpiedzimūšā kristībā, samierinoties ar to kungu svētajā sakramentā, pat liktenīgā nāves stunda - ar vārdu sakot, katrs notikums dzīvē, ko apsvēti baznīca, viņu dvēselē rada iedzīgu, bet līdz šim veltu tieksmi atbrīvoties, garīgas mokas un bezcerīgu iznīcību."³ Tāpēc jau 1851. gadā Baltijas Ģenerālgubernatora kņazs Suvorovs iesniedza Svētākās Sinodes virsprokuratoram sevišķu noteikumu projektu 1: tu izskatīšana' par Vidzemes zemnieku atgriešanos luterticībā. Taču Sinode šos priekšlikumus noraidīja. 1856.gadā kņazs Suvorovs iesniedza Sinodei

1 Секретное письмо П. Валуева Платону, епископу Рижскому 1850 г. (ЦГАИ СССР, ф. 908, оп. ..., д. 85, ч. I, л. 227-228).

2 Там же, л. 229.

3 Там же, оп. I, д. 45, л. 38-39.

priekšlikumu izskatīt jautājumu - vai steigā un nekompetentu cilvēku 1845.-1847.g. rakstītās pareizticīgo metrikas var uzskatīt par Istiem dokumentiem. Tomēr Svētākā Sinode atzina, ka "guberņas priekšniecības uzdevums ir rosināt tos, kas izvairās no pareizticīgo baznīcas, izpildīt savus garīgos pienākumus"¹. Lai novērstu to, ka zemnieki, kas pierakstīti pareizticībai, bet sevi par pareizticīgajiem neuzskata un tiek izsaukti uz simtiem kilometru tālo garīgo konsistoriju "atkalpārliecināšanai", tādējādi ceļā tērējot daudz darba laika, un patiesībā dzīvo, nepiederot nevienai reliģijai, ģenerālgubernators Suvorovs ierosināja: 1) tiesas ceļā pārbaudīt baznīcas metriku pareizību, 2) līdz lietas galīgai izskatīšanai atcelt no pareizticīgās baznīcas atteikušos "atkalpārliecināšanu", 3) atļaut līdz tiesas spriedumam no pareizticības atteikušajiem izpildīt luterāņu kulta prasības². Tomēr Svētākā Sinode neļāva apšaubīt pareizticīgās baznīcas metrikas un apmeklēt luterāņu dievkalpojumus, uzdeva turpināt "atkalpārliecināšanu". Taču "novērsušos" skaits no pareizticības arvien pieauga. 1857.g. 7.jūnijā pēc Aleksandra II ierosinājuma Pēterburgā notika iekšlietu ministra, žandarmu ģenerāļa, Rīgas arhibīskapa un Sinodes virsprokurora apspriede par vidzemnieku "izvairīšanos" no pareizticības. Šajā apspriedē atainā par kļūdu Baltijas ģenerālgubernatora piekrišanu izskatīt 98 zemnieku vēlēšanos atgriezties luterticībā bez iepriekšējās viņu "pārliecināšanas" par pareizticības priekšrocībām. Komisija atzina, ka sūdzības par nepareizu "pievienošanu" pareizticībai jāizskata nevis laicīgajai administrācijai, bet gan pareizticīgo baznīcai. 1858.g. 4.jūnijā "Valdošais Senats" bez saskaņošanas ar Sinodi publicēja ukazu, kurā uzdots, noskaidrojot piederību pareizticībai, nebalstīties tikai uz vienu ierakstu grāmatās, bet pārbaudīt, vai minētajiem zemniekiem patiešām notikusi svaidīšana ar ellu³.

Vidzemes muižnieki un mācītāji, protams, uzstājās par zemnieku tiesībām "novērsties" no pareizticības⁴. Pret ķeizari

1 ЦГИА СССР, ф.1263, оп.1, 185 г., д.274, л.289.
2 ЦГИА СССР, ф.1263, Приложение к протоколу заседания Комитета министров от 20 января 1859 г., статья 32, л.234.

3 ЦГИА СССР, ф.1263, оп.1, д.2748, л.289-291.

4 Darlegung einiger Fragen in betreff zur Rechtgläubigkeit hergetretener Bauern in Livland 1858. 11.I(LGVVA,214.f., 1.apr.,327.1.,1.-6.lp.).

ra Aleksandra II 1858.g. marta rīkojumu, ka jaukto laulību bērni obligāti kristāmi pareizticībā, muižnieki 1861.g. 23. martā atbildēja ar iesniegumu ķeizaram par reliģijas brīvību Baltijā¹. Iesniedza arī plašus traktātus par XVII gs. luteritībai piešķirtajām līdzīgajām tiesībām ar visām citām reliģijām. Baltijas ģenerālgubernators kņazs Suvorovs savā "vispadevīgāka" ziņojumā par stāvokli guberņā 1858.g. rakstīja, ka Vidzemē izcēlušās neskaidrības par 98 zemnieku ticības piederību. 42 zemniekus arhibīskaps Platons jau izslēdzis no pareizticības, bet vēl 56 zemnieki, kas ierakstīti pareizticīgo sarakstos 1845. un 1847. gadā, lūdzot tos izslēgt no sarakstiem, jo viņi esot neareizi un ne pēc pašu gribas ierakstīti konversītos. Iekšlietu ministrs S. Lanskojs 1859.g. 12. janvārī par to ziņoja Ministru komitejai un lūdza ātrāk izlemt šo jautājumu, jo no 56 lūdzējiem 3 jau nomiruši, patiesībā nepiederot nevienai ticībai². Sinodes virsprokurors grāfs Tolstojs šajā sakarā iesniedza Ministru komitejai paskaidrojumu, kurā ieteica noraidīt kņaza Suvorova priekšlikumu ieviest Vidzemē speciālus noteikumus lietvedībai - attiecīga jautājuma izskatīšanai par pareizticīgo pārlešanu luteritībā, jo tāds priekšlikums, kas atļautu Vidzemē pāriet no pareizticības luteritībā, nav savienojams ar pareizticīgo baznīcas pamatlīkumiem. Ģenerālgubernatora Suvorova ieteikums "praksē pats pa sevi nenovēršami izraisītu īstenajai ticībai nelabvēlīgas sekas un nedaudzu izcēlušos strīdu vietā to skaitu tikai vēl palielinātu. Bez tam visā im. Trijā spēkā esošajiem likumiem jāpaliek spēkā arī par pareizticīgo baznīcu Vidzemē. Tāpēc Svētākās Sinodes virsprokurors grāfs Tolstojs ieteica visu atstāt pa vecam, t.i., neļaut nevienam izstāties no pareizticības³. Ministru komiteja 1859.g. 20. janvāra sēdē nolēma lūgt

1 Турпат, 19.-25., 47.-51. лр.

2 ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. I, 1859 г., д. 2748, л. 277-279.

3 "... не изменяя общих законов о порядке производства дел по уклонению от православия, оставить их в силе и для Лифляндии по прежнему нерушимо". Относительно порядка производства в Лифляндии дел об уклоняющихся от православия. ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. I, 1859 г., д. 2743, л. 292).

Rīgas arhibīskapam Platonam un Sinodes virsprokuroram grāfam Tolstojam pasteidzināt jautājuma izskatīšanu par 53 personu atteikšanos no pareizticības¹. Taču Ministru Komiteja principā nespēja izlemt šo jautājumu. Rezultātā faktiskā "novēršanās" no pareizticības turpinājās, jo sevišķi tas notika, pareizticīgajiem kalpiem mainot darba vietas, kļūstot par rūpniecības strādniekiem, pārejot uz dzīvi pilsētās. Pēc ģenerālgubernatora barona Līvena datiem, XIX gs. 60. gadu sākumā no pareizticības bija "novērsušies" 15 000 cilvēki, turpretī arhibīskaps Platons apgalvoja, ka no "Istās ticības" aizgājuši tikai 1000 cilvēku². Spriežot pēc žandarmērijas ziņojumiem un pat pēc A. Pommera aprēķina (30 000)³, patiesībai tuvāks bija nevis arhibīskaps, bet gan ģenerālgubernators. 1864.g. 17. oktobrī Vidzemes žandarmu priekšnieks fon Hildebrants slepeni ziņoja žandarmu šefam kņazam V. Dolgorukovam par "neatļaidīgu vairāku tūkstošu zemnieku (galvenokārt Vidzemes guberņas igauņu iedzīvotāju) atteikšanos izpildīt pareizticības pienākumus. Ticības, kurā viņi no protestantisma pārgāja brīvpriētīgi (1845.-1847.gadā). To, taisnību sakot, var nosaukt par pašu svarīgāko, pārstēdzīvāko notikumu, kas izraisīja dažādas baumas publikā un pievērsā sev augstākās valdības uzmanību. Publiski un

I "Комитет, имея ввиду, что в настоящее время остаются неразрешенными просьбы только пятьдесят трех лиц об отставании их в протестантском вероисповедании, полагает, что предоставить обер-прокурору святейшего синода сообщить преосвященному архиепископу Платону, что вашему императорскому величеству угодно, чтобы просьбы означенных 53-х лиц были разрешены в возможно скорейшем времени и ему, генерал-лейтенанту графу Толстому, оказать с его стороны содействие к окончанию этих дел" (ЦГАИ СССР, ф. 1263, Приложение к протоколу заседания Комитета министров от 20 января 1859 г., статья, 32, л. 220).

2 ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экзп., 1864 г., л. 23, ч. 86, л. 57-60.

3 Pommer A. Pareizticība Latvijā..., 43.lpp.

negrozāmi paziņojot vēlēšanos atgriezties savā agrākajā ticībā, neklausot ne pārliecināšanai, ne likumam, kas aizliedz atkāpties no pareizticības, viņi (zemnieki) vairāk neiet baznīcā un neizpilda nekādus kristīgo rituālus. Jaunpiedzimašie paliek nekristīti, mirušie tiek apbedīti bez garīdzniecības un laulības nenotiek pēc baznīcas likumiem. Ar vienu vārdu sakot, no tāda neparasta un līdz ar to beztikumiska stāvokļa var izveidoties sevišķa un, jau no jaunā pieredze vien redzams, kaitīga sekste.¹ Blakus faktiskajai zemnieku aiziešanai no pareizticības turpinājās arī viņu cīņa, lai panāktu juridisku "atvienošanu". 1864.g. 13. decembrī Baltijas Ģenerālgubernators konfidenciāli paziņoja iekšlietu ministram I.Valujevam, ka atkal 94 Vidzemes zemnieki iesnieguši lūgumus pārskaitīt tos no pareizticības luterticībā².

Grāfa Bobrinska revīzijas Vidzemē 1864.gadā atzina, ka no 140 000 pareizticīgajiem tikai viena desmitdaļa (ap 14000) atzīst sevi par pareizticīgajiem, bet pārējie uzskata sevi par valdības apkrāptiem. Sinode neapmierinājās ar šo ziņojumu un uzdeva arhibīskapam Platonam doties inspekcijas braucienā, lai iepazītos ar pareizticīgo zemnieku sūdzībām pret muižniekiem un pareizticīgo mācītājiem un personiski ietekmētu, pārliecinātu zemniekus "nētkāpties" no pareizticības. Rīgas un Jelgavas pareizticīgo arhibīskaps Platons 1864.g. triju mēnešu braucienā personiski apmeklēja visus Vidzemes pareizticīgo draudzes³. Kā redzams no paša Platona atskaites, savā inspekcijas braucienā viņš apmeklēja 78 latviešu un igauņu pareizticīgās baznīcas. Zemnieku stāvoklis bija grūts. Savā atskaitē Platons rakstīja, ka "...igauņu un latviešu baznīcu draudžu locekļi Rīgas epārhijā pa lielākajai daļai ir patērīgi zemnieki, kuriem tik tikko pietiek dienlīdzīgas maizes".⁴ Platons I "Записка генерал-майора фон Гильдебранта о нынешнем положении дел в Лифляндии" (ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., I экзп., 1863, д.23, ч.86, л.49).

2 ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, д.45, ч.П, л.63.

3 Извлечение из донесения ордунгсгерихтов Рижского, Вольмарского, Пярнауского и других о поездке по епархии архиепископа Рижского и Митавского его архипреосвященства Платона 1864 (ЦГИА СССР, ф.908, оп.2, л.45, л.59-85).

4 Отчет Рижского архиепископа Платона об обозрении Рижской епархии в 1864 г. (ЦГИА СССР, ф.908, оп.2, д.16, л.2).

bija spiests atzīt, ka pareizticīgie zemnieki vēlas pāriet no pareizticības luterānismā. Taču arī luterānismam viņi nepieķeroties ar sirdi, bet tikai pēc veca paraduma. Arhibīskaps atzina, ka galvenais pārejas cēlonis pareizticībā bija nenokārtotais agrārais jautājums. Pareizticīgais zemnieks kādā Sāremā (Sāmsalas) baznīcā stāstījis Platonam, ka gribot pāriet luterticībā aiz mīļcūības uz šo ticību, bet, izgājis no baznīcas, citiem zemniekiem teicis: "Ja man dotu zemi, tad es ar prieku būtu gatavs kļūt par ebreju vai turku (ticības piekritēju)."¹ Visi zemnieki vienbalsīgi lūdza Platonu lūgt ķeizaru Aleksandru II, lai tas "dotu viņiem kaut nedaudz zemes īpašumā, lai viņi nebūtu spiesti pāriet no vienas vietas uz otru un nebūtu atkarīgi no muižniekiem". Taču Platons savā ziņojumā pārmeta zemniekiem, ka viņi ar savām pretenzijām gaidījuši 18 gadus, kāpēc viņi šo prasību neizteica "tūlīt pēc tam, kad redzēja, ka viņiem nedod tos labumus, kuru dēļ viņi, pēc pašu apgalvojuma, pārgāja pareizticībā".² Platons konstatēja, ka Vidzemes guberņā darbojas 108 draudzes un 211 palīgskolas. Pēdējās parasti bija vairāk pareizticīgo mācītāju "konsultāciju punkti", un bērni tās apmeklēja pa svētdienām.

4. tabula

Pareizticīgās baznīcas vadībā Vidzemē 1864. g. mācījās

	Zēni	Meitenes
Skolās	5 843	4 853
Mājmācībā	5 183	5 160
Kopā	11 026	10 013

1 "Один православный, сильно уверявший меня в церкви из о. Эзеле, что он желает перейти в лютеранство по любви к этому исповеданию, вышедши из церкви, говорил другим крестьянам:

"Если бы мне дали землю, то я за нее охотно готов сделаться кидом или турком". (Отчет Рижского архиепископа Платона об обозрении Рижской епархии в 1854 г. ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 2, д. 10, л. 18).

2 Отчет Рижского архиепископа Платона об обозрении Рижской епархии в 1864 г. (ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 2, д. 16, л. 15).

Kaut arī pareizticības vadībā mācījās 21 039 bērni, Platons bija spiests atzīt, ka latviešu mācību grāmatu nav, tāpēc skolēni lieto grāmatas rokkrastā. Trūka skolotāju, tāpēc skolotāja amats tika uzdots mazizglītotiem zemniekiem. Pareizticīgo draudzes skolas izvietotas mazās zemnieku istabīgās, taču "(luter ticīgie) muižnieki, neskatoties uz vietējo (pareizticīgo) garīdznieku lūgumiem, neatļauj iekārtot pareizticīgās baznīcas viņu muižās un izslēdz piešķirt telpas šīm (pareizticīgo) skolām zemnieku nomāšanās sētās",¹ Pēc revīzijas līdzās zemes piešķiršanai zemniekiem Platons izvirzīja valdībai priekšlikumu arī par pareizticīgo skolu stāvokļa uzlabošanu. Šī raksta pielikumā Nr. 3 - Platona iesniegto sūdzību sarakstā, izņemot sūdzības Nr. 11, 12, 15 par pareizticības izsmiešanu un jauktu laulību noslēgšanas traucēšanu, visi pārējie 14 sūdzību punkti bija sociāli ekonomiskas dabas. Pareizticīgie zemnieki sūdzējās par lielajām nomas naudām, zemajām darbspēka cenām, neizdevīgajiem kontraktiem u.c. saimnieciskiem jautājumiem. Arī zemnieku iesniegtie lūgumi pielīdzināt tos kroņa zemniekiem, piešķirt zemi kroņa muižās, ziņot Aleksandram II par viņu grūto stāvokli utt., izņemot lūgumu Nr. 6 (atdalīt teritoriāli pareizticīgos no luterāņiem) un Nr. 14 (kārtot lietvedību pagasta tiesās latviešu un igauņu valodās), bija ekonomiskas dabas². Tas liecina, ka arī arhitekapsam uzticīgie zemnieki, cik spējami, centās izkārtot pareizticību savā sociāli ekonomiskā stāvokļa uzlabošanai. Tāpēc Vidzemes gubernators Etingens bija tuvu patiesībai, kad rakstīja, ka Platona brauciens izvērtās par "ārķārtīgi bīstamu agrārpolitisku masināšanu". Te jāpiezīvē, ka patiesībā arhitekaps zemnieku sūdzības neievēroja, bet pasludza tās Aleksandram II savā ieskatā. Tā Platons ieteica pastiprināt krievu valodas mācīšanu zemnieku skolās, taču ne vārda neminēja par zemnieku vairākkārt izteiktajiem lūgumiem kārtot tiesās lietvedību lat-

1 Отчет Рижского архиепископа Платона об обозрении Рижской епархии в 1864 г. (ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 2, д. 16, л. 8).

2 Перечень жалоб и просьб, принесенных православными крестьянами Лифляндской губернии Рижскому архиепископу при обозрении епархии в 1864 году (ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 2, д. 45, л. 40-42).

viešu un igauņu valodās.

Lai novērstu pareizticīgo aiziešanu un pastiprinātu valdības pozīcijas Baltijā, kā tas redzams no žandarmērijas ziņojumiem, 1865.g. no amata atcēla Baltijas ģenerālgubernatoru kņazu Līvenu. Vietējā žandarmērija raksturoja viņu kā faktisku luterānisma un vāciešu aizstāvi. Pēc kņaza Suvorova aiziešanas 1864.g. zemnieku "bēgšana" no pareizticības bija pastiprinājusies. To pierakstīja Līvenam kā vācu cilmes ģenerālgubernatoram. Vidzemes guberņas žandarmu korpusa apskāpulkvedis Andrejanova 1865.g. 3. I ziņoja žandarmu šefam kņazam Dolgorukovam, ka grāfa Suvalova iecelšanu par ģenerālgubernatoru Vidzemes krievu muižnieki un buržuāzija esot uzpēmusi ar sajūsmu¹. 1865.g. 19. I apakšpulkvedis Andrejanova ziņoja par jūsmīgo jaunā ģenerālgubernatora sagaidīšanu. Visi esot ļoti laimīgi. Taču Andrejanovs ieteica atbrīvot no amata ģenerālgubernatora kancelarijas pārvaldnieku liberālo Tидебелу un policijas priekšnieku Грина². Neskatoties uz to, zemnieku cenšanās atbrīvoties no pareizticības, kā redzams no žandarmu apakšpulkveža Andrejanova 1865.g. 24. februāra slepena ziņojuma žandarmu priekšniekam kņazam Dolgorukovam par viņa braucienu pa guberņu, arvien turpinājās. Andrejanova rakstīja, ka zemnieku materiālais un reliģiskais stāvoklis Valkas apriņķī ir slikts.

"Pareizticīgo zemnieku novēršanās no ticības palielinās. mūsu (pareizticīgo) mācītāji pret to ir pilnīgi bezspēcīgi, vēlēšanās pāriet luterānismā ar katru dienu nostiprinās, bet zemniekiem vēl nav pietiekami daudz drosmes savu vēlēšanos paziņot publiski."³ Turpretī zēremas zemnieki šajās ziņās tikusi šķīst, jo viņi visi vēloties pāriet luterānismā un tāpēc gatavojot deputāciju⁴. Lai palielinātu pareizticīgo mācītāju

1 "Назначение графа Сувалова генерал-губернатором на месте Ливена русское население губернии встретило с радостью" (О сведениях, поступающих по разным предметам из губернии Лифляндской губерния 3. III-13. XII 1865г. ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I эксп., д. 40, ч. 21, л. 1).

2 "Все очень рады. Публика желает увольнения правителя канцелярии Тидебель и полицмейстера Грина" (ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I эксп., 1865 г., д. 40, ч. 21, л. 2-3).

3 ЦГА СССР, ф. 109, III отд., I эксп., 1865 г., д. 40, ч. 21, л. 6.

4 Турпат, 7. лр.

lomu latviešu un igauņu zemnieku vidū, P.Valujevs jau citētā-
jā "Īsajā pareizticības jautājuma apskatē Vidzemes guberņā"
ieteica koncentrēt pareizticīgos zemiņkus vienveidīgā masā,
pārceļot tos no kroņa zemēm uz Pleskavas guberņas pierobežu,
kur dzīvoja pareizticīgie, vai arī uz Peļpusa ezera igauņu
piekrasti. Kad 1866.g. par Krievijas impērijas iekšlietu mi-
nistru kļuva P.Valujevs, šis jautājums ieguva "visaugstāko",
t.i., Aleksandra II apstiprinājumu. Nodibināja speciālu sle-
penu komisiju, kas apsprieda jautājumu par latviešu un igau-
ņu pareizticīgo zemnieku koncentrēšanu ap baznīcām un zemes
piešķiršanu viņiem. Komisija noturēja daudzas sēdes, pierak-
stīja daudz papīra, taču jautājumu neatrisināja¹. Latviešu zem-
nieku kustība par "izeju no pareizticības" turpinājās. 1869.g.
13.jūlijā žandarmu pulkvedis Andrejanovs par to atkal zi-
ņoja žandarmu šefam Dolgorukovam². Tā paša gada 11. septembrī
Aleksandru II sasniedza daudz konkrētāks žandarmērijas ziņo-
jums. Nītaures latvieši esot "horunājuši sagraut vietējo Nītau-
res pareizticīgo baznīcu". Uz šī ziņojuma Aleksandrs II uzli-
ka rezolūciju "Не дай Бог" un deva rīkojumu to nekādā ziņā
nepieļaut³.

T.s. nacionālā partija, pie kuras piederēja arī Valujevs,
tagad kritizēja pašas ieteikto un XIX gs. 40. gados atbalstī-
to pareizticības "ieviešanu" Baltijā. Šim nolūkam Valujevs ta-
gad ieteica krievu tautības iedzīvotāju iepludināšanu Baltijas
pilsētās un laukos, kā piemēru šeit norādot Ingermanlandes ko-
lonizēšanu 150 gados. P.Valujevs rakstīja, ka Tartu un Rīgā
jau ir ievērojami krievu elementa iedzīvi, kas līdz ar zatik-
smes un tirdzniecības interešu pieaugumu pastāvīgi palielinās.
Pie visa tā tomēr nepieciešams, lai valdība modri sekotu ārzem-
niekiem, vācu elementiem, kas nostiprinājušies Baltijas provin-
cēs⁴, un nepieļautu viņiem apriest slāvu elementus. No šī vie-

1 Бумаги по высочайше утвержденному особому совещанию (1866 г.) о сосредоточении жств и латышей около церквей (Государственная публичная библиотека им.Самойлова-Шедрина, рукописный отдел, 1896 г., №-38 ч.).

2 О положении Лифляндской губернии в нравственном и материальном отношении (ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., I эксп., 1869 г., д.5, ч.2, л.23-27).

3 ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., I эксп., 1869 г., д.5, ч.2, л.33.

4 Краткий обзор... (ЦГИА СССР, ф.908, оп. II, д.45, ч. I, л. II).

dokļa P.Valujevs ieteica valdībai stingri stāties pretī vācu zemnieku kolonizācijas pasākumiem, cerot izveidot vācu zemnieku kārtu ar zemes īpašumu Baltijā. "Virzienam uz ģermānismu un separātismu (iespējams) ātri darīt galu, nostādot ģermānismam pretī vietējo tautu, bet separātismam - materiālās intereses, kuras vajag cieši savienot ar Krieviju, tieši tādā veidā kā Francija pievilka Elzasas intereses un kā viņa tagad pielieto visas pūles, lai piesaistītu sev Reinas provinču intereses, - rakstīja P.Valujevs.¹ Palielinājās arī liberālo spēku spiediens. Citētais anonīmais Baltijas muižnieks 1845.g. oktobrī rakstīja Nikolajam I: "Pienāks laiks, pēc 20, 30, 50 gadiem sāksies vispārējs karš, un arī Baltijas provincēs atradīsies ne viens, bet simti cilvēku, kuri centīsies nodot provinces apgalemoto valstu rokās, kuri barbarisku privilēģiju vietā dotu gadsimtam atbilstošas tiesības"².

Kā redzam, konversijas atbalstīšana bija vairāk politiskā nekā reliģiskā pasākums, lai ciešāk saistītu Baltiju ar impēriju. Šis pasākums bija iedarbīgs novados, kur sociāli ekonomiskās pretrunas un zemnieku antifeodālais noskaņojums feodālisma formācijas krīzes laikā bija sasniegjis augstu pakāpi. Taču, veicinot pareizticības izplatīšanos, bet nepārkārtojot agrārās attiecības un nelikvidējot tur muižnieku privilēģijas, šis pasākums cieta neveiksmi. Kaut arī pareizticības loma konversijas rezultātā Baltijā palielinājās, rekonversijas kustība liecināja, ka pārejas dziļākie pamati slēpās sociāli ekonomiskajā un ideoloģiskajā dzīvē un "Istā ticība" pēc būtības nevarēja pilnībā izpildīt iecerētos plānus. Lai sasniegtu Baltijas tuvināšanu impērijai, valdībai bija jāpievēršas citiem pasākumiem, ko jaunajos apstākļos XIX gs. 60. gadu sākumā bija izstrādājusi t.s. racionālā partija. Šie pasākumi bija ciešāka Baltijas piesaistīšana ekonomiskā ziņā impērijai vispirms ar agrārreformām, satiksmi un tirdzniecību, vācu virslēģa privilēģiju un pašpārvaldes iestādījumu likvidēšana, vietējo tautu nacionālās atbrīvošanas kustības zināma atbalstīšana.

1 Краткий обзор... (ЦГИА СССР, ф. 908, оп. П., д. 45, ч. I, л. 13).

2 Записка о делах Остзейских губерний (ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., IV экзп., 1845г., д. 133, л. 159).

А. В. Гаврилин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА ПЕРЕХОД В ПРАВОСЛАВИЕ В 1841 ГОДУ В ПРИБАЛТИКЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АПОЛОГЕТОВ ПРАВОСЛАВИЯ

В 60-70-х годах появился ряд фундаментальных работ советских историков по аграрной истории Латвии середины XIX века¹, которые делают возможным детально разобраться в социально-экономической подоплеке крестьянского движения 40-х годов XIX века в Прибалтике. Однако специальных исследований, посвященных непосредственно переходу прибалтийских крестьян в православие в 40-х годах XIX века, в советской историографии пока немного²; подавляющее большинство работ опубликовано еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Поэтому представляется важным необходимость анализа интерпретации вопросов этого движения в работах дореволюционных авторов. К материалу, изложенному в этих работах, необходимо подходить с точки зрения материалистического понимания развития исторического процесса, так как решающим фактором содержания работы и трактовка фактов, изложенных в ней, всегда являлась классовая принадлежность автора, а также его идеологическая позиция. Данное исследование ограничивается анализом интерпретации причин движения прибалтийских крестьян в 1841 году, его начального этапа, хода, отношения к нему царского правительства и заключительного этапа движения в работах апологетов православия. Несомненно, что критический анализ интерпретации ими (апологетами православия) крестьянского

- ¹ Latvijas agrārā vēsture. R., 1966. 188. lpp.; Strods H. Lauksaimniecības Latvijā pārejas periodā no feodālisma uz kapitālismu (18. ds. 80. gadā-19. ds. 60. gadu sākums). R., 1972. 434. lpp.; Svarāne M. Saimnieks un kalps Kurzemē un Vidzemē XIX gadsimta vidū. R., 1971. 286. lpp.
Козин М. И. Литовская деревня в 50-70-е годы XIX века. Рига, 1976. - 372 с. и др.
- ² Zutis I. Cīņa par agrārām reformām XIX gadsimta sākumā. R., 1945. 44. lpp.; Степанов И. Я. Крестьянское движение в Лифляндии в 40-х годах XIX века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1966. - 27 с. и др.

движения 1841 года поможет правильно оценить их классовую и идеологическую позиции в рассматриваемых вопросах, будет способствовать более целенаправленному изучению богатого фактического материала, содержащегося в трудах последних.

Работы апологетов православия, посвященные крестьянскому движению за переход в православие в 40-х годах XIX века в Прибалтике, условно можно разделить на две группы: публикации, статьи и высказывания представителей местного православного духовенства¹ и исторические исследования авторов, выступающих за распространение православия в Прибалтике². Во главе второй группы, несомненно, стоит известный славянофил Ю.Ф.Самарин, который с мая 1846 года по 1848 работал в составе ревизионной комиссии Я.В.Ханькова по изучению городского устройства и хозяйства Риги³ и со второй половины 60-х годов XIX века до 1876 года опубликовал целый ряд научных исследований и публицистических ра-

¹ Лейсман Н. Судьба православия в Лифляндии с 40-х до 80-х годов XIX столетия. Рига, 1908.—124 с.; Страумит И. Записки православного латыша.—В кн.: Самарин Ю. Окраины России. Прага, 1868, вып.П, I—122 с.; Записки священника Полякова об Эйхенангерском приходе.—В кн.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880, т.Ш, с.515—564; Преображенский В.И. Открытие Рижского викариата. Преосвященный Иринарх, первый викарий Рижский.—В кн.: Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Рига, 1894, вып.П.—218 с.; Веселов П. Духовное правление во время Рижского викариата.—В кн.: Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Рига, вып.Ш, ч.1.—141 с. и др.

² Самарин Ю. Окраины России. Берлин, 1871; вып.Ш.—196 с.; Высоцкий И.И. Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией (1710—1910 гг.). Рига, 1894, вып.Ш, ч.П.—43 с.; Движение латышей и эстов в Ливонии с 1841 года.—Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1865, кн.Ш, с.109—143; Пленичников П.Г. Русские в Прибалтийском крае (Исторический очерк). Рига, 1910.—27 с.; Шаховский С.В. Из архива князя Шаховского. Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1865—1894 гг.). СПб, 1910, т.Ш, с.334; Сахаров С.П. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836—1936). Популярно-исторический очерк. Краслава, 1937, с.68 и др.

³ Русский биографический словарь. СПб, 1904, т.18, с.137.

бот, посвященных прибалтийскому вопросу¹. Считая себя не принадлежащим ни к какой "политической партии"², он тем не менее подчеркивал, что является "членом православной церкви"³, указывая тем самым на возможность объективного подхода к анализу вопросов, непосредственно затрагивающих конфессиональные интересы. Ю.Ф.Самарин не скрывал своей убежденности в том, что "... самодержавная власть ... никогда не была так сильна нравственно, как теперь, ... никакая другая власть ... не могла бы вынудить такого к себе доверия, ни располагать так легко, таким добровольным, единодушным и беспритязательным содействием народных сил⁴". Эту позицию - "члена православной церкви" и страстного защитника интересов царского самодержавия в Прибалтике - Самарин отстаивает во всех своих исследованиях, посвященных истории Прибалтики. Авторы, выступавшие за распространение православия в Прибалтике, в большинстве своем не пошли дальше сделанных Самариним выводов, повторяя, часто дословно, его определения и изложение хода событий⁵.

Обращает на себя внимание также тот факт, что для всей группы авторов характерно подчеркивание национальных противоречий между латышскими крестьянами и немецкими помещиками и пасторами и стирание тем самым классовых, соци-

¹ Самарин Ю.Ф. Окраины России. Прага-Берлин, 1868-1876, вып. I-6; Самарин Ю.Ф. Православные латыши. Период второй 1845-1848 гг.-Сочинения. М., т.Ю, с.409-480 и др.

² Самарин Ю. Окраины ..., вып. I, с. II.

³ Там же, вып. III, с. XXIV.

⁴ Там же, вып. I, с. II.

⁵ Ср., напр.: Через несколько времени они стали подавать ему письменные прошения, в которых жалобы на помещиков и ходатайства о перечислении все-таки составляли главный предмет ..., но выражалось также и желание присоединиться к Церкви - как предмет придаточный (см.: Самарин Ю. Окраины ..., вып. III, с. 87). Являясь за милостыней, они вскоре начали подавать и письменные заявления о дозволении выселиться из Лифляндии (это был главный предмет) и затем изъявили желание присоединиться к православию (см.: Чешихин Е.В. От издателя.-В кн.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880, т. III, с. 501).

льных противоречий. Практически во всех работах делается упор на то, что помещиками были немцы, которых, а не весь в целом социально-экономический и политический уклад самодержавной России, и обвиняют в тяжелом положении прибалтийских крестьян данная группа авторов¹.

В 30-х годах XIX века в Прибалтике наблюдается начало кризиса феодально-барщинного хозяйства, который в Лифляндии заканчивается только в 50-х годах². Несмотря на тенденциозный характер авторов, выступавших за распространение православия в Прибалтике, в большинстве работ, повторяя точку зрения Ю.Ф.Самарина, первым сделавшего попытку проанализировать аграрные отношения в Лифляндии в 30-40-х годах XIX века³, отмечалось, что причины крестьянских волнений в 1841 году нужно искать "в тяжелом положении крестьян"⁴. "Волнения лифляндских крестьян 1841 года, - как писал Ю.Ф.Самарин, - ... обусловливались в значительной степени бедственным положением, в которое они были приведены законом 1819 года, даровавшим им мнимую свободу и в то же время выхватившим из-под ног землю, издавна за ними укрепленную в пользование"⁵. Попытки разобраться в социально-экономическом положении Лифляндии этого периода выгодно глечают литературу апологетов православия от работ остзейцев, сводящих, как правило, причины перехода крестьян в православие к агитации православного духовенства⁶. Уже в 1845 году, рассматривая события четырехлетней давности,

¹ Напр.: Вражду крестьян к немецкому дворянству события 1841 года не уничтожили. Наоборот, вражда углубилась (см.: Поммер А. Православие в Латвии. Рига, 1931, с.26).

² H. Strods. Lauksaimniecība Latvijā pārejas periodā no feodālisma uz kapitālismu. R., 1972. 428.lpp.

³ Самарин Ю. Краины ..., вып. III, с.196.

⁴ Веселов П. Духовное правление во время Рижского викариатства. - В кн.: Историко-статистическое описание..., вып. II, ч. I, с.16.

⁵ Самарин Ю. Сочинения. М., 1896, т.10, с.411.

⁶ Напр.: Православие и лютеранство в России. Лейпциг, 1890, с.4 и др.

товарищ министра внутренних дел И.Г.Сенявин, командированный в Прибалтийские губернии по продовольственному вопросу, писал, что "... события 1841 года ... имели более гражданское направление, мысль же о перемене веры была только у немногих, желавших улучшить свое положение"¹. Поиски глубинных социально-экономических и социально-политических причин крестьянских волнений в 40-х годах XIX века были "на руку" православному духовенству, так как это снимало с него тень подозрений на спровоцирование движения самим духовенством, снимало с него ответственность за антифеодальный характер крестьянских волнений, их размах и массовость². Поэтому Иринарх (с 1836 по 1841 год православный епископ в Риге)³, непосредственный участник событий 1841 года, пытался доказать в оправдание своих действий, что "... волнение в массе ливонских крестьян, приписываемое действиям епархиального начальства, началось гораздо ранее первой их встречи с ними и вызвано было, с одной стороны, голодом и бедственным положением крестьян в хозяйственном отношении⁴, с другой, - религиозной потребностью, не находившей себе удовлетворения в протестантстве"⁵. И в дальнейшем православное духовенство не отрицало социально-экономических и социально-политических причин, вызвавших крестьянское движение 1841 года: "... с переходом в православие у народа соединилась смутная надежда на спасение от несправедливости, на улучшение всего уклада жизни... Перешедшим в православие беднякам представлялась возможность найти

¹ Доклад товарища министра внутренних дел Сенявина о нынешнем положении в Ливонии. - Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1855, кн.4, с.192.

² Это действительно лежало не в подстрекательстве духовенства, как стремилась доказывать местная администрация, а в несовершенстве закона, определявшего положение крестьян (см.: Движение латышей и эстов... - Чтения..., кн.3, с.130).

³ Сахаров С.П. Рижские православные архипастыри ..., с.11.

⁴ Показательно, что Иринарх на I-е место ставит именно "бедственное положение в хозяйственном отношении".

⁵ Чешихин Б.В. От издателя. - В кн.: Сборник материалов и статей ..., т.III, с.504.

выход из своего безнадежного положения, — надежда на то, что станут и их считать людьми¹. Священник Н. Лейсман, считавший причиной крестьянских волнений 40-х годов XIX века религиозные интересы, тем не менее вынужден был признать в 1908 г., что "... причины, обуславливающие это явление, весьма сложны и скрывались как в религиозных, так и экономических и политических условиях жизни эсто-латышского населения края"². Подобной же точки зрения придерживался П. Г. Пшеничников, который утверждал в 1910 году, что "... в основе внезапного движения эстов и латышей в лоно православной церкви лежал потребность духовного свойства, совершенно искренняя, но нельзя отрицать, что к ней примешивались разного рода социальные побуждения, главные из них — улучшение материальной обстановки"³. Эту же мысль повторил уже в 1937 году С. П. Сахаров⁴, добавив, что "... обвинения духовенства в возмущении крестьян явились только происками немецких помещиков"⁵. Несомненно, рассматриваемая группа авторов выступала против классового, антифеодального характера волнений прибалтийских крестьян в 1841 году, пытаясь приписать им, практически бездоказательно, так называемые "духовные потребности". Факт признания этой группой авторов социально-экономических и социально-политических причин крестьянского движения 1841 года был лишь вынужденной мерой, и в данном конкретном случае служил интересам православного духовенства, что избавляло его (духовенство) от обвинения в организации этих крестьянских волнений.

То, что авторы, выступавшие за распространение православия в Прибалтике, не отрицали наличия социально-экономических причин крестьянского движения 40-х гг. XIX в., подтверждается их собственным изложением событий, связан-

¹ Рижские Епархиальные ведомости. Рига, 1908, № 24, с. 830-831.

² Лейсман Н. Судьба православия в Лифляндии ..., с. 10.

³ Пшеничников П. Г. Русские в Прибалтийском крае (Исторический очерк). Рига, 1910, с. 16.

⁴ Сахаров С. П. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836-1936). Краслава, 1937, с. 13.

⁵ Там же, с. 16.

ных с началом волнений 1841 года. Большинство из них признают, что в начальной стадии движение крестьян в 1841 году не имело религиозной окраски, и основной его целью было стремление переселиться в южные губернии России, где якобы выделялась земля¹, а истоки этих слухов, видимо, следует искать в переселении крещеных евреев². Священник А.П.Поляков в 1869 году писал: "... вина мужиков была в том, что они не ходили на барщину, заявляли желание переселиться в южные губернии, для чего ходили в Ригу, сперва к губернатору и потом к рижскому епископу"³. В.Добрышин замечает: "И вдруг среди них ... распространился слух, что латышам будут отведены земли где-то на юге, и что туда уже разрешено переселиться"⁴. Н.Лейсман, в свою очередь, подчеркивал, что "... крестьяне все-таки не думают о насилии, но спокойно просят дозволения выселиться из родины"⁵. Действительно, переселенческое движение весной-летом 1841 года носило мирный характер⁶. С просьбами о переселении крестьяне обращались ко всем высокопоставленным чиновникам губернии, к генерал-губернатору, в жандармское управление и т.д.⁷ В июле 1841 года классовая борьба обострилась, начались массовые наказания крестьян за отказ от работы на помещиков, за самовольный уход из поместий⁸. 9 июня 1841

¹ Самарин Ю. Окраины ..., вып. III, с. 80.

² Чешихин Е. В. Ст. издателя. - Сборник материалов и статей..., т. III, с. 500.

³ Записки священника Полякова об Эйхенангерском приходе. - В кн.: Сборник материалов и статей ..., т. III, с. 515.

⁴ Добрышин В. К истории православия в Прибалтийском крае. СПб., 1911, с. 9.

⁵ Лейсман Н. Судьба православия ..., с. 11.

⁶ Это подтвердила, основываясь на анализе архивных материалов, советский историк И. Я. Степане. Она же отмечала, что мирный этап развития движения закончился в июле 1841 года, когда начались массовые экзекуции (см. у Степане И. Я. Крестьянское движение в Лифляндии ..., с. 15-16).

⁷ Самарин Ю. Окраины ..., вып. III, с. 82.

⁸ Записки православного латыша. - В кн.: Самарин Ю. Окраины..., вып. II, с. 72; Движение латышей и эстов... - Чтения..., кн. 3, с. 119.

года группа прибывших в Ригу крестьян пришла на прием к православному епископу Иринарху. Православное духовенство и авторы, выступавшие за распространение православия в Прибалтике, подчеркивают случайный характер этого события¹ и то, что Иринарх 9 июня и в дальнейшем только раздавал милостыню и постоянно "... советовал крестьянам идти домой, приняться за работу и слушаться помещиков"², отстаивая тем самым мысль, что крестьянское движение, хотя и приняло с июня 1841 года религиозную окраску, тем не менее не было специально подготовлено, спровоцировано православным духовенством, а носило стихийный характер³. Для доказательства этого православное духовенство было даже готово отказаться от своих конфессиональных интересов и не скрывало, что в прошениях Иринарху крестьяне "... выражали желание прежде всего выселиться, а потом, как о предмете побочном, заявляли желание присоединиться к православию"⁴, то есть продолжая настаивать на том, что, несмотря на смену окраски движения, его целью, по-прежнему, оставалось улучшение социально-экономического положения крестьян. А.П.Поляков писал, что крестьяне "... обратились к епископу рижскому Иринарху, прося его преосвященство довести до сведения государя императора их стесненное положение"⁵. Е.А.Го-

¹ Преображенский В.И. Преосвященный Иринарх, первый викарий Рижский. - В кн.: Историко-статистическое описание..., вып. II, ч. I, с. 16-17; Помер А. Православие в Латвии Рига, 1931, с. 21; Самарин Д. Окраины..., вып. III, с. 82; Лейсман Н. Судьба православия..., с. 32; Чехихин Е.В. От издателя. - В кн.: Сборник материалов и статей..., т. III, с. 500; Сахаров С.П. Рижские православные архипастыри..., с. 14 и др.

² Преображенский В.И. Преосвященный Иринарх... - В кн.: Историко-статистическое описание..., вып. II, ч. I, с. 17.

³ Идея о стихийности крестьянского движения выдвинута советским историком И.Я.Степане на основе анализа материалов допросов арестованных крестьян (см.: Степане И.Я. Крестьянское движение в Лифляндии..., с. 17).

⁴ Преображенский В.И. Преосвященный Иринарх... - В кн.: Историко-статистическое описание..., вып. II, ч. I, с. 17.

⁵ Записки священника Полякова... - В кн.: Сборник материалов и статей..., т. III, с. 515.

ловин, назначенный в 1845 году ливонским генерал-губернатором, возвращаясь к событиям 1841 года, отмечал, что "... в 1841 году целые толпы крестьян стали приходить к епископу Рижскому с просьбами о присоединении к православию. К сожалению, стремление сие соединилось с другим, чисто мирским и неосновательным домогательством крестьян быть освобожденным от барщинных повинностей к помещикам и выселении в южные края России"¹. Ю.Самарин указывал, что вскоре после первого визита к Иринарху крестьяне начали ему подарить письменные прошения, "... в которых жалобы на помещиков и ходатайства о перечислении все-таки составляли главный предмет² ..., но выражалось также и желание присоединиться к церкви - как предмет придаточный"³: А. Поммер подчеркивал, что в прошениях крестьян Иринарху были "... затронуты мирские вопросы"⁴. Иринарх не мог и не хотел улучшить социально-экономическое положение крестьян, "... постоянно повторял проходящим, что исключительное его призвание - служить церкви, что он не может и не должен входить в то, что составляет дело администрации, а не духовенства"⁵. Однако в создавшейся ситуации епископ не только не старался пресечь распространение слухов о связи переселения с переходом в православие, а, напротив, своей деятельностью, принимая жалобы крестьян⁶, переписывая их имена⁷, объясняя крестьянам, что передаст их прошения "... представителям высшей светской власти"⁸, видимо, прямо или косвенно способствовал распространению этих слухов. Попу-

¹ Всеподданнейший отчет по управлению Балтийским краем с мая 1845 по февраль 1848 года Его императорскому величеству генералу от инфантерии Головина I-го. Чтения..., кн. II, с. II7.

² Слова "главный предмет" Ю.Самарин выделил курсивом.

³ Самарин Ю. Окраины..., вып. III, с. 87.

⁴ Поммер А. Православие в Латвии. Рига, 1931. с. 22.

⁵ Чехихин Е. В. От издателя. - В кн.: Сборник материалов и статей..., т. III, с. 500; Это же подтверждал и Ю.Самарин (см.: Самарин Ю. Окраины..., вып. III, с. 88).

⁶ Ю.Самарин объяснял это "неосторожностью" (см.: Самарин Ю. Окраины..., вып. III, с. 87, 104).

лярность Иринарха в среде крестьян объясняется не столько его личными качествами, как это пытались объяснить позднее представители православного духовенства³, но, что более важно, социально-экономической и политической ситуацией в Лифляндской губернии в конце 30-х-начале 40-х годов, когда любой, сколько-нибудь заметный представитель местной администрации, который принял крестьян с самым незначительным, но вниманием, а не арестовал их и не подверг наказанию, казался им защитником их интересов. Эта точка зрения подтверждается наиболее дальновидными авторами примером с кан-дарским подполковником Киршем, который также принял крестьян, обещал доложить о них царю и тем самым заслужил их уважение⁴.

Несомненно, что православное духовенство было заинтересовано в усилении своего влияния и увеличении числа православных приходов в Прибалтике⁵, надеясь таким образом поднять престиж своей конфессии в остзейских губерниях. Поэтому кажется вполне естественным, что Иринарх пытался использовать благоприятную ситуацию для укрепления позиции церкви в Лифляндской губернии. Д.Ф.Самарин упоминает об одном из рапортов Иринарха в Синод, в котором Иринарх писал, что "...если правительство захочет воспользоваться настоящим происшествием, то легко может умножить здесь число православных, облегчить участь крестьян даже без пе-

¹ Движение латышей и эстов... -Чтения..., кн.Ш, с.123.

² Пошмер А. Православие в Латвии. Рига, 1931, с.22.

³ Прибавления к Церковным ведомостям. СПб, 1900, № I, с.433; Преображенский В.И. Преосвященный Иринарх... -В кн.: Историко-статистическое описание..., вып.П, ч.І, л.др.

⁴ Самарин Д. Окраины..., вып.Ш, с.84; Чешихин Е.В. От издателя.-В кн.: Сборник материалов и статей..., т.Ш, с.500.

⁵ В 1840 году в Лифляндской губернии числилось всего 13084 православных, причем большинство из них проживало в городах (см.: Веймарн Ф. Материалы для географии и статистики России. Лифляндская губерния. СПб, 1864, с.504).

реселения их в другие губернии и положить прочное основание быстрому преобразованию здешнего края в религиозном отношении"¹. Разумеется, что реальное улучшение социально-экономического положения крестьян с помощью православного духовенства не могло, да это и не было его целью. Оно прежде всего руководствовалось конфессиональными интересами, надеясь, воспользовавшись сложившейся ситуацией, увеличить количество своих прихожан. Однако православная церковь имела целый ряд чисто внешних отличий от церкви лютеранской, которые могли хот. на время завоевать симпатии крестьян, лихорадочно искавших выход из своего тяжелого экономического и социально-политического положения. Это не отрицали как само православное духовенство, так и авторы, выступавшие за распространение православия в Прибалтике. Православие было официальной государственной религией, "царской верой"², крестьяне надеялись, что, приняв православие, они будут "... состоять под законом российской империи"³. Православное духовенство получало государственное жалование, лютеранские же пасторы жили в основном за счет доходов со своих поместий и приходов. Назначение православных священников в приходы происходило централизованно в отличие от лютеранских пасторов, назначением в церковные приходы которых ведали помещики⁴. Поэтому у крестьян возникали иллюзии, что "... православная церковь находилась вне сферы влияния помещиков, ... опиралась на государственную власть"⁵, к тому же, отказавшись от лютеранства, крестьяне освободились бы "... от довольно значи-

¹ Самарин Ю. Окраины..., вып. III, с. 87-88.

² Записки православного латыша.-В кн.: Самарин Ю. Окраины..., вып. II, с. 66.

³ Записки священника Полякова... -В кн.: Сборник материалов и статей..., с. 519.

⁴ Духанов М.М. Остзейцы. Явь и вымысел. Рига, 1970, с. 17.

⁵ Поммер А. Православие..., с. 22.

тельных повинностей"¹ в пользу лютеранской церкви. Лютеранская церковь в представлении крестьян была "церковью господ"², немецких баронов, а мысль о переходе к православию являлась "... даже прямым протестом по отношению к господам"³. Как писал в 1890 году анонимный апологет лютеранской церкви в Прибалтике, "... вероисповедание стало тождественным с национальностью, а церковь превратилась в правительственное учреждение"⁴. Лютеранская церковь была главным орудием идеологического воздействия немецких помещиков, она открыто и тесно была с ними связана, всеми силами призывая крестьян к послушанию их воле⁵.

Лифляндский генерал-губернатор Е.А. Головин писал:

"... латыши и эсты возмели надежду, что, приняв веру русского царя, они откроют себе дорогу к облегчению своей участи и в русских священниках найдут защиту, которой не находили в немецких пасторах"⁶, добавляя, однако, что "... перемена религии несколько не изменила бы отношений крестьян к господам, их вотчинникам, ни местного образа управления краем"⁷. Слепленные иллюзиями "наивного монархизма", искусственно создаваемыми царской администрацией, крестьяне противопоставляли царя и православную церковь

¹ Разъяснение донесений Правительству о переходе в 1845 году Латышей и Чухон Ливонских в православные. Д. Члена И.П. Липранди. - Чтения..., кн.3, с.158.

² Menniks A. Luterticiba. R., 1976, 47.lpp.

³ Лейсман Н. Судьба православия ..., с.6.

⁴ Православие и лютеранство в России. Лейпциг, 1890, с.3.

⁵ Menniks A. Luterticiba. R., 1976., 46.lpp.

⁶ Всеподданнейший отчет по управлению Балтийским краем с мая 1845 по февраль 1848 года Его императорскому величеству генерала от ин-антерии Головина I-го. - Чтения..., кн.П, с.127.

⁷ Всеподданнейший отчет по управлению Балтийским краем... - Чтения..., кн.П, с.127.

немецким баронам и пасторам¹. Они еще не могли понять, что православная церковь, как и церковь лютеранская, слепо служила интересам самодержавной власти и господствующих классов в общем деле притеснения и эксплуатации народных масс², а "... всякая, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправданные реакции"³.

В рассматриваемых выше работах, как правило, не делается попытки оценить позицию царского правительства по отношению к движению прибалтийских крестьян в православии в 1841 году. В большинстве своем авторы ограничивались лишь критикой действий местного губернского управления, непосредственно самого лифляндского генерал-губернатора М.И.Палена (с 1830 по 1845 год) и, за редким исключением, шеф-жандармов А.Х.Бенкендорфа (с 1826 по 1844 год). Пален, по мнению Ю.Ф.Самарина, "... не мог не почувствовать сострадания к простому народу"⁴, а прибегнуть к жестокости его заставляло положение "... агента дворянской партии"⁵. А.Поммер, не понимая или не желая понять, что позиция Бенкендорфа объяснялась не столько его личными симпатиями, сколько самой сущностью III отделения - карательного органа власти, созданного для борьбы с революционным и общественно-политическим движением, со всякого рода "крамоллой"⁶, сводит все к тому, что Бенкендорф, будучи лифляндским местным дворянином, всячески старался убедить Николая I в принятии выгодных для остзейских дворян указов⁷. По-

¹ Крестьяне утверждали, что "... со стороны господ запрещается, а от государя позволяется принимать православную греческую веру (см.: Историко-статистическое описание..., вып. III, с. 90).

² Церковь в истории России. М., 1967, с. 206.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.

⁴ Самарин Ю. Украины..., вып. III, с. 136.

⁵ Там же.

⁶ Державина Т.Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826-1855). Авторф. анд. дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. М., 1973, с. 15.

⁷ Поммер А. Православие..., с. 23.

пытку охарактеризовать отношение царского правительства к рассматриваемому движению, разобраться в отдельных внутри-правительственных группировках предпринял только Ю.Ф. Самарин. Он считал, что в правительстве существует две точки зрения на волнения крестьян в Прибалтике: остзейцы, отстаивающие свои привилегии в Прибалтике (Бенкендорф, Палены, Мейндорфы, Ганы, Веймарны), которых Самарин называет "более чем политической партией"¹, и управляющий министерством внутренних дел А.Г. Строганов (с 1839 по 1841 год), (с ноября 1841 года это место занял Л.А. Перовский)² и обер-прокурора Синода Н.А. Протасова (с 1836 по 1855 годы), которые в целом склонялись к тому, что причины волнений крестьян скрывались в аграрных отношениях³. При этом Ю.Ф. Самарин подчеркивает, что вплоть до 30 июля 1841 года Протасов еще не знал, какую позицию ему занять, не хотел "... брать на себя ответственность"⁴, "... не останавливал действий рижского епископа, даже не выражал ему ни одобрения, ни неодобрения"⁵, и во всех его действиях "... обнаруживалась какая-то нерешительность"⁶. Что касается мнения самого Николая I по этому вопросу, то "... он не мог не желать распространения православия"⁷, как писал Ю.Ф. Самарин, но "... порывистое движение народной массы пугало его, как нарушение порядка"⁸. Самарин, оправдывая действия Николая I тем, что его запугивали многочисленные доклады с противоречивыми выводами⁹, пишет, что царя "...убедили пожертвовать православным епископом для предупреждения будто бы

¹ Самарин Ю. Окраины..., вып. III, с. 77-78.

² Самарин Ю.Ф. называл Перовского "заклятым врагом остзейцев" (см.: Самарин Ю.Ф. Сочинения. М., 1896, т. 10, с. 439).

³ Там же, с. 139.

⁴ Самарин Ю. Окраины..., вып. III, с. 130.

⁵ Там же, с. 88.

⁶ Там же, с. 129.

⁷ Там же, с. 131.

⁸ Там же, с. 132.

⁹ Там же, с. 129.

неминуемого бунта"¹. Видимо, боязнь широкого народного выступления и того, что "...правительство всегда готово собственными силами охранять ... привилегии"² дворянства, объясняется откровенная нерешительность царского правительства в 1841 году. Несомненно, царское правительство, стремясь к более прочному союзу остзейских губерний с Россией, выступает за распространение православия в Прибалтике, что не отрицали и рассматриваемые в настоящей статье авторы, доказывая это самим фактом учреждения в Риге викариатства,³ подготовкой уже с 1840 года в Псковской семинарии священников, владеющих латышским и эстонским языками⁴. Это отвечало интересам царского самодержавия, которое всегда считало, что "...возможное содействие к широкому распространению православной веры ... является одной из главных задач плодотворной национальной внутренней политики"⁵. Классовая солидарность всегда превалировала в лагере эксплуататоров. Царская администрация, прибалтийские немецкие помещики - это составные одного эксплуататорского органа власти, и, даже вступая в некоторые конфликты, не теряли своей классовой сущности, поэтому все эти конфликты так или иначе решались за счет эксплуатируемых масс. Именно поэтому царское правительство, "... доверяя горячим заявлениям представителей классов о своей преданности престолу, ... предоставило им значительную долю участия в заботах ... об успокоении народа"⁶ в Прибалтике.

Таким образом, царское правительство не сумело до

¹ Самарин Ю. Окраины ..., вып. III, с. 157.

² Движение латышей и эстов..., с. 137.

³ Веселов П. Духовное правление... - В кн.: Историко-статистическое описание..., вып. III, ч. I, с. 6.

⁴ Лейсман Н. Судьба православия..., с. 45.

⁵ Из архива князя С. В. Шаховского. - В кн.: Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1885-1894 г.г.). СПб, 1910, т. III, с. УУП.

⁶ Выписка из заключения Обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, 1887 г. (см.: Из архива князя Шаховского С. В., т. III, с. 91).

конца последовательно выступить в 1841 году за распространение государственной религии в Прибалтике, поэтому критический анализ действий правительства с позиций интересов православной церкви в рассматриваемых событиях мог привести к конфликтам с самодержавной властью, чего, разумеется, не желала вышеназванная группа авторов.

По работам рассматриваемых авторов представляется достаточно сложным проследить ход крестьянского движения и особенно его заключительный этап. Упомянув о наказаниях крестьян за визиты к Иринарху¹ и об ограничительных мерах, предпринятых царским правительством относительно его действий², по просьбе лифляндского генерал-губернатора Палена, большинство авторов переходит непосредственно к эмоциональным описаниям отъезда Иринарха, который 12 октября 1841 года под надзором чиновника Скрыпицына уехал из Риги³, опуская тем самым анализ самого хода движения. В тех же немногих работах, где была сделана попытка проанализировать ход движения 1841 года, подчеркивалось, что в 1841 году "... с мая, когда началось первое брожение между поселянами, до сентября никакого явного бесчинства или буйства между поселянами нигде не было"⁴, стараясь тем самым еще раз подтвердить мысль о мирном характере крестьянского движения в тот период, когда оно приняло религиозную окраску. Однако в сентябре 1841 года крестьяне, убедившись, что попытки перейти в православие не привели к изменению их социально-экономического положения, поднялись на вооруженную борьбу, причем цели движения изменились: "... доселе крестьяне требовали переселения; теперь, не успев в этом, они потребовали обращения в их собственность земель, дото-

¹ Преображенский В.И. Преосвященный Иринарх... -3 кн.: Историко-статистическое описание..., вып. II, ч. I, с. 17-18.

² Указы от 29 июля и 16 августа с запрещением Иринарху принимать от крестьян прошения (см. Поммер А. Православие..., с. 23).

³ Лейсман Н. Судьба православия..., с. 41.

⁴ Чешихин Е.В. От издателя. - В кн.: Сборник материалов и статей..., т. III, с. 502.

ле обрабатываемых ими за баршину"¹. С запрещением Иринарху принимать крестьян с прошениями последние утратили надежду законным, официальным путем улучшить свое материальное положение и предприняли попытки вооруженной борьбы за землю. Однако лишь в отдельных работах говорилось об открытых выступлениях крестьян осенью 1841 года, причем упоминались только волнения в Лундбеберском имении (Ней-Беверсгоф) Рижского уезда, Пунаярве (Гейлигензее) Дерптского уезда², Веселауке (Вессельгоф) Венденского уезда³ и Вастселина (Нейгаузен) Веросского уезда⁴.

Чем же объясняется тот факт, что апологеты православия в Прибалтике сравнительно мало упоминают об открытых вооруженных выступлениях в 1841 году? Ответ на этот вопрос легко найти у Д.Ф.Самарина. Он писал, что распоряжения о рази эщении в Прибалтике войск⁵ следаны были "... для поддержания пушенной в ход фикции об общем бунте"⁶ и добавлял, "... а бунта все-таки не оказывалось"⁷. Только после того, как полиция начала арестовывать "... так называемых зачинщиков бунта, ... начались беспорядки, буйства, открытые сопротивления властям. Этого только и поджидали"⁸, начались вооруженные расправы над крестьянами, но все равно "... ни одного выстрела во всей Лифляндии против войск

¹ Движение латышей и эстов ... -Чтения..., кн.Ш, с.128.

² Там же, с.130.

³ Самарин Д. Окраины..., вып.Ш, с.139.

⁴ Там же, с.148.

⁵ В Вольмаре и Вендене был Шлиссельбургский полк в полном четырехбатальонном составе. Кроме того, в губернию были деиндуты из Пскова и Острова 6 батальонов Гренадерского корпуса, а в Дерп и Верро был отправлен из С.Петербурга дивизион Агаманского казачьего полка (см.: Движение латышей и эстов... -Чтения..., кн.Ш, с.131-132).

⁶ Самарин Д. Окраины..., вып.Ш, с.135.

⁷ Там же, с.138.

⁸ Там же, с.146-147.

сделано не было¹. Таким образом, Д.Ф.Самарин подводил к мысли, что открытые крестьянские выступления были просто спровоцированы действиями местных губернских властей и, если бы крестьянам разрешили перейти в православные, то "... все движение приняло бы может быть иной оборот"², не отрицая, тем не менее, что крестьяне осенью 1841 года "... стали домогаться ... себе в собственность помещичьей земли"³. Этой же точки зрения придерживается И.Страумит (Янис Лицис): "Как только удалось закрепить за народным движением это страшное название - бунт, так все как будто прояснилось. Пора тревожного недоумения прошла. Бунт - дело понятное, и, как действовать против бунта, - известно всем властям. На это есть инструкции и традиции"⁴.

Следовательно, подробное описание заключительного этапа крестьянского движения 1841 года, когда религиозная окраска волнений почти полностью исчезла, было невыгодно православным авторам, которые, напротив, пытались доказать, что "бунта" не было⁵ или могло не быть, это якобы местная администрация просто пыталась представить движение "бунтом"⁶, а крестьяне руководствовались как материальными, так и религиозными интересами. Объективный анализ заключительного этапа движения 1841 года, когда крестьяне практически уже не делали попыток перейти в православие, видимо, полностью развенчал бы даже намек на религиозный характер всего крестьянского движения, так как обострение классовой борьбы осенью 1841 года, проявившееся в открытых крестьянских выступлениях, жестоко подавленных местными властями-

¹ Самарин Д. Окраины..., вып. III, с. 150.

² Там же, с. 144.

³ Там же, с. 139.

⁴ Страумит И. Записки православного латыша. - В кн.: Самарин Д. Окраины..., вып. II, с. 72-73.

⁵ Поммер А. Православие..., с. 25.

⁶ Прибавления к Церковным ведомостям. СПб, 1900, № I, с. 433.

¹, убедительно доказывало, что религиозную окраску крестьянское движение приняло только на непродолжительное время, эта окраска была только одной из форм движения, а не его содержанием. Именно поэтому точка зрения отдельных авторов о "духовной потребности" латышских и эстонских крестьян в волнениях 1841 года², как правило, ничем документально не подтверждалась.

Таким образом, вся группа вышеназванных авторов в интерпретации событий 1841 года в Прибалтике руководствовалась прежде всего классовым и конфессиональными интересами. Они, стремясь к усилению позиций православной церкви в Прибалтике, выражали поддержку переходу латышских и эстонских крестьян в православие, но, выступая защитниками интересов эксплуататорских классов, были против антифеодального характера крестьянского движения 1841 года, против классовой борьбы как таковой, поэтому часто преднамеренно опускали социально-экономические и политические моменты крестьянских волнений или же истолковывали их недостаточно последовательно.

¹ Пшеничников П.Г. Русские в Прибалтийском крае..., с. 16; Разъяснение донесений Правительству о переходе в 1845 году Латышей и Чухонов-Ливонских в Православие Д. Члена И.П. Липранди. - Чтения..., кн. III, с. 157; Земцев В. О квогной земле в Лифляндии. Рига, 1913, с. 214; Сахаров С.П. Рижские православные архипастыри..., с. 13.

² Самарин Ю. Окраины..., вып. III, с. 174-175.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛАТВИИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX в. - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

В статье рассматриваются основные исследования в исторической и историко-партийной науке Латвии за последнее десятилетие, касающиеся разных аспектов развития аграрных отношений как в эпоху капитализма, так и в период перехода от капитализма к социализму. В ней сделана попытка обобщения и оценки лишь основных исследований по вопросам аграрной истории. При этом главное внимание уделяется вопросам, по которым в исторической и историко-партийной литературе республики существуют расхождения во взглядах исследователей или еще не нашедшие достаточно полного отражения в историографии Советской Латвии. Научное исследование любой проблемы в конкретном регионе (в данном случае речь идет о Советской Латвии и составной части советской исторической науки - истории Советской Латвии) определяется тремя факторами, не зависящими от особенностей региона: традиционными методами исследования, общим уровнем советской исторической науки и идеологической значимостью проблемы.

По традиции, главной спорной проблемой для историков республики является уровень развития капитализма в Прибалтике. В этой связи необходимо упомянуть дискуссию 20-х - начала 30-х годов и дискуссию 70-х годов о двух путях эволюции капитализма в советской исторической литературе, заметно продвинувшие вперед развитие самой исторической науки. В свою очередь, идеологическая борьба со всей остротой поставила вопрос о необходимости и целесообразности разделения помещичьих земель¹.

При этом необходимо принять во внимание вопрос о радикальных особенностях аграрных условий в Прибалтийских губерниях, якобы не позволяющих применять общие закономерности революционных преобразований.

¹ Канишева Н. И. Современная западногерманская буржуазная историография о предпосылках Октябрьской революции. - История СССР, 1983, № 4, с. 160-174.

Именно последнее утверждение выдвинуло перед историками Советской Латвии сложную задачу, к решению которой приступили пока только представители историко-партийной науки, в частности П.Бондарев.

Голосы аграрной истории наряду с другими всегда были в центре внимания историков Советской Латвии. За последнее десятилетие из всей литературы по аграрному вопросу в Латвийской ССР следует выделить наиболее крупные монографические исследования¹.

Появились серьезные исследования, освещающие аграрные отношения: как предпосылки², так и процесс становления и развития социалистических аграрных отношений³.

- ¹ Balevica L. Lauksaimniecība Vidzemē un Kurzemē pirmā pasaules kara laikā priekšvakarā. Rīga: Zinātne, 1970.-190. lpp.
Niedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki un zemnieki pirmā pasaules kara laikā. Rīga, Zinātne, 1972, 184.lpp.
Niedre O. Baltijas zemniecības sociālā struktūra. Rīga, 1980.
Čerķis K., Kirtovskis I. P.Stučkas ekonomiskie uzskati. Rīga, 1977.
Bondarevs P. Stučka par agrāro jautājumu Latvijā. Rīga: Avots, 1980.-221.lpp.
Киртовский И.Х. Очерки истории латышской экономической мысли (1890-1920). Рига; Зинатне, 1976.
Бондарев П.Я. Аграрная политика Коммунистической партии Латвии (1904-1940 гг.). Рига: Авотс, 1982.-325 с.
- ² Balevica L. Lauksaimniecība Vidzemē un Kurzemē pirmā pasaules kara laikā priekšvakarā. Rīga: Zinātne, 1970.-190. lpp.
Niedre O. Vidzemes un Kurzemes strādnieki un zemnieki pirmā pasaules kara laikā. Rīga: Zinātne, 1972.-184.lpp.
Niedre O. Baltijas zemniecības sociāla struktūra. Rīga, 1980.
Штейман И.А. Тактика Компартии Латвии в социалистической революции 1940 года. Рига, Лиесма, 1977, 170 с.
Зиле Л.Я. Периоды и этапы строительства социализма и изменение социальной структуры общества. Рига: Лиесма, 1978.-300 с.
- ³ Zagars E. Sociālistiskie pārveidojumi Latvijā 1940-1941. g. Rīga. Zinātne, 1975, 250.lpp.
Очерки истории Коммунистической партии Латвии III. 1940-1959. Рига, Лиесма, 1981.-495 с.
Построение социализма в Советской Прибалтике. Исторический опыт Ком. парт и Литвы, Латвии, Эстонии. Рига: Авотс, 1982.-606 с.

Этот вопрос нашел свое отражение в обобщающих исследованиях по проблемам строительства социализма¹ (в тематических сборниках).

Впервые в обобщенном виде историография исследований по вопросам аграрных отношений, а также анализ состояния изучения аграрной истории Латвии дан А.К.Бироном². Наряду с оценкой латышских исследователей 20-30-х годов, проживавших в СССР, которые подошли к анализу аграрных отношений с позиций исторического материализма³, А.Бирон подробно рассматривает исследования по аграрной истории Латвии, сделанные в период после Великой Отечественной войны (вплоть до 70-х годов)⁴. Среди исследований этого периода основное место отведено освещению аграрных отношений Латвии в 60-80-х годах XIX века.

Б.А.Томан в монографии "Историография Коммунистической партии Латвии"⁵ наряду с анализом конкретно-исторических условий появления историко-партийных трудов оценивает исследования аграрного вопроса в историко-партийной литературе. Автор подробно рассматривает основные концепции по вопросам аграрной политики Компартии Латвии на разных этапах историографии истории КПЛ с начала возникновения этой науки до вступления в период развитого социализма. А.Бирон при рассмотрении вопросов историографии Советской Латвии обращает внимание на вклад историков республики в исследование аграрных отношений периода капитализма. Б.Томан бо-

¹ См. ² на с.146.

² Бирон А.К., Дорошенко В.В. Советская историография Латвии. Рига; Зинатне, 1970, с.173-197.

³ Оценка вклада исследований 20-х - 30-х годов по вопросам аграрной истории Латвии. см.Бирон А.К., Бирон М.Ф. Становление советской историографии Латвии. Рига: Зинатне, 1981, с.158-216.

⁴ Работы Б.Р.Брежго, А.Д.Миеринь, И.Р.Грейтъяниса, М.И.Козина, Я.П.Крастиня.

⁵ Томан Б.А. Историография истории Коммунистической партии Латвии (конец XIX в. - начало 60-х годов XX в.). Рига: Авотс, 1983.- 325 с.

лее подробно останавливается на вопросах аграрной политики партии, марксистско-ленинской концепции аграрной теории в трудах как историков, так и авторов, занимающихся историей партии.

В аграрной истории Латвии XIX век является наиболее изученным, а проблемы XX века изучены пока недостаточно. Ценным вкладом в исследования аграрной истории Латвии можно считать монографии М.Духанова, М.Сваране, с некоторыми оговорками — исследования Дз.Лиепинь, А.Миеринь (последняя выходит за рамки данной статьи.), а также работы М.Козина, Г.Строда.

По некоторым вопросам аграрной истории Латвии между исследователями нет единого мнения: это пути аграрной эволюции сельского хозяйства Латвии и оценка социальной структуры Латвии периода капитализма. Часть историков (Л.Балевиц, М.Козин) придерживается мнения, что в латышской деревне, которая шла по прусскому пути развития капитализма, среднее и мелкое землевладение и крестьянское землепользование были сравнительно незначительными, а безземельные составляли две трети земледельческого населения. М.И.Козин в своих исследованиях¹ выявляет факторы, определившие прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве Лифляндии². Сельское население М.И.Козин делит на 4 группы: безземельные, бедняки, середняки и кулаки (к кулацким хозяйствам он относит хозяйства, земельный надел которых превышал 25 десятин)³. Безземельные в деревне, по мнению автора, составляли при-

¹ Анализ исследований М.И.Козина дан А.К.Бироном в книге: Бирон А.К., Дорошенко В.В. Советская историография Латвии. Рига: Зинатне, 1970, с.181-184.

² Козин М.И. Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства Лифляндской губернии во второй половине XIX века. — Аграрный ежегодник. М., 1959, с.273.

³ Козин М.И. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве Прибалтики в послевоенной исторической литературе. — в кн.: Советская историография аграрной истории СССР (до 1917). Кишинев, 1976.

близительно 65% всего населения. Этого же мнения придерживается Я.П.Крастиньш¹.

Другие историки придерживаются мнения, что в 60-70-х годах XIX века большую часть крестьян-дворохозяев составляли средние слои крестьянства.

Л.Балевиц в своих исследованиях² тоже подчеркивает, что в отличие от высокообразованных губерний юга России особенности аграрных отношений в Прибалтике определили ярко выраженный прусский путь эволюции капитализма в сельском хозяйстве. Опираясь на данные военно-конской переписи 1912 года и сельскохозяйственной переписи 1916 года, Л.Балевиц выделяет три группы крестьянских хозяйств в Видземе: мелкие, середняцкие и кулацкие.

О.М.Ниедре в специальных исследованиях по вопросам социального расслоения крестьянства выделяет пять качественно отличных групп крестьянства. В работах "Рабочие и крестьяне Видземе и Курземе в период первой мировой войны" и "Социальная структура прибалтийского крестьянства"³ при характеристике социальных групп (пролетариат, полупролетариат, беднейшее крестьянство, среднее крестьянство, кулаки) автор отмечает причины разногласий между историками Советской Латвии при определении количественного состава и соотношения полупролетарского слоя и других слоев крестьянства. Причина этих расхождений - различный подход к определению принадлежности крестьянина к социальной группе полупролетариата. В своих исследованиях О.Ниедре делает попытку оп-

¹ Krastinš J. 1905. gada revolūcija Latvijā. Rīga: Zinātne, 1975.-22.lpp.

² Baleviča L. Lauksaimniecība Vidzemē un Kurzemē pirmā pasaules kara laikā priekšvakarā. Rīga: Zinātne, 1970.
Baleviča L. 1916. gada lauksaimniecības skaitīšanas pirmmateriālu izmantošana Vidzemes zemniecības vēstures pētīšanai.-Latvijas PSR ZA Vēstis, 1971, Nr.10.

³ Niedre O. Vidzemes strādnieki un zemnieki pirmā pasaules kara laikā. Rīga: Zinātne, 1972.-184.lpp. Niedre O. Baltijas zemniecības sociālā struktūra. XX gg. pirmajās gadu desmitos. Rīga: P.Stučkas LVU, 1980.-104.lpp.

ределения грани между социальными группами пролетариата, полупролетариата и мелкого крестьянства, подчеркивая, что такое разграничение необходимо для выяснения политической активности этих групп. О.Ниедре отмечает, что историки Советской Латвии придерживаются единого мнения о том, что сельское хозяйство в Видземе и Курземе находилось на более высоком уровне, чем в центральных районах России. Однако существуют расхождения во взглядах в отношении оценки степени развития капитализма в этих губерниях.

Исследование аграрной истории Латвии невозможно без анализа хозяйств фактических землепользователей. Для установления полной объективности картины по этому вопросу необходимо проанализировать и пустить в научный оборот новые, до сих пор еще мало исследованные или неисследованные источники. В ряде статей О.Ниедре использует еще недостаточно исследованный материал сельскохозяйственной переписи 1881-1898, 1913 и 1918 годов, расширяющий наше представление о крестьянских хозяйствах на помещичьих землях¹. Он считает, что новые источники такие, как данные статистики землевладений и военно-конские переписи, выдвигают необходимость учитывать региональные особенности образования этих источников². Анализ источников, приведенных О.Ниедре, еще раз доказывает обоснованность методики подсчета и классификации крестьянских хозяйств, применяемой эстонскими историками³.

Проблема социального расслоения прибалтийского крес-

¹ Ниедре О.М. Характер арендных договоров между крестьянами Лифляндской и Курляндской губерний в начале XX в. - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1970.

Niedre O. Divpadsmit zemnieku saimniecību budžeti periodā no 1866.-1916. g. - Grām.: P.Stučkas LVU Zinātniskie raksti, 168. sēj., Rīga, 1973.

² Ниедре О.И. Специфические (прибалтийские) особенности статистики землевладения и военно-конских переписей конца XIX - начала XX в. - В кн.: Вопросы аграрной истории Прибалтики. Сборник научных трудов (межвузовский). Рига, 1982, 3-16 с.

³ Там же, с. IС-II.

тьянства в период капитализма затронута многими историками-аграрниками. Однако, единого мнения по этому вопросу в историографии Советской Латвии пока нет. Расхождение взглядов проявляется в определении количественного и качественного состава разных социальных групп сельского населения. Нет четкости в определении принадлежности к той или другой социальной группе, а также единого мнения о критериях, определяющих грани конкретных социальных групп.

По мнению многих исследователей, главное препятствие, не позволяющее решить этот вопрос, — недостаточная источниковая база, т.е. отсутствие полных конкретных данных о крестьянских хозяйствах. Отсутствие подобного рода источников не позволяет определить основные черты отдельных типов крестьянских хозяйств. Продолжает оставаться актуальной проблема выявления и анализа новых источников, содержащих сведения о развитии и социальной структуре прибалтийской деревни, а также разработка единой методики анализа исторических источников. Ввод в научный оборот новых источников, помимо известных историков-аграрников, был сделан молодыми исследователями, среди которых И.Грава, И.Звиргздиньш, Я.Беберс¹.

¹ Грава И.К. Новый источник по истории крестьянства Прибалтики накануне первой мировой войны. — История СССР, 1981, № 3. Статистическое обследование крестьянских хозяйств Лифляндской губернии 1913-1914 гг. как исторический источник для изучения социальной структуры крестьянства. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. историч. наук. 1982.

Грава И.К. Опыт изучения социально-экономической структуры крестьянских хозяйств на материалах обследований 1913-1914 гг. в Венденском уезде. — В кн.: Вопросы аграрной истории Прибалтики. Сборник научных трудов (межвузовский) Рига: ШУ им. П. Стучки, 1982, с. 157-165;

Звиргздиньш И.К. Характеристика материалов Митавского отделения крестьянского поземельного банка. — Там же, с. 17-29; Беберс Я.Я. Расслоение латышского крестьянства в СССР накануне коллективизации (1925-1928). — Там же, с. 174-181.

Выявление различных социально-экономических групп в деревне возможно лишь на основе всестороннего анализа внутренней и производительной структуры крестьянских хозяйств разных типов. Решить эти вопросы возможно только при полном и комплексном анализе источников, наиболее широко и всесторонне характеризующих внутреннюю структуру крестьянских хозяйств разных типов. Важны не только выявление и анализ такого рода источников, но, как уже говорилось, и разработка методики такого анализа, что является одним из важнейших условий успешного решения вопроса о социальной структуре прибалтийского крестьянства и путях эволюции капитализма в сельском хозяйстве Латвии.

И.Грава касается некоторых вопросов методики анализа исторических источников (на материалах обследования 1913-1914 гг. в Венденском уезде)¹. Она указывает на важное свойство анкет обследования - получение не только прямой, но и скрытой информации. Ценность работы И.Гравы - в том, что она впервые в исторической литературе Латвии не просто предлагает шире применять математико-статистические методы в исследованиях аграрных отношений, но и убедительно доказывает необходимость применения этих методов. Из разнообразного арсенала математико-статистических методов он выделяет метод корреляционного анализа, ибо последний является наиболее эффективным для количественного выражения характера взаимосвязей различных факторов крестьянского хозяйства².

При оценке исследований аграрных отношений периода капитализма (особенно в XIX веке) в Латвии главным их недостатком, на наш взгляд, является оторванность изучаемых вопросов от их теоретической оценки и позиций в целом по стране. До сих пор вне внимания историков Советской Латвии

¹ Грава И.К. Опыт изучения социально-экономической структуры крестьянских хозяйств на материалах обследований 1913-1914 гг. в Венденском уезде. - В кн.: Вопросы аграрной истории Прибалтики. Сборник научных трудов (межвузовский). Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1982, с.160-167.

² Там же, с.163.

остаются результаты острейшей дискуссии .: о двух путях эволюции капитализма в сельском хозяйстве, не в полной мере, по существу, учитываются историками Латвии теоретические выводы по вопросам развития аграрных отношений, высказанные в фундаментальных монографических исследованиях и теоретических статьях Ковальченко И.Д. (Москва), Миронова Б.Н. (Ленинград), а также основные концепции, выдвинутые эстонскими исследователями, касающиеся вопросов аграрной истории Прибалтийских губерний, в частности Лифляндии и Курляндии. Этим объясняется некоторая обособленность исследований аграрных отношений Латвии XIX века.

Вопросы аграрной теории привлекли внимание не только историков. С экономической точки зрения аграрные отношения Латвии конца XIX века - начала XX вв. рассматриваются в исследованиях И.Киртовского¹. Глубоко проанализировав экономические взгляды видных партийных деятелей Латвийской социалдемократии, автор дает оценку их вклада в развитие марксистской экономической мысли и раскрывает двухсторонний подход к аграрному вопросу - с точки зрения аграрной программы и аграрной политики партии.

В монографии П.Бондарева² - две группы вопросов: во-первых, характеристика и оценка П.Стучкой аграрных отношений и условия их развития в эпоху капитализма в Латвии; влияние аграрной эволюции на социальную структуру деревни Латвии. Вторая группа вопросов касается изучения роли П.Стучки и его теоретического наследия по вопросам аграрной теории при разработке и осуществлении аграрной политики партии.

Экономический аспект анализа аграрных взглядов П.Стучки П.Бондарев тесно связывает с социальным: центральное место занимает проблема безземельных крестьян. Каза-

¹ Киртовский И.Х. Очерки истории латышской экономической мысли (1890-1920), Рига: Зинатне, 1976.
Gerķis K., Kirtovskis I.P. Stučkas ekonomiskie uzskati. Rīga, 1977.

² Bondarevs P. P.Stučka par agrāro jautājumu Latvijā. Rīga: Avots, 1980.-221.lpp.

лось бы, что этот вопрос ясен сам по себе. Однако очень трудно определить грани между батраком и хозяином, ибо к социальной группе "хозяева" нельзя отнести только землевладельцев. В какой-то мере к этой категории сельского населения относятся и мелкие землепользователи, обрабатывающие арендованные или в пользование полученные другими путями земли. От правильной постановки и решения этого вопроса зависят определение и выявление основных направлений классовой борьбы в деревне и, в конечном счете, - правильная оценка аграрной политики партии.

Очень важна разница в определении понятий "аграрная программа" и "аграрная политика". Эти понятия не совсем идентичны. Аграрная политика является составной частью общей политики партии, нацеленной на решение общественных вопросов и формирование новых производственных отношений. Марксистская аграрная программа развивалась в неразрывной связи с классовыми задачами пролетариата. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, под аграрной программой мы подразумеваем определение руководящих начал социал-демократической партии по отношению к сельскому хозяйству, к классам, социальным слоям и группам сельского населения. Подчеркивая особую значимость аграрной программы для такой "крестьянской" страны, как Россия, В.И. Ленин указывал, что она должна являться главным образом "крестьянской программой", определяющей отношение к крестьянскому вопросу. Практические потребности выдвигают задачу пропаганды и агитации в деревне, а это невозможно без принципиально выдержанной и политически целесообразной программы.

Как бы логическим продолжением вопросов первой монографии является обобщающее исследование П. Бондарева об аграрной политике партии^I, где прослеживается эволюция взглядов большевиков Латвии по аграрно-программным вопросам и борьба за победу ленинских принципов аграрной политики партии на разных этапах революции. Наряду с анализом сугу-

^I Бондарев П. Я. Аграрная политика Коммунистической партии Латвии (1904-1940 гг.). Рига: Авотс, 1982.-325 с.

бо историко-партийных вопросов П.Бондарев высказывает собственную точку зрения по целому ряду вопросов: соотношение землевладения и землепользования в Латвии, буржуазно-аграрная эволюция сельского хозяйства. В исследовании подчеркивается значимость изучения аграрных отношений, в центре которых - крестьянин, т.е. от экономических и социально-политических условий зависит его мышление и политические действия, восприятие марксистских идей той или иной социальной группой крестьян.

Вопросы социальной структуры деревни затрагивает И. Штейман¹ при анализе классовых сил и выявлении союзников рабочего класса в борьбе за демократические и социалистические преобразования в Латвии.

Руководствуясь тезисами II конгресса Коммунистического Интернационала по аграрному вопросу, написанных В.И. Лениным в 1920 г., И.Штейман выделяет в деревне пять социальных групп: сельскохозяйственный пролетариат, или сельскохозяйственные рабочие; беднейшее крестьянство, т.е. та часть крестьянства, которая владела на правах собственности или аренды небольшими участками земли (в условиях Латвии - до 2 га), лишь частично обеспечивавших их семьи продовольствием, и была вынуждена работать по найму в сельском хозяйстве или промышленности. Это были полупролетарии, наиболее близкий городскому пролетариату слой в деревне. Мелкое крестьянство, т.е. собственники или арендаторы участков земли (в условиях Латвии - обычно до 10 га), обработка которых позволяла удовлетворить основные потребности семьи. Среднее крестьянство, т.е. владельцы на правах собственности или аренды средних по размеру хозяйств (в условиях Латвии - от 10 до 30 га), обеспечивавших не только содержание семьи, но и получение известного излишка. Буржуазия - владельцы крупных хозяйств (в условиях Латвии - от 30 до 100 га), эксплуатировавшие сельскохозяйственных рабочих и

¹ Штейман И.А. Тактика Компартии Латвии в социалистической революции 1940 года. Рига: Лиесма, 1977.-170 с.

окрестных беднейших крестьян¹. И.Штейман делает оговорку, что разделение социальных групп в деревне по размеру хозяйств - явление условное. При этом надо обязательно учитывать и другие факторы, в первую очередь - эксплуатацию наемной рабочей силы. Если зажиточные крестьяне прибегали к найму сезонных рабочих изредка, то сельская буржуазия эксплуатировала их постоянно. Такого определения социальной структуры сельского населения в период диктатуры буржуазии придерживаются и другие исследователи истории Компартии Латвии, в частности, Л.Зиле². Некоторые из них (П.Бондарев) считают сомнительным относить крестьянское хозяйство размером 10-30 га к средним. Ясность и полное понимание структуры крестьянства необходимы для определения правильной стратегии и тактики политики КПЛ в деревне.

Основные положения строительства и укрепления социализма в Латвии, деятельность партии в области аграрной политики и преобразования аграрных отношений даны в 3-й части "Очерков истории Компартии Латвии", а также в монографиях Э.Жагарса, Л.Зиле, В.Каралюна, Э.Мурниека³.

В 3-й части "Очерков Компартии Латвии" рассматривается осуществление аграрной политики КПЛ в период укрепления советской власти и первых социалистических преобразований после победы социалистической революции 1940 года: содержание, цель и оценка советской аграрной реформы; применение ленинского кооперативного плана в условиях Латвии и упрочение социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве.

¹ Штейман И.А. Тактика Компартии Латвии в социалистической революции 1940 г. ... с.118-120.

² Зиле Л.Я. Периоды и этапы строительства социализма и изменение социальной структуры общества...

³ Очерки Коммунистической партии Латвии (Ш). 1940-1959. Зиле Л.Я. Периоды и этапы строительства социализма и изменение социальной структуры общества...: Исторический путь строительства социализма. В.Каралюн. Союз промышленности в деревне... Э.Жагарс. Sociālistiskie pārkārtojumi Latvijā... Э.Мурниекс. Latvijas kolhozu zemniecība. Rīga: Liesma, 1975. - 182.lpp.

Л.Зиле¹ при анализе структуры советского общества, в частности социальной структуры села, охарактеризовала лишь некоторые наиболее общие черты, подчеркнув, что каждый новый этап строительства социализма вносит определенные изменения в социальную структуру крестьянства.

Как бы продолжением этого вопроса является исследование Э.Мурниека². На основе сравнительного анализа социальной структуры крестьянства до и после коллективизации он делает вывод, что изменения в структуре не совпадают с соответствующими изменениями в материально-технической базе сельского хозяйства³. Основные тенденции изменений социальной структуры колхозного крестьянства не носят локального характера. Однако проявление этих тенденций, темпы изменений социальной структуры и соотношение социальных групп в различных регионах страны не одинаковы. Э.Мурниека разграничивает толкование смысла и содержания понятия социальной структуры крестьянства до и после социалистических преобразований в деревне. В период господства капиталистических отношений в сельском хозяйстве социальная структура крестьянства отражала различия в размерах, а значит, и в доходах хозяйств и, в сущности, являлась не внутриклассовой, а межклассовой структурой, ибо признаки социального расслоения крестьянства были сходны с признаками классового разделения общества.

В историко-партийных исследованиях последнего десятилетия поднят ряд важных, до сих пор не изученных вопросов. Одним из них, имеющим большое значение не только в изучении аграрной истории и аграрной политики партии, но и для исторической и историко-партийной науки в целом, является социалистическая революция в деревне, которая рассматривается во второй монографии Л.Зиле⁴. В этой работе обобщается опыт становления и дальнейшего развития социалистичес-

¹ Зиле Л.Я. Периоды и этапы строительства социализма...

² Mūrnieks E. Latvijas kolhozu zemniecība ... 182.lpp.

³ Там же, с.158.

⁴ Зиле Л.Я. Исторический путь строительства социализма. Рига: Лиесма, 1978.-300 с.

ких производительных сил и совершенствования производственных отношений на определенных этапах строительства социализма. Ценность этого, как и предыдущего¹, исследования в том, что автором не только обозначена, но и убедительно аргументирована новая хронология переходного периода от капитализма к социализму в условиях Латвийской ССР.

Национализация земли и земельная реформа совершили аграрный переворот в сельском хозяйстве, изменили соотношение классовых сил в деревне². КП Латвии в аграрной сфере предстояла задача - установить экономическую смычку между социалистической промышленностью и мелкотоварным крестьянским производством, т.е. укрепить союз рабочего класса и крестьянства с целью продолжения строительства социализма. В свою очередь коллективизация в Латвийской ССР означала создание социалистического способа производства в аграрной сфере. На завершающем этапе переходного периода предстояло закрепить социалистические производственные отношения в аграрной сфере. Дальнейшее развитие должна была получить материально-техническая база колхозно-совхозного производства, организационно-хозяйственное укрепление колхозного строя.

Партийное строительство - возникновение партийных организаций на селе, их рост и укрепление, расширение сети сельских первичных организаций в период коллективизации - рассматривается в работах А.Крынкиной, А.Андриксона, А.Левтова³.

- 1 Зиле Л.Я. Периоды и этапы строительства социализма...
- 2 Анализ советской аграрной реформы с социально-экономической точки зрения дан в монографии Э.Жагерса "Социалистические преобразования в Латвии. 1940-1941, глава III.
- 3 Крынкина А. Рост и укрепление сельских партийных организаций республики в первой половине 50-х годов. - В кн.: Вопросы истории и партийного строительства Коммунистической партии Латвии. Рига, 1979, т. I; Андриксон А.Я. Коммунистическая партия Латвии в борьбе за осуществление ленинского кооперативного плана (1940-1958). Рига, 1971; Левтов А. Деятельность Коммунистической партии Латвии по развитию сельского хозяйства Латвии (1951-1968). Рига, 1971.

Деятельность Компартии Латвии в сфере организации производства и экономического сотрудничества представителей индустрии и сельского хозяйства республики освещает В. Каралон в монографии "Союз промышленности и сельского хозяйства"¹. В этой работе впервые в исторической и историко-партийной науке Советской Латвии дается экономическая и политическая оценка достижений Компартии Латвии в обеспечении победы социалистических аграрно-индустриальных отношений в сельском хозяйстве республики.

Немало ценного материала по вопросам развития аграрно-индустриальных отношений Советской Латвии в период 1940-1941 гг. приводит в своих исследованиях Э. Жагарс (особенно в монографии, посвященной социалистическим преобразованиям в Латвии в 1940-1941 гг.²).

Изучая строительство социализма в республиках Советской Прибалтики, историки стали обращаться к коллективным региональным исследованиям, что позволило глубже выявить и проанализировать общее и особенное в этом процессе в региональной монографии, посвященной социалистическим революциям 1940 г. в республиках Прибалтики³. Авторы, обобщив предыдущий исследовательский опыт изучения этих проблем, основное внимание уделяют характеру и результатам социально-экономических преобразований сельского хозяйства региона в начале переходного периода от капитализма к социализму. Ряд вопросов этого периода рассматривается и в коллективном фундаментальном исследовании институтов Академии наук Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР⁴.

Краткая историография вопросов социалистического преобразования сельского хозяйства в Советской Прибалтике, в частности Латвии, дана в историографическом очерке меж-

¹ Karalons V. Rūpniecības un lauksaimniecības savienība. Rīga; Avots, 1982.-308.lpp.

² Žeģars E. Sociālistiskie pārkārtojumi Latvijā 1940.-1941. ...

³ Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. Восстановление советской власти. М., 1978.

⁴ Развитие экономики республик Советской Прибалтики. Вильнюс, 1980.

региональной монографии Института истории партии при ЦК КП Литвы, Латвии, Эстонии¹. Наряду с другими существенными вопросами строительства социализма в Прибалтийских республиках дан анализ деятельности республиканских партийных организаций по проведению советской аграрной реформы и первых социалистических преобразований в сельском хозяйстве, показаны процесс коллективизации сельского хозяйства республики и деятельность партийных организаций по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов и дальнейшему подъему социалистического сельскохозяйственного производства, отражены перестройка социально-классовых отношений на селе в ходе социалистических преобразований в сельском хозяйстве и изменения социально-классовой структуры сельского населения.

Историография социалистического преобразования сельского хозяйства в республиках Прибалтики, в частности Латвии, посвящены исследования Я.Васерманиса². Ценность исследований Я.Васерманиса в том, что впервые в исторической и историко-партийной науке целое исследование посвящено изучению историографии отдельной проблемы в региональном масштабе.

Я.Васерманис поднимает ряд вопросов, в процессе изучения которых наблюдается расхождение в позициях историков. До-первых, в историографии существует упрощенное понимание наличия остатков феодализма в аграрном строе При-

¹ Построение социализма в Советской Прибалтике. Исторический опыт Компартии Литвы, Латвии, Эстонии. Рига, 1982, с.38-39.

² Васерманис Я. Современная советская историография о характере земельных реформ и изменений в социальной структуре деревни Прибалтики в 1940-1941 гг. - Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1978, № 4, с.19-28. Васерманис Я. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства в республиках Прибалтики. Автореф. и дисс. на соиск.учен.степ. канд.истор.наук. Москва, 1981.

балтийских республик¹. Во-вторых, из этого вытекает различное толкование характера советских земельных реформ. Основу расхождений составляет двоякая оценка результатов предшествующей аграрной эволюции и самих реформ 1940 года. Суть расхождений: являлась ли аграрная реформа 1940 г. буржуазно-демократической по своему характеру, т.е. была ли она направлена против остатков феодализма, или - социалистической, направленной против капиталистических отношений буржуазной собственности. В "Очерках истории КПЛ" (Ш), указывается, что аграрная реформа в Латвии проводилась в условиях диктатуры пролетариата и была направлена против кулачества, создавая благоприятные условия для перехода к социалистическому земледелию. По своему характеру она была социалистической, т.е. являлась неотъемлемой составной частью социалистических преобразований во всех областях социально-экономической и культурной жизни республики². В-третьих, двоякое понимание сущности социально-экономических изменений в деревне в результате земельной реформы. Одно мнение: наряду с укреплением союза рабочих и крестьян произошло осереднячивание крестьянства, т.е. большинство крестьян поднялось до уровня середняка. И второе: реформы привели лишь к определенному выравниванию социально-экономического положения социальных групп в деревне. Другими словами, - социалистический способ производства одерживает победу быстрее, чем происходит осереднячивание крестьянства³.

Я. Васерманис обоснованно подчеркивает, что сущность осереднячивания не столько в количественных, сколько в качественных показателях, т.е. стало ли среднее крестьянство

¹ Васерманис Я. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства в республиках Прибалтики. Диссертация... с.170.

² Очерки истории КП Латвии, ч.Ш... с.77. Такой же оценки придерживается Э. Жагарс.

³ Васерманис Я. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства в республиках Прибалтики. Дисс. ... с.170.

основной экономической силой в деревне, на упрочение связей с которой была направлена экономическая политика советской власти в период строительства социализма.

В-четвертых, нет единства в определении сроков завершения коллективизации, а также всего процесса социалистического преобразования сельского хозяйства. Что касается вопроса зрелости материально-технической базы социалистического земледелия накануне и в период сплошной коллективизации, все больше в историографии республик Советской Прибалтики утверждается положение о том, что социальная и материально-техническая реконструкция деревни начались одновременно, социальный переворот завершился быстрее, и соответственно образовался определенный разрыв между формальным и реальным обобществлением¹.

Опыт изучения социалистического преобразования сельского хозяйства, являющийся составной частью переходного периода, обобщен во многих историографических исследованиях. Сущность социально-экономических результатов аграрных реформ в Советской Прибалтике историками расценивается, с одной стороны, как улучшение экономического положения деревенской бедноты за счет ликвидации крупнокапиталистического землевладения и ограничения кулачества. С другой, — создание социалистического сектора в сельском хозяйстве. Однако в советской исторической литературе пока еще нет обобщающего монографического исследования процесса коллективизации крестьянских хозяйств в отдельных республиках Прибалтики или регионе в целом. Недостаточно изучены динамика колхозного движения, особенно в период сплошной коллективизации. Предприняты первые попытки оценить степень активности различных социальных групп крестьянства при вступлении в колхозы, а также определить характер темпов сплошной коллективизации и их влияние на организационно-хозяйственное

¹ Васерманис Я. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства в республиках Прибалтики. Дисс. ... с.173.

укрепление колхозов¹. Особенно заметен недостаток исследований регионального масштаба, который позволил бы более четко проследить общее и особенное в проведении коллективизации.

Окончательное решение этих вопросов представляется возможным только при условии полной ясности в определении основ социальной характеристики единоличного крестьянина в Прибалтике. Большинство советских историков и экономистов, как указывает Я.Васерманис², за основу берут традиционную поземельную группировку. Во внимание не принимаются такие факторы, позволяющие судить об интенсивности сельскохозяйственного производства в отдельных хозяйствах, как стоимость всех средств производства, общий доход хозяйства, количество рабочего и продуктивного скота, связь хозяйства с рынком, наем и продажа рабочей силы и т.д.³

Для полной ясности в определении социальных групп сельского населения все эти показатели необходимо рассматривать в комплексе, для чего необходимо использовать количественные математико-статистические методы анализа исторических источников. Недопустима абсолютизация одного из показателей. Необходимо органичное единство качественного и количественного анализа социально-исторических явлений и процессов на научной общеметодологической основе.

Анализ литературы по проблеме в целом свидетельствует, что ученые республики в период 70-х - начала 80-х годов достигли серьезных успехов в освещении аграрных отношений,

¹ На малоизученные вопросы социалистического преобразования сельского хозяйства указывается в кн. "Очерки КПЛ", часть III, с.39.

² Васерманис Я. Советская историография социалистического преобразования ... Дисс. ... с.95.

³ Это в значительной мере относится к историкам-аграрникам Латвии, занимающимся определением социальных групп в период капитализма. Такой подход при выявлении среднего крестьянства в монографии И.Штеймана.

ленинской программы по аграрному вопросу и исторического опыта КПЛ в ее осуществлении в республике. Эти достижения — закономерный результат успешного развития советской исторической и историко-партийной науки в Латвии. Однако в научном плане эта проблема актуальна и сейчас. И не только потому, что ряд вопросов по данной проблеме еще недостаточно исследован: степень развития капитализма в крестьянском и помещичьем хозяйствах, соотношение двух типов буржуазной аграрной эволюции, социальная структура деревни, классовая борьба в деревне в переходный период, подготовка сплошной коллективизации сельского хозяйства республики и др.

В процессе изучения истории аграрных отношений в исторической и историко-партийной литературе Советской Латвии 70-х начала 80-х годов выявились два основных подхода. Исследователи гражданской истории оперируют преимущественно фактическими данными, характеризующими объективное положение участников аграрных отношений, т.е. самого сельского населения, размеры и структуру землевладения, наличие живого и мертвого инвентаря, количество наемной рабочей силы в хозяйствах и т.д. По этим индикаторам группируют сельское население. При этом неизбежными, конечно, оказываются расхождения в зависимости от того, на основании каких критериев производится выделение социальных групп сельского населения. Однако не эти частные расхождения наводят на размышления. Характерным для большинства гражданских историков является то, что они не идут дальше констатации различных характеристик отдельных аспектов объективного положения сельского населения, не учитывая, какие интересы были объективно свойственны тем или иным группам населения, какие из этих интересов, в силу каких обстоятельств и как осознавались участниками аграрных отношений, становясь мо-

Г. В заключение, в какой-то мере, является монография Балевиц Л. и Ниедре О., в которых, наряду с констатацией аспектов аграрных отношений, дается характеристика отдельных моментов классовой борьбы и борьба ЛСД за объединение сельскохозяйственного пролетариата.

тивами их общественно-политических поступков, действий и движений, и какие политические действия и движения происходили из всей этой сложной совокупности причин^I.

Таким образом, вне поля зрения остается собственно история, т.е. активная деятельность людей, преобразующих общество. Ведь развитие исторической науки в целом, исследование ее отдельных проблем должны отражать внутреннее развитие, его логику и, вместе с тем учитывать социальный характер истории, как науки, ближе других стоящей к политике и непосредственно связанной с запросами общества, классов, его составляющих и их борьбой.

Другой подход к исследованию истории аграрных отношений, который представляют главным образом историки партии, характеризуется тем, что в центре внимания оказываются непосредственно политические действия сельского населения без детального выяснения того, какие социальные группы и их представители осуществляли эти действия.

В качестве исходного берется в общем верное положение о борьбе угнетенных и эксплуатируемых за свое освобождение. Но допускать при этом, что чем больше гнет, тем активнее сопротивление, что нищета сама по себе является якобы революционизирующим фактором, было бы ошибочно. Да, собственно, прямым образом никто такое и не утверждает, однако сельскую бедноту в целом считают наиболее социально активной силой без достаточной детализации, кто конкретно, движимый какими мотивами и в силу каких объективных условий осознавший именно эти мотивы предпринимал те или иные политические действия.

^I В какой-то мере исключение — монографии Балевиц Л. и Ниендре О., в которых, наряду с констатацией аспектов аграрных отношений, дается характеристика отдельных моментов классовой борьбы и борьбы ЛСД за объединение сельскохозяйственного пролетариата.

По-видимому, здесь не может идти речь о различном подходе к изучению истории аграрных отношений двух направлений исторической науки. Имеется лишь временные, в силу определенных традиций случайно сложившиеся группирования исследователей. Сам подход к исследованию в еще большей степени не подлежит сомнению: тоже будучи специфическим, это различие будет преодолено в результате последовательного изучения историками всех трех основных элементов, характеризующих аграрные отношения: 1) объективное положение, 2) осознание его и превращение в мотив поведения и 3) собственно общественно-политические действия социальных групп. Таким образом, можно будет не только воссоздать достаточно отчетливую историческую картину прошлого, но и добиться главного: исторический факт поднять до уровня научного факта, сделать эту картину поучительной и политически значимой для настоящего и будущего, поскольку будет понятно, когда, в силу каких условий, какие люди раскрывают исторические потенции и приходят к активному историческому творчеству.

Mūrmieks E. Latvijas lauku sociālekonomiskā at- tīstība (1970.g.-1980g.)	5
Spruģe L. LSD lauku organizāciju darbība pirmē imperiālistiskā pasaules kara laikā (1914.g.VII līdz 1917.g.II).....	25
Ниедре О.М. Некоторые особенности крестьянского землепользования и его социального состава в Прибалтике конца XIX - на- чала XX в.	44
Нуравская Е.И. Прибалтийские крестьяне-рыбаки в переселенческом движении на рубеже XIX - XX вв.	55
Strods H. Baltijas zemnieki un parazītība (1841.g.-1864.g.)	79
Газрилин А.В. Некоторые вопросы крестьянского движения за переход в православие в 1841 году в Прибалтике в интерпрета- ции апологетов православия	126
Малаховска Л.А. Современная историография аграр- ных отношений в Латвии второй полови- ны XIX в. - первой половины XX в....	145

ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЛАТВИИ

Сборник научных трудов
(междуязыковский)

Латвийский государственный университет им. П.Стучки

Рига 1984

На русском и латышском языках

LATVIJAS AGRĀRĀS VĒSTURES JAUTĀJUMI

Zinātnisko rakstu krājums

(starpaugatskolu)

Recenzenti: G.Barkovska, DFI PĒRS un vispārīgās vēstures katedras vadītāja, doc.;
A.Krastiņš, ZA Vēstures institūta vec. zin. līdzstr., vēstures zin. kand.

Redaktore: V.Kanāle, O.Gordejeva, I.Audriņa

Tehniskā redaktore A.Jakoviča

Korektore I.Balode

Parakstīta iespiešanai 10.12.84. JT 09319. Papīra formāts 60x84/16. Papīrs Nr.1. 10,8 fiz.iespiedl. 10,0uzsk.iespiedl. 8,2 uzsk.izdevn.l.Metiens 500 eks. Maksā 1 rbl. 20 k.
Pasūt. Nr. 1825

P.Stučkas Latvijas Valsts universitāte
226098 Rīgā, Raiņa bulv. 19
Iespiesta P.Stučkas LĻU tipogrāfijā
226050 Rīgā, Veidenbauma ielā 5